

ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ

НАУКИ

О НАРОДНОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

В. Левитскаго.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-литографія Г. В. Фалькъ, Духовская ул., соб. домъ.
1890.

Пров. 1959

Пров 38

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

Предисловіе.

Предлагаемое вниманію читателей сочиненіе задумано было шесть лѣтъ тому назадъ, послѣ появленія книги Карла Менгера „Untersuchungen über die Methode der Socialwissenchaften und der Politischen Oekonomie insbesondere“ (1883 г.). Появившіяся съ тѣхъ поръ новости методологической литературы по политической экономіи, несчитая очень немногихъ отечественныхъ произведеній этого рода, заключаются въ трехъ вступительныхъ рѣчахъ, сказанныхъ въ университетахъ: Вѣнскомъ—Брентано, Фрайбургскомъ, въ Германіи—Филипповичемъ и въ Бэрнскомъ—Берггофъ Изингомъ, которыя были изданы отдѣльными брошюрами. Несмотря на то, что за истекшее шестилѣтіе непоявилось ни одного сколько нибудь пространного сочиненія по методологіи политической экономіи, пробужденный книгою Менгера интересъ къ методологическимъ вопросамъ не ослабѣвалъ—въ германской литературѣ въ особенности. Въ германскихъ экономическихъ журналахъ шло непрерывное обсужденіе методологическихъ вопросовъ въ цѣломъ рядѣ библіографическихъ статей и замѣтокъ о новыхъ книгахъ по пол. экономіи, при чемъ ясно обозначились двѣ полемизирующія партіи—теоретиковъ, строящихъ свои экономическія воззрѣнія на базисѣ реформированной ими классической теоріи—и защитниковъ принциповъ исторической школы, формулированныхъ В. Рошеромъ и Книсомъ. Эта библіографическая литература, въ которой за послѣднее время сосредоточилось обсужденіе методологическихъ вопросовъ политической экономіи, была со стороны автора этого сочиненія, насколько возможно, предметомъ тщательнаго вниманія.

Ярославль.
18 Января 1890 г.

В. Левитскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе.

Введеніе. Вопросъ о задачахъ и методахъ политической экономіи въ виду многочисленности экономическихъ школъ 1

I. Объ историческомъ характерѣ общественно-хозяйственныхъ явленій. Политическая экономія какъ одна изъ историческихъ наукъ . 25

II. Объ историческомъ характерѣ теоретической политической экономіи въ особенности . 36

III. Теоретическая политическая экономія какъ одна изъ наукъ объ обществѣ . . . 64

IV. Задача и методъ теоретической политической экономіи 85

V. *Очеркъ воззрѣній исторической школы въ политической экономіи на задачи и методы этой науки* 128

Воззрѣніе исторической школы на политическую экономію какъ на науку историческую 129

VI. Этическое направленіе въ политической экономіи 141

Соціологическое воззрѣніе на политическую экономію 164

VII. Критика англійской классической теоріи и ея метода историческою школою . . 168

VIII. Эгоизмъ какъ основная посылка теоретической политической экономіи и вопросъ о мотивахъ хозяйственной дѣятельности . . 197

IX. Заключеніе объ исторической школѣ . 240

X. Критика экономическихъ системъ и ихъ классификація 243

Введеніе.

Вопросъ о задачахъ и методахъ политической экономіи въ виду многочисленности экономическихъ школъ.

Современная политическая экономія характеризуется параллельнымъ господствомъ нѣсколькихъ экономическихъ школъ. Достаточно указать, что современныя экономическія школы распадаются на три большія группы, представляемыя школою историческою, англійскою-классическою и соціалистическою; каждая изъ нихъ распадаетбя на отдѣльныя школы разныхъ оттѣнковъ, а эти послѣднія школы въ свою очередь характеризуются довольно существенными отличіями между собою. Такъ школа историческая представляетъ нѣсколько оттѣнковъ: реалистическую или, какъ она себя иногда называетъ—школу этическую, съ германскимъ профессоромъ Шмоллеромъ во главѣ, школу новоисторическую во главѣ съ профессорами Книссомъ, Вагнеромъ и Шёнбергомъ (извѣстнымъ издателемъ коллективно написаннаго нѣмецкими профессорами курса политической экономіи) и наконецъ старую историческую школу, съ ея главными представителями Вильгельмомъ Рошеромъ и Брюно Гильдебрандомъ [1]). Англійская классическая школа представляетъ писателей такихъ рѣзкихъ оттѣнковъ какъ основатель школы Ад. Смитъ и Джонъ Стюартъ Милль, съ одной стороны, и Давидъ Рикардо

1) Историческую школу подраздѣляетъ на три группы Schwiedland см. L'Historisme economique allemand. Journal des economistes 1885 г. Juillet стр. 3.

съ другой стороны, которые по справедливости могутъ считаться представителями двухъ различныхъ школъ. Соціалистическая школа также распадается на нѣсколько видовъ: достаточно упомянуть о двухъ изъ нихъ—школѣ германскаго научнаго соціализма и школѣ духовныхъ соціалистовъ. Каждая изъ этихъ школъ имѣетъ своихъ многочисленныхъ представителей въ современной ученой экономической литературѣ.

Не касаясь пока вопроса о томъ, составляетъ-ли современная система экономическихъ знаній нѣчто объективное, стоящее внѣ частныхъ воззрѣній той или другой школы, мы остановимся пока на характеристикѣ взаимныхъ отношеній экономическихъ школъ между собою. Здѣсь нужно прежде всего отмѣтить тотъ фактъ, что каждая экономическая школа критически относится ко всѣмъ осгальнымъ школамъ, стоитъ по отношенію къ другимъ школамъ, такъ сказать, на боевой ногѣ. Посмотримъ, напримѣръ, на отношенія экономистовъ-соціалистовъ—къ школѣ исторической. Вотъ что пишетъ Дюрингъ, экономистъ соціалистическаго оттѣнка, объ исторической школѣ еще въ 1866 г., т. е. въ первый періодъ существованія и самаго благотворнаго вліянія этой школы на развитіе политической экономіи. Для него эта школа представляется „эклектическимъ историзмомъ, который пытается вытѣснить всякую самостоятельную мысль. Нѣмцы послѣдняго времени, говоритъ Дюрингъ по адресу тойже исторической школы, пріобрѣли себѣ въ ученомъ мірѣ репутацію мыслителей, отличающихся нерѣшительностью мысли и мозаичною ученостью. Этотъ фактъ представляетъ для насъ тѣмъ большій позоръ, что наши великія заслуги въ области философской мысли недавняго прошлаго времени обязываютъ насъ сколько нибудь сообразоваться съ ними. Нашу изощряющуюся въ цитированіи ученость принимаютъ за выраженіе нашей мыслительной продуктивности, но это двѣ разныя ве-

щп, которыхъ нельзя смѣшивать. Мы имѣемъ историзмъ въ лучшемъ случаѣ описательный, ничего общаго не имѣющій съ критическою наукою, назначеніе которой должно состоять въ уясненіи причинной связи явленій. Этотъ историзмъ, который для объясненія каждаго отдѣльнаго момента исторіи требуетъ особой логики въ концѣ концовъ отказывается отъ всякой логики. Этотъ фальшивый историзмъ несовмѣстимъ съ истинною убѣжденностью. Апатія (Erschlaffung) и косность суть нетолько спутники, но и настоящія причины фальшиваго историзма“[2]). Теперь приведемъ отзывы одного изъ основателей научнаго соціализма—Карла Маркса о другихъ, несоціалистическихъ, школахъ. Признавая научныя достоинства за старою классическою школою, къ которой онъ относитъ Ад. Смита, Юма, Рикардо, Марксъ съ полнымъ отрицаніемъ относится къ Джону Стюарту Миллю и ко всему его направленію. Онь относитъ послѣдняго къ представителямъ „вульгарной политической экономіи, которая, вращается только въ сферѣ кажущейся связи экономическихъ явленій, которая для уясненія, такъ сказать, грубѣйшихъ явленій и для домашняго обихода буржуазіи постоянно пережовываетъ матеріалъ давно уже доставленный научною политическою экономіей, въ остальномъ же ограничивается тѣмъ, что систематизируетъ банальныя и самодовольныя представленія буржуазныхъ дѣятелей производства, но обьявляетъ ихъ вѣчными истинами“[3]). Ироническія замѣчанія Маркса о Рошерѣ и его историко-физіологическомъ методѣ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ полномъ игнорированіи Марксомъ виднаго научнаго значенія за германскою историческою школою въ политической экономіи[4]). Современные представители англійской классичес-

2) Dühring. Kritische Grundlegung der Volkswirthschaftslehre 1866 г. стр. 47—49; 469—470.

3) Капиталъ. Русск. переводъ. Томъ I-й стр. 29, 442, 509.

4) Тоже стр. 43, 152.

кой школы, какъ напр. Кэрнсъ и Тойнби (Toynbee), весьма мало склонны признавать научное значеніе за Карломъ Марксомъ. Что касается исторической школы, то ея многочисленные представители въ свою очередь облапаютъ большимъ запасомъ неодобрительныхъ эпитетовъ, которыми они стараются компроментировать всѣ другія школы. Шмоллеръ, напримѣръ, считаетъ школу Ад. Смита „матеріалистическимъ и партійнымъ ученіемъ либерализма и индивидуализма". Результаты направленія А. Смита, по мнѣнію Шмоллера, „вылились въ абстрактныя схемы неимѣющія никакого отношенія къ дѣйствительной жизни"[5]). И далѣе, Шмоллеръ слѣдующимъ образомъ отзывается о всѣхъ остальныхъ школахъ, кромѣ исторической, и о значеніи въ наукѣ послѣдней: „историческая школа представляетъ поворотъ къ научному изученію дѣйствительности, вмѣсто цѣлаго ряда туманныхъ абстрактныхъ изображеній, лишенныхъ всякаго научнаго значенія"[6]). Всѣ другія школы имѣютъ для него, такимъ образомъ, значеніе лишь „туманныхъ изображеній, лишенныхъ всякаго научнаго значенія". Въ курсахъ политической экономіи отдѣльныхъ школъ, въ особенности-же въ полемикѣ, возникшей въ послѣдніе годы въ нѣмецкихъ экономическихъ журналахъ между представителями исторической школы и сторонниками англійской классической школы, каждая изъ этихъ школъ называетъ только свои изслѣдованія и свой методъ точными „экзактными", отказывая въ этомъ эпитетѣ противной школѣ.[7])

---

5) G. Schmoller. Предисловіе къ изданію его журнала. Uber Zweck und Ziele des Iahrbuchs. Iahrbuch f. Gesetzgebung, Verwalt. und Volkswirth. 1881 г. стр. 1—18.

6) Schmoller. Zur Methodologie der Staatswissenschaften. Iahrb. fur Gesetzg. und Volksw. 1883 г. стр. 242.

7) Карль Менгеръ напр. называетъ „экзактною" политическую экономію школы Рикардо, оперирующую дедуктивнымъ методомъ. Untersuchungen über die Methode d. Socialwissenschaften und d. Polit. Oeconomie стр. 38; Scheel, напротивъ, называетъ „экзактнымъ" историческое направленіе въ полит. экономіи (см. его предисловіе къ нѣмецкому переводу соч. Ingram. Die Notwendige Re-

Хотя нѣкоторые изъ приведенныхъ нами отзывовъ однихъ школъ о другихъ были высказаны въ пылу горячей полемики, но уже самый тотъ фактъ, что обвиненія въ „не реальности“ и т. п. направляются не противъ отдѣльныхъ представителей той или другой школы, но противъ основныхъ воззрѣній цѣлой школы и въ общемъ каждая школа имѣетъ цѣлый обвинительный актъ противъ всѣхъ остальныхъ, представляетъ, на первый взглядъ, съ невыгодной стороны экономическую науку. Повидимому, самая многочисленность экономическихъ школъ и ихъ враждебное отношеніе между собою должны являться фактами, свидѣтельствующими о хаотическомъ состояніи экономическихъ знаній. Въ особенности для лицъ знакомыхъ съ состояніемъ положительныхъ наукъ современныя отношенія между экономическими школами могутъ представляться фактомъ чрезвычайно компроментирующимъ экономическую науку. Другія лица могутъ сравнивать положеніе политической экономіи съ современнымъ состояніемъ философіи, которая цѣликомъ свелась къ исторіи философскихъ школъ. Такой пессимистическій взглядъ на политическую экономію не соотвѣтствуетъ однако дѣйствительному положенію этой отрасли обществовѣдѣнія. Предыдущія соображенія приводятъ насъ къ другому заключенію объ отношеніи экономическихъ школъ къ системѣ знаній, составляющихъ политическую экономію. То, что обыкновенно разумѣется подъ политическою экономіей, не есть система знаній стоящихъ внѣ частныхъ экономическихъ системъ отдѣльныхъ школъ: *все современное содержаніе политической экономіи слагается изъ элементовъ знанія, составляющихъ достояніе отдѣльныхъ экономическихъ школъ* [8]).

---

form der Volkswirtschaft. 1879 г. стр. VI), въ этомъ-же послѣднемъ значеніи разумѣетъ выраженіе „экзактный“ Schönberg въ своемъ Handbuch d. P. Oeconomie 2 изд. стр. 3—4.

8) Это несомнѣнный фактъ. Мы не можемъ поэтому считать послѣднюю по времени появленія школу историческую—послѣднимъ словомъ науки, а всѣ

Почти каждая изъ экономическихъ школъ представляетъ плодъ небезуспѣшныхъ усилій къ уясненію явленій хозяйственной жизни народовъ. Но отсюда далѣе долженъ возникнуть цѣлый рядъ вопросовъ. Формируя систему знаній современной политической экономіи изъ результатовъ добытыхъ отдѣльными школами, спрашивается, что-же мы должны брать изъ содержимаго каждой школы, что въ системѣ ученій каждой школы слѣдуетъ считать положительными истинами и что ошибками? Что каждая школа привнесла въ общую сумму экономическаго знанія, что слѣдуетъ отнести на счетъ случайныхъ заблужденій, вытекавшихъ изъ условій времени, господствующихъ вѣяній и настроеній вѣка,—наконецъ, существуютъ ли школы ничего невнесшія въ общую сумму экономическихъ знаній? Только послѣ такой критической оцѣнки экономическихъ школъ возможно научное построеніе политической экономіи. Отвѣты на вышепоставленные вопросы или, другими словами,

---

болѣе раннія школы, какъ напримѣръ, англійскую-классическую и соціалистическую разсматривать лишь какъ сложныя попытки къ экономическому знанію, ибо это значило бы смотрѣть на исторію развитія полит. экономіи съ точки зрѣнія хронологическаго прогресса. Этого нельзя уже допустить хотя бы потому, что между современными представителями всѣхъ этихъ школъ встрѣчаются люди высокихъ дарованій и съ обширнымъ экономическимъ образованіемъ. Мы беремъ на себя смѣлость утверждать, что между представителями двухъ послѣднихъ школъ ихъ встрѣчается даже больше, чѣмъ среди экономистовъ истор. школы. Даже самыя раннія по времени—экон. школы меркантилистовъ и физіократовъ нельзя считать лишенными всякаго научнаго значенія или сводить ихъ значеніе къ роли предохранительныхъ знаковъ, указывающихъ современнымъ изслѣдователямъ пути, которыхъ слѣдуетъ избѣгать, подъ опасеніемъ прійти къ ложнымъ выводамъ. Если исключить невѣрное ученіе о деньгахъ первой школы и ученіе „o produit net“ второй, то въ ихъ ученіяхъ остаются еще извѣстныя доктрины хозяйственной политики, которыя для данныхъ историческихъ условій могутъ быть и теперь оправданы (См. позднѣйшія изслѣдованія Вирмингауза о меркантилистахъ). Каждая партія, говоритъ Шторхъ о разныхъ направленіяхъ въ полит. экономіи, разсматриваетъ одни и тѣже факты, но распредѣляетъ и объясняетъ ихъ различно, по своему, и замѣчательно, что въ этихъ спорахъ не видно, чтобы на одной сторонѣ были только ученые, а на другой—неученые (см. Шторхъ. Курсы пол. экон. пер. Вернадскаго. Спб. 1881 г. Т. I. стр. 13).

уясненіе научнаго достоинства каждой изъ экономическихъ школъ должна бы намъ представить исторія политической экономіи, она должна бы намъ показать, въ какой мѣрѣ каждая школа своими трудами содѣйствовала прогрессу и усовершенствованію экономическихъ знаній, что и какимъ образомъ каждая изъ школъ прибавила къ суммѣ экономическихъ знаній. Но обращаясь къ этой наукѣ, въ ея современномъ положеніи, мы видимъ, что она не въ состояніи отвѣтить на поставленные нами вопросы. Дѣло въ томъ, что всѣ существующіе курсы по исторіи политической экономіи написаны въ духѣ частныхъ воззрѣній отдѣльныхъ школъ, при чемъ каждая школа, оставаясь вѣрной своей точкѣ зрѣнія, изображаетъ свои ученія вѣнцомъ экономическаго знанія, представляетъ остальныя школы какъ болѣе или менѣе неудачныя, или ошибочныя, попытки уясненія экономическихъ явленій, и въ качествѣ таковыхъ, какъ неимѣющія положительныхъ достоинствъ для того что-бы они могли занять опредѣленное мѣсто въ системѣ экономическихъ знаній. Въ большей или меньшей мѣрѣ въ такомъ видѣ рисуютъ намъ научное значеніе отдѣльныхъ экономическихъ школъ извѣстныя курсы по исторіи политической экономіи. („Dühring. Kritische Geschichte der Nationalôconomie. Kautz, Geschichte d. Nationalöconomie. Moritz Mayer, Die neuere Nationalöconomie in ihre Hauptrichtungen. Eisenhardt, Geschichte. d. Nationalöconomie. F. Engels. Dührings Umwälzung d. Wissenschaft, гдѣ содержится очеркъ исторіи полит. экономіи).

Итакъ исторія политической экономіи—наука, которая въ болѣе совершенномъ состояніи должна-бы намъ отвѣтить на вопросы выше указанные, сама представляетъ пока ничто иное какъ, такъ сказать, катехизисы отдѣльныхъ экономическихъ школъ. Мы идемъ еще далѣе и полагаемъ, что исторія политической экономіи въ своемъ современномъ видѣ не только не въ состояніи дать намъ отвѣты на поставлен-

ные вопросы, но сама она можетъ быть научно построена только послѣ того, когда будутъ предварительно рѣшены принципіальные вопросы объ основаніяхъ экономической науки и опредѣлены объективные критеріи экономическихъ знаній вообще. Построеніе научной системы экономическихъ знаній и критическая оцѣнка экономическихъ школъ—это суть двѣ стороны одной и тойже работы. Опредѣленіе объективныхъ критеріевъ экономическаго знанія должно теперь стоять на очереди при построеніи научной системы политической экономіи—работѣ, которая въ другихъ наукахъ болѣе законченныхъ уже выполнена. Мы присоединяемся къ той характеристикѣ современнаго состоянія политической экономіи, которую проф. Карлъ Менгеръ представилъ въ слѣдующихъ строкахъ. „Научная разработка политической экономіи, говоритъ онъ, находится на болѣе ранней ступени, чѣмъ нѣкоторыя другія отрасли человѣческаго знанія, какъ напримѣръ естествознаніе—о чемъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что ученые экономисты и цѣлыя школы не пришли еще къ единомыслію относительно составныхъ частей, задачъ, методовъ и главныхъ направленій изслѣдованія въ своей науки. Раздѣленіе естествознанія на отдѣльныя области и признаніе права гражданства за отдѣльными направленіями изслѣдованія является давно уже совершившимся фактомъ, принесшимъ свои благотворные результаты для этой науки. Въ естествознаніи никто уже больше не смѣшиваетъ историческихъ и теоретическихъ наукъ, даже если они относятся къ одной и той-же частной области естествознанія—напр. исторію земли съ геологіей вообще, антропологію съ физіологіей или анатоміей. Въ этой-же отрасли знанія никто уже больше не смѣшиваетъ теоретическихъ наукъ съ практическими—механики чистой съ прикладной (механической технологіей), анатоміи съ хирургіей, физіологіи съ терапіей. Различіе между историческими и теоретическими естест-

венными науками, а также между теоретическими и прикладными, съ другой стороны, не составляетъ уже больше вопроса для всякаго мыслящаго естествоиспытателя. Даже въ области науки государственнаго права не выражается болѣе никакихъ сомнѣній относительно различія между исторіей государствъ, теоретическимъ государственнымъ правомъ и политикой; также въ области юриспруденціи никто болѣе не сомнѣвается въ необходимости различать исторію права отъ догмы и законодательной политики. Совершенно въ иномъ положеніи находится хозяйственная наука. Не только раздѣленіе экономическихъ наукъ на историческія, теоретическія и практическія не соблюдается въ большей части экономическихъ изслѣдованій, но даже признаніе въ принципѣ дѣленія экономическихъ наукъ по формальнымъ свойствамъ ея истинъ и ученій, вызываетъ сильный протестъ со стороны нѣкоторыхъ ученыхъ. Смѣшеніе историко-статистическихъ, теоретическихъ и практическихъ знаній по политической экономіи составляетъ даже общее правило въ современной экономической литературѣ“ [9]).

Для того чтобы политическая экономія, какъ самостоятельная отрасль знанія, поднялась на ту научную высоту, на которой находятся теперь другія отрасли обществовѣдѣнія и естествознаніе—ей необходимо пройти еще ту стадію, которая въ этихъ наукахъ уже пройдена, т. е. необходимо экономистамъ прійти къ соглашенію относительно задачъ и методовъ изслѣдованія. Пока каждая экономическая школа будетъ оставаться при своемъ особомъ пониманіи задачъ политико-экономическихъ изслѣдованій и каждая будетъ преслѣдовать свои особыя задачи, относясь въ тоже время съ полнымъ отрицаніемъ къ задачамъ, преслѣдуемымъ другими школами,

---

9) См. Karl Menger, Рецензія на Schönbergs Handbuch der Pol. Oeconomie Grunhuts Zeitschrift fur des Privat-und offentliche Recht, Band XIV стр. 17.

до того времени не можетъ быть рѣчи объ обязательныхъ объективныхъ критеріяхъ для сужденія о томъ, что считать знаніемъ въ политической экономіи. Съ другой стороны, пока не будетъ достигнуто полное согласіе относительно методовъ изслѣдованія—то всѣ изслѣдованія, доводы и заключенія будутъ имѣть также мало доказательной силы, какъ это бываетъ въ такомъ спорѣ, въ которомъ не установлено никакого общаго базиса, а каждый спорящій примѣняетъ свою особую логику [10]).

При общемъ опредѣленіи задачъ, составныхъ частей и методовъ науки о народномъ хозяйствѣ мы стоимъ у самаго основанія, изъ котораго вытекаютъ различія, если не между всѣми, то между школами наиболѣе важными, наиболѣе содѣйствовавшими приращенію экономическаго знанія. Такъ различіе между историческою и англійскою-классическою школою экономистовъ, въ существенной своей части, сводится къ тому, что каждая изъ этихъ школъ ставитъ себѣ и фактически преслѣдуетъ особыя задачи, одинаково важныя и необходимыя въ общей системѣ экономической науки, но по своей сущности кореннымъ образомъ отличающіяся одна отъ другой, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности не составляетъ всего предмета политической экономіи, а только часть его. Историческая школа разрабатываетъ науку о хозяйственномъ бытѣ народовъ и исторію хозяйства, классическая-же школа изслѣдуетъ общія нормы и типы хозяйственныхъ явленій и объясняетъ законы, ими управляющіе. Обѣ эти школы работаютъ въ различныхъ департаментахъ одной и тойже отрасли знанія. Ошибочныя и одностороннія возрѣнія исторической школы на задачу политической экономіи вытекаютъ изъ ея невѣрнаго взгляда на значеніе производимыхъ ею работъ. Задачу историко-хозяйственныхъ изслѣдованій она желаетъ сдѣлать

10) I. Kautz. Die Nationaloconomie, als Wissenschaft. Wienn. 1858 r. 368 c.

единственною задачею и единственнымъ предметомъ политической экономіи, а на мѣсто теоретическаго изслѣдованія хозяйственныхъ явленій поставить научные пріемы изслѣдованій историко-хозяйственныхъ или-же пріемы бытоописанія жизни народовъ *) и т. п. Но невѣрный взглядъ самой школы на значеніе ея работъ не уничтожаетъ значенія, сдѣланнаго ею для одной отрасли экономической науки—исторіи народнаго хозяйства. Если методологическія возрѣнія исторической школы должны разсматриваться какъ отрицательный фактъ въ исторіи развитія политической экономіи, то за то ея фактическія работы въ области исторіи хозяйства и хозяйственнаго быта націй являются замѣчательнымъ фактомъ, свидѣтельствующимъ о томъ, что широкое раздѣленіе научнаго труда въ политической экономіи получило свое примѣненіе и принесло свои обильные плоды. Съ этой точки зрѣнія существованіе многихъ школъ не представляется уже фактомъ компроментирующимъ политическую экономію, а напротивъ отраднымъ явленіемъ, свидѣтельствующимъ о ростѣ самой науки. Далѣе, различія между цѣлою серіею теоретическихъ экономическихъ школъ вытекаютъ изъ различія въ методахъ изслѣдованія. Такое различіе въ методахъ изслѣдованія двухъ школъ теоретиковъ— индивидуалистической школы Бастіа, съ одной стороны, и школы Маркса-Родбертуса, съ другой—ведетъ къ взаимному отрицанію научныхъ результатовъ обоихъ школъ. Такъ, Родбертусъ доказываетъ, что различіе воззрѣній соціалистической и индивидуалистической школы на законы распредѣленія благъ вытекаетъ изъ различія метода изслѣдованія обѣихъ школъ. „Политическая экономія, пишетъ онъ, вмѣсто того, чтобы исходить изъ представленія о человѣческомъ обществѣ, какъ

*) Эти и другія ошибочныя возрѣнія историч. школы на задачи пол. экономіи подробно будутъ разсмотрѣны ниже, въ спеціальной главѣ.

объ одномъ хозяйственномъ цѣломъ, построенномъ на раздѣленіи труда, и съ этой точки зрѣнія давать объясненіе отдѣльныхъ народно-хозяйственныхъ явленій и понятій,—вмѣсто того, чтобы положить въ основу анализа дальнѣйшихъ народно-хозяйственныхъ явленій понятія о національномъ богатствѣ, національномъ производствѣ, національномъ капиталѣ и національномъ доходѣ, съ его подраздѣленіями на ренту, прибыль и рабочую плату—и изъ этихъ народно-хозяйственныхъ явленій объяснить доли отдѣльныхъ лицъ въ трехъ доляхъ національнаго дохода,—наука о народномъ хозяйствѣ до сихъ поръ стоитъ на чисто индивидуалистической точкѣ зрѣнія и то, что, въ силу раздѣленія труда, представляетъ органически сплоченное цѣлое, она разрываетъ на части и изъ представленія объ этихъ частяхъ восходитъ до понятія о цѣломъ. Политическая экономія этого направленія полагаетъ въ основаніи своего анализа индивидуальное имущество отдѣльнаго лица, совершенно упуская изъ виду, что всякое частное имущество лица, принадлежащаго обществу, построенному на раздѣленіи труда, есть нѣчто совершенно отличное отъ частнаго имущество лица, стоящаго въ хозяйственномъ отношеніи изолировано отъ остальнаго общества, напримѣръ въ первобытномъ „ойкосномъ“ хозяйствѣ. Если-бы политическая экономія не впала въ эту ошибку, то она шагнула бы гораздо дальше въ своемъ развитіи и приняла бы совершенно иной видъ“ [10]).

Если ученый антагонизмъ между школами теоретическаго направленія—индивидуалистической и соціалистической сводится къ серьезнымъ различіямъ въ методологическихъ пріемахъ, при оцѣнкѣ которыхъ приходится выбирать между „истинными“ и „ложными„ пріемами научнаго изслѣдованія,

---

10) Rodbertus-Jagetzow, Zur Beleuchtung der Socialen Frage. 1-е изд. стр. 25—26; 32 и др.

признавать ученія одной школы правильными, а другой неправильными, то, съ другой стороны, антагонизмъ между исторической школой и теоретическими школами вытекаетъ изъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ научнымъ достоинствомъ работъ, сдѣланныхъ обоими школами—одними въ области теоріи политической экономіи, а другой въ области исторіи хозяйства и исторіи экономическихъ ученій; онъ только свидѣтельствуетъ, что опредѣленіе общихъ принциповъ и задачъ самой науки, системы и ея составныхъ частей (такъ сказать, экономическая энциклопедія, по аналогіи съ юридическою энциклопедіей) представляетъ самую отсталую часть политической экономіи.

Послѣдній фактъ показываетъ только, что политическая экономія находится на той стадіи въ своемъ развитіи, которая другими науками уже пройдена. Эту фазу въ развитіи наукъ вообще, и въ частности политической экономіи, превосходно обрисовалъ Д. Ст. Милль въ одномъ изъ самыхъ первыхъ своихъ сочиненій“ [11]). „Въ каждой наукѣ изслѣдованія обыкновенно начинаются съ опредѣленія въ общей формулѣ предмета данной науки, изъ чего можно было бы сдѣлать заключеніе, что построеніе этихъ опредѣленій естественно предшествовало успѣшной разработкѣ самой науки. Такое предположеніе на самомъ дѣлѣ далеко отъ истины. Подобно тому, какъ городской валъ строится не для того, чтобы вмѣщать въ своихъ предѣлахъ зданія, которыя еще только имѣютъ быть въ будущемъ построены, но для того, чтобы опоясывать уже отстроенный городъ, такъ и опредѣленіе науки почти всегда не предшествуетъ, но слѣдуетъ за созданіемъ самой науки. Люди не занимались опредѣленіемъ основаній своихъ знаній раньше, чѣмъ начать самую культуру этихъ знаній; они нераз-

11) Essays on some unsettled questions of political Economy 3 изд. 1877 г. стр. 120—123.

дѣляли предварительно самаго поля изслѣдованія на отдѣльныя области и сперва вовсе не имѣли въ виду собирать научныя истины съ цѣлію представить ихъ въ систематическомъ изложеніи; процессъ созданія науки происходитъ далеко не такимъ систематическимъ способомъ. Научныя открытія были собираемы или по одному, или по группамъ, являясь результатомъ постояннаго слѣдованія какому-нибудь однообразному пути научныхъ изысканій, затѣмъ уже эти истины были соединены въ связныя группы и систематизированы сообразно ихъ индивидуальнымъ свойствамъ. Та пора, когда люди начинаютъ сознавать выгоду группированія научныхъ фактовъ какой-либо категоріи по ихъ сходству и различію, знаменуетъ уже значительно высокую стадію въ развитіи науки. Научныя опредѣленія должны составлять первичные принципы всякаго знанія, относящіяся къ области философіи человѣческаго ума. Но именно эти принципы всякаго знанія, включая его опредѣленіе, отличаются тою смутностью и неопредѣленностью, которою пока характеризуется эта наиболѣе трудная и неизслѣдованная отрасль знанія. Если мы откроемъ книгу по механикѣ или философіи естествознанія, то мы не можемъ не быть пораженными туманностью того, что должно представлять предварительныя и основныя понятія науки и крайнею неудовлетворительностью пріемовъ, при помощи которыхъ выведены эти положенія, выдаваемыя за первичные принципы науки, что представляетъ совершенный контрастъ съ ясностью изложенія и убѣдительностью доказательствъ, проявляемыхъ писателями при обсужденіи деталей той-же науки. Отчего же происходитъ эта аномалія? Почему же можно признавать вѣрность результатовъ этой науки, не смущаясь недостаточною солидностью ея первыхъ посылокъ? Какъ же могло случиться, что прочная постройка была возведена на шаткомъ фундаментѣ? *Рѣшеніе этаго парадокса заключается въ томъ, что то, что обыкновенно называютъ*

первыми принципами науки, на самомъ дѣлѣ суть ея послѣдніе принципы".

Приведенное извлеченіе изъ Милля прекрасно объясняетъ причины недостаточнаго развитія методологіи и систематики политич. экономіи. Для того, чтобы этотъ отдѣлъ въ экономіи можно было бы построить на совершенно научныхъ основаніяхъ, требовалось, чтобы предварительно всѣ факты, относящіяся къ хозяйственной жизни народовъ, подверглись тщательному и всестороннему изслѣдованію разными экономическими школами. Хотя всѣ школы и отдѣльные экономисты, отмежевывая себѣ тотъ или другой разрядъ хозяйственныхъ явленій (исторіи ховяйственнаго быта, исторіи хозяйствен. ученій, теоріи, хозяйствен. политики), фактически преслѣдовали одну или опредѣленный рядъ задачъ и пользовались тѣми или другими методами, но данныя ими опредѣленія задачъ и методовъ неизмѣнно отличаются партикуляризмомъ, такъ какъ они имѣютъ въ виду не всю экономическую науку въ ея отрасляхъ и направленіяхъ, а только частную область изслѣдуемыхъ ими явленій. Теперь же, когда экономическія изслѣдованія получили широкое и разностороннее развитіе, наступилъ моментъ сдѣлать общее опредѣленіе задачъ, системы, составныхъ частей и методовъ науки о народномъ хозяйствѣ, *имѣя въ виду труды многочисленныхъ экономическихъ школъ, а не одно или нѣкоторыя изъ отдѣльныхъ направленій экономической науки* [12]).

---

12) Въ странѣ наиболѣе широкаго развитія экономической литературы— въ Германіи постановка университетскаго преподаванія политической экономіи нѣкоторыми своими сторонами весьма мало благопріятствуетъ вступленію под. экономическихъ изслѣдованій на тотъ путь, который ведетъ къ рѣшенію указанныхъ въ текстѣ вопросовъ и къ преобразованію политической экономіи изъ мнѣній отдѣльныхъ школъ въ систему знаній, построенныхъ на объективныхъ научныхъ основаніяхъ. Въ германскихъ университетахъ, какъ извѣстно, получила полное преобладаніе историческая школа. Это господство исторической школы среди германскихъ профессоровъ, хотя во многихъ отношеніяхъ дѣйствующее весьма благотворно на развитіе экон. науки, выражается между прочимъ,

Обращаясь къ современному состоянію тѣсно связанныхъ между собою вопросовъ о задачахъ и методахъ политической экономіи, мы должны констатировать тотъ фактъ, что до самаго послѣдняго времени мы имѣли только частную систематику и методологію отдѣльныхъ школъ. Существуетъ капитальный трудъ по методологіи Книсса „Die Politische Oeconomie vom Standpuncte der Geschichtlichen Methode“ (1853 г.) и весьма важный трактатъ Каутца „Die National-Oeconomik, als Wissenschaft“ (1858 г.) — писателей исторической школы. Въ этихъ трудахъ заключается весьма много цѣннаго для экономич. науки, но коренной ихъ недостатокъ заключается въ томъ, что они написаны въ первую пору развитія исторической школы. когда только еще начинались историко-хозяйственныя изслѣдованія и названные ученые ближайшею цѣлью имѣли пропаганду историческихъ изслѣдованій въ области народнаго хозяйства, вслѣдствіе этого другія направленія эконом. изслѣдованія не могли получить въ этихъ трудахъ спокойнаго и безпристрастнаго освѣщенія. Въ то время, когда Книссъ писалъ свой трактатъ, въ экономической ли-

---

не столько въ критическомъ отношеніи къ англійской и вообще школамъ теоретическаго направленія, сколько ихъ молчаливымъ игнорированіемъ. Благодаря этому юношество, получающее экономическое образованіе въ германскихъ университетахъ, выходитъ оттуда при полномъ почти незнаніе важнѣйшихъ экономистовъ классиковъ, знакомство съ которыми встрѣчается въ небольшомъ кругѣ лицъ, ставшихъ въ извѣстныхъ пунктахъ въ оппозиціонное отношеніе къ исторической школѣ. По этому то въ Германіи мы наталкиваемся на фактъ, находящійся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ коренными принципами исторической школы,—именно: исторія экономическихъ школъ составляетъ самую отсталую отрасль преподаванія въ германскихъ университетахъ и самую забытую отрасль изслѣдованія. Извѣстная исторія пол. экономіи Рошера посвящена внѣшней исторіи ученій и знакомству съ содержаніемъ лишь ученій отечественныхъ экономистовъ. Капитальный трудъ Каутца по исторіи пол. экономіи исключительно ограничивается передачею содержанія ученій отдѣльныхъ школъ. Во всякомъ случаѣ въ Германіи замѣчается полное отсутствіе критической исторіи экон. школъ, за исключеніемъ весьма тенденціозной, въ дурномъ смыслѣ слова, „Kritische Geschichte d. Nationalök. und Socialismus“ Дюринга.

тературѣ раздавались еще голоса противъ самой полезности историко-хозяйственныхъ изслѣдованій Вотъ какъ, напримѣръ, выражался авторитетный въ свое время экономистъ Ж. Б. Сей въ своемъ курсѣ пол. экономіи (cours complet d'economie politique pratique. Paris 1840 г. 2 т. стр. 540) о значеніи исторіи политической экономіи. „Исторія науки не имѣетъ ничего общаго съ исторіей фактовъ и событій. Какая польза можетъ заключаться въ собраніи абсурдныхъ мнѣній и доктринъ? Подобная работа была бы безполезна и утомительна. Что касается политической экономіи, то исторія этой науки не много намъ принесетъ пользы свѣдѣніями о томъ, какъ наши предшественники прежде смотрѣли на экономическую науку и описаніями ложныхъ шаговъ, которые тормозили труды людей въ изслѣдованіи истины. Ошибки эти не представляютъ ничего поучительнаго и ихъ слѣдуетъ забыть. Исторія пол. экономіи можетъ имѣть право на существованіе лишь какъ предметъ любопытства". Въ эту то пору Книссу приходилось защищать право гражданства цѣлой отрасли экономической науки противъ возраженій тогдашнихъ догматиковъ и „перегибать палку въ другую сторону", причемъ онъ самъ впадалъ въ другого рода крайность по отношенію къ господствовавшимъ тогда школамъ теоретиковъ-экономистовъ.

Сочиненіе Кэрнса „The Caracter and logical Method of Political Oekonomie", статья Д. Ст. Милля „On the Definition of Political Economy; and on the Method of Jnvestigation proper to it", а также главы о методологіи политической экономіи въ его „Системѣ Логики" должны считаться классическими изслѣдованіями по методологіи этой науки, но они касаются только одной отрасли современной экономической науки —теоретической политической экономіи. Мы не думаемъ, что преувеличимъ значеніе сочиненія вѣнскаго проф. Карла Менгера, „Untersuchungen über die Methode и пр.", если

скажемъ, что появленіе его знаменуетъ собою новую стадію въ исторіи систематики и методологіи полит. экономіи. Если сочиненія Рошера и Книсса, съ одной стороны, а сочиненія Милля и Кэрнса съ другой—представляютъ намъ, такъ сказать, частную методологію и систематику двухъ школъ — исторической и англійской классической школы, то изслѣдованіе Менгера представляетъ удачную попытку связать въ одну общую систему результаты этихъ двухъ важнѣйшихъ школъ и изъ тѣхъ результатовъ построить общую систему науки о народномъ хозяйствѣ. Менгеръ весьма много полемизируетъ противъ методологическихъ воззрѣній исторической школы, но въ тоже время онъ признаетъ весьма важныя заслуги этой школы, отводя ей въ общей системѣ экономической науки цѣлую отрасль знанія—исторію хозяйства—созданную и разработанную этой школою. Пиша свое изслѣдованіе, Менгеръ собственно ставилъ себѣ ближайшею цѣлью критику ошибочныхъ воззрѣній исторической школы на задачи и методы политической экономіи—и возстановленіе въ правахъ гражданства теоретическаго направленія въ политической экономіи, систематически компроментируемаго въ Германіи историческою школою. Но, кромѣ весьма удачной критики крайностей исторической школы, его изслѣдованіе, по нашему мнѣнію, имѣетъ другое весьма важное значеніе, по тому вліянію, которое оно должно оказать на дальнѣйшую разработку политической экономіи [13]). Въ его изслѣдованіи школы историческаго направленія и школы теоретиковъ экономистовъ представлены, какъ имѣющія по своему значенію въ наукѣ одинаковыя права гражданства, а равно имъ указано на существованіе началъ, связующихъ результаты обоихъ важнѣйшихъ направленій въ одну общую си-

13) См. мою статью „Вопросъ о методѣ политической экономіи въ новѣйшей германской литературѣ“ Юр. Вѣст. 1884 г. № 12.

стему экономической науки. Мы усматриваемъ въ сочиненіяхъ Менгера и его послѣдователей зародышъ той науки, которая, по аналогіи съ соотвѣтствующею отраслью знанія въ юриспруденціи, можетъ быть названа экономической энциклопедіей. Подобно тому, какъ юридическая энциклопедія устанавливаетъ общіе принципы, связующіе отдѣльные отрасли юридической науки, заключающей въ себѣ государственное право, исторію права и цивилистику,—экономическая энциклопедія должна представить общую часть пол. экономіи—ученіе о главныхъ направленіяхъ экономическихъ изслѣдованій, составныхъ частяхъ науки, ея системѣ, задачахъ и методахъ, имѣя въ виду всѣ экономическія школы, а не отдѣльныя направленія въ политической экономіи. Вопросъ, разумѣется, заключается не въ томъ, должна-ли такая энциклопедія политической экономіи составить самостоятельную отрасль преподаванія или составлять общее введеніе къ политической экономіи, но въ томъ значеніи, которое должна имѣть эта наука въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ направленій экономическихъ изслѣдованій и ихъ результатовъ. Въ данномъ случаѣ мы можемъ примѣнить по отношенію къ Менгеру, хотя въ нѣкоторой степени, слова, сказанныя Клифъ-Лесли о другомъ экономистѣ—„что онъ подобно Саулу отправился искать ослицъ своего отца, а обрѣлъ цѣлое царство“. Мы вовсе не склонны умалять важность частныхъ изслѣдованій отдѣльныхъ явленій и фактовъ хозяйственной жизни, но мы думаемъ, что дальнѣйшее усовершенствованіе политической экономіи зависитъ не только отъ тщательнаго изученія и объясненія новыхъ хозяйственныхъ явленій, *но въ такой-же мѣрѣ и отъ правильной оцѣнки результатовъ, добытыхъ до сихъ поръ всѣми экономическими школами—оцѣнки всего современнаго достоянія экономической науки.* Отчасти, отвѣтомъ на эту потребность, предъявляемую современнымъ положеніемъ экономической науки, должно быть—построеніе за-

дачъ и методовъ политической экономіи, словомъ того, что я рѣшаюсь назвать экономической энциклопедіей. Необходимость изслѣдованій этого рода имѣлъ въ виду нашъ даровитый отечественный экономистъ, когда онъ говорилъ: „мы стоимъ въ настоящее время у такого пункта, на которомъ снова начнется подведеніе итоговъ, сведеніе концовъ съ концами у разныхъ направленій и, наконецъ, сооруженіе объективной соціальной науки (онъ разумѣлъ политическую экономію), доводы которой станутъ обязательны къ пріему со стороны всѣхъ и каждаго, подобно положеніямъ астрономіи, или физики“ [14]). Повидимому, даже такой крайне партійный экономистъ исторической школы, какъ Густавъ Конъ —указываетъ на значеніе такихъ объединяющихъ изслѣдованій, когда онъ ставитъ задачею научной разработки политической экономіи: „сдѣлать соотвѣтствующія части правильнаго мышленія общимъ достояніемъ науки и собственностью ея отдѣльныхъ разработывателей“ [15]).

Насколько современное положеніе экономической науки создаетъ потребность въ выработкѣ началъ, объединяющихъ изслѣдованія разныхъ направленій и насколько, съ другой стороны, созрѣло среди ученыхъ недовольство методологическими воззрѣніями господствующей въ Германіи исторической школы—лучше всего доказывается тѣмъ, что появленіе въ свѣтъ изслѣдованія Менгера о методѣ встрѣчено было многочисленными сочувственными статьями и рецензіями (хотя съ другой стороны небыло недостатка во враждебныхъ отзывахъ представителей исторической школы), повело даже къ обнародованію готовыхъ уже раньше методологическихъ трактатовъ, пражскаго проф. Сакса (Das Wesen und die

---

14) См. Н. Зиберъ. Введеніе къ его переводу соч. Рикардо стр. XX 1-е изд. 1876 г. Кіевъ.

15) Gustov Cohn. Grundlegung der National-Oeconomie Stuttgart. 1885 года. стр. 11.

Aufgaben der Nationaloekonomie, 1884 г. и новѣйшій его трактатъ Grundlegung der theoretischen Staatswirthschaft, 1887 г.) и дерптскаго проф. Генриха Дитцеля (Beiträge zur Methodologie, Conrad's Iahrbuch, 1884 г.), въ которыхъ названные авторы, частью подтверждали общія начала систематики и методологіи, высказанныя Менгеромъ, частью исправляли, и дополняли ихъ новыми положеніями и дальнѣйшими выводами. Сторонниками началъ, высказанныхъ Менгеромъ, заявили себя также, кромѣ названныхъ ученыхъ, извѣстный теоретикъ и систематикъ проф. Вагнеръ, проф. Бэмъ Баверкъ и Филипповичъ. Новое теченіе въ германской экономической литературѣ имѣетъ уже столько сторонниковъ и заняло на столько прочную позицію, что даже проф. Шмоллеръ, находящійся въ личномъ разрывѣ съ проф. Менгеромъ, весьма мало склонный признавать значеніе англійской школы и методологическихъ изслѣдованій Менгера — отмѣчаетъ существованіе особой школы Менгера, разумѣя подъ нею представителей новаго литературнаго теченія.

Въ предыдущемъ изложеніи мы старались показать, что вопросы методологіи и энциклопедіи экономическихъ наукъ имѣютъ не чисто педагогическій интересъ, но органически связаны съ сущностью самого экономическаго знанія, — что эти вопросы вытекаютъ изъ современнаго пзложенія экономической науки, а рѣшеніе ихъ должно содѣйствовать приведенію ея въ болѣе удовлетворительный видъ.

Теперь мы скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ планѣ и задачѣ нашего дальнѣйшаго изслѣдованія. Примыкая, въ общемъ, къ тому направленію въ методологической литературѣ по политической экономіи, представителями котораго являются нѣмецкіе профессора Карлъ Менгеръ, Генрихъ Дит-

цель, Саксъ и Бемъ-Баверкъ, а также англійскіе мыслители Д. С. Милль и Кэрнсъ и пользуясь результатами ихъ изслѣдованій, мы представимъ краткій очеркъ ученія о составныхъ частяхъ, задачахъ и методахъ науки о народномъ хозяйствѣ. Далѣе, такъ какъ система и задачи науки о народномъ хозяйствѣ обнимаютъ разныя области хозяйственныхъ явленій, изслѣдованіе которыхъ распредѣлено можду двумя школами —исторической и школой экономистовъ теоретиковъ, то критическое разсмотрѣніе отношеній этихъ двухъ группъ экономическихъ школъ должно было составить органическую часть нашего изслѣдованія. При всѣхъ существенныхъ заслугахъ исторической школы, которыя многократно отмѣчены и въ этомъ сочиненіи, есть одна область политической экономіи— систематика и методологія этой науки—въ которой приходится говорить о крупныхъ ошибкахъ этой школы, а эти вопросы и составляютъ предметъ нашего изслѣдованія. Такъ какъ на пути къ дальнѣйшему объединенію научныхъ результатовъ отдѣльныхъ направленій препятствіемъ служатъ ошибочныя воззрѣнія исторической школы—и такъ какъ эти воззрѣнія пользуются преувеличеннымп авторитетами, то по этому критическій очеркъ методологическихъ воззрѣній этой школы въ моемъ изложеніи занялъ видное мѣсто.

При изложеніи методологическихъ воззрѣній представителей классической школы—такихъ выдающихся ученыхъ, какъ Кэрнсъ и Милль, мнѣ, при всемъ уваженіи къ ихъ таланту, нерѣдко приходится не соглашаться съ ними, какъ равно съ представителями дружественнаго мнѣ направленія —Менгеромъ, Дитцелемъ и др.; изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы я преувеличивалъ авторитетность собственныхъ сужденій. Область, къ которой относится это изслѣдованіе, требуетъ еще долгаго процесса обмѣна мнѣній, прежде чѣмъ будутъ окончательно установлены опредѣленныя общепризнанныя положенія. Я могу только сказать: вотъ на какихъ выводахъ и

сужденіяхъ я считаю, по моему крайнему разумѣнію, необходимымъ остановиться, а далѣе—„faciant meliora potentes“. Изслѣдованіе наше по существу должно заключаться въ сопоставленіи и критикѣ задачъ и методовъ, или формулируемыхъ господствующими школами, или же фактически ими преслѣдуемыхъ; съ другой стороны, въ согласованіи ихъ съ общей теоріей познанія, принятой въ современныхъ логикахъ. Не слѣдуетъ однако преувеличивать значенія современной логики въ рѣшеніи занимающихъ насъ вопросовъ. Научная логика, какъ это замѣтилъ Милль, не предшествуетъ развитію отдѣльныхъ наукъ и ихъ многочисленныхъ развѣтвленій, а на оборотъ формируется на основаніи матеріаловъ, представляемыхъ готовыми изслѣдованіями отдѣльныхъ наукъ. Иниціатива новыхъ направленій въ отдѣльныхъ отрасляхъ знанія исходитъ не отъ логиковъ, но отъ спеціалистовъ, занимающихся этими науками. Такъ, экономисты по спеціальности, Д. С. Милль, Кэрнсъ и Книсъ являются основателями методологіи политической экономіи. Поэтому то *методологія наукъ вообще составляетъ самую отсталую часть* современной логики. Назначеніе логики заключается не столько въ томъ, что она указываетъ новые пути изслѣдованія, сколько въ признаніи и оправданіи совершеннѣйшихъ изъ тѣхъ путей, по которымъ науки совершали свое развитіе, и потому совершенство научной методологіи обусловливается степенію совершенства самыхъ наукъ, но не наоборотъ. Безповоротно установлены въ логикѣ пока только общіе методы человѣческаго мышленія, представляющіе весьма важный разрядъ истинъ, которыя могутъ служить для руководства изслѣдователей въ отдѣльныхъ наукахъ. Отношеніе между общей логикой и методологіей отдѣльныхъ наукъ есть отношеніе взаимодѣйствія, но не доминирующаго преобладанія одной изъ этихъ отраслей знанія надъ другой. Въ трудныхъ вопросахъ методологіи и систематики политической экономіи логика имѣетъ гораздо чаще не

рѣшающее, но консультирующее значеніе. Рѣшающій голосъ она имѣетъ по тѣмъ вопросамъ методологіи, которые могутъ быть подведены подъ общія положенія теоріи познанія или стоящія съ ними въ ближайшей связи, но самые спеціальные и наиболѣе щепетильные вопросы систематики и методологіи политической экономіи могутъ быть рѣшены изъ самой политической экономіи, по соображенію съ другими сродными ей отраслями знанія и съ общей теоріей познанія, но не на основаніи другой какой-либо науки.

Предыдущія соображенія предрѣшаютъ тотъ основной пріемъ, которому мы будемъ слѣдовать въ этомъ сочиненіи; оно цѣликомъ относится только къ способу пониманія извѣстныхъ экономическихъ ученій, изъ элементовъ которыхъ построяется система знаній, составляющихъ науку о народномъ хозяйствѣ. Мы весьма далеки отъ претензіи указать въ этомъ сочиненіи какія-либо новыя неизвѣстныя еще задачи экономической науки, или-же представить болѣе улучшенные методологическіе способы изслѣдованія. По основной идеѣ этого сочиненія, оно должно явиться только уясненіемъ задачъ и путей, которымъ фактически слѣдовали тѣ выдающіеся экономисты, трудами которыхъ создана наука о народномъ хозяйствѣ. Сами эти ученые, создававшіе зданіе политической экономіи, какъ напр. Смитъ, Рикардо, не дали намъ объясненій тѣхъ задачъ и пріемовъ, которымъ они слѣдовали. Объясненія задачъ и методовъ экономіи сдѣланы уже послѣдующими экономистами. Хотя эти объясненія, данныя напр. Миллемъ и Кэрнсомъ, являлись весьма капитальными, но тѣмъ не менѣе далекими отъ совершенства, такъ что они должны были вызывать многочисленныя поправки и измѣненія со стороны другихъ экономистовъ одной съ ними школы, къ этимъ поправкамъ, въ настоящемъ сочиненіи, мы присоединяемъ, между прочимъ, и наши собственныя версіи.

I.

Объ историческомъ характерѣ общественно-хозяйственныхъ явленій. Политическая экономія, какъ одна изъ историческихъ наукъ.

Соціальныя явленія въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. явленія, составляющія предметъ изученія государственныхъ, юридическихъ и экономическихъ наукъ, образуютъ, въ своей совокупности, то органическое цѣлое, которое мы называемъ жизнью человѣческаго общества. Всѣ эти категоріи соціальныхъ явленій, изучаемыя въ отдѣльныхъ наукахъ о человѣческомъ обществѣ, въ реальной жизни не существуютъ изолированно, но возникаютъ и развиваются подъ вліяніемъ совокупности всѣхъ условій, составляющихъ жизнь общества, или, другими словами, факты, которые мы научились различать въ общественной жизни, какъ явленія юридическія, экономическія, моральныя, политическія и т. п., въ дѣйствительности находятся между собою въ процессѣ постояннаго взаимодѣйствія. Вслѣдствіе такого взаимодѣйствія общественныхъ явленій, въ состояніи каждаго общества, разсматриваемаго въ данный историческій моментъ, существуетъ соотношеніе между формами государственной, общественной, политической и экономической жизни. Такъ экономическимъ формамъ быта даннаго времени соотвѣтствуютъ аналогичныя формы государственнаго устройства и юридическаго порядка и т. п. Это соотношеніе между одновременно существующими соціальными явленіями получило у Огюста Конта и Д. С. Милля названіе гармоніи (concensus). Но связь между соціальными явленіями не ограничивается этимъ соотношеніемъ между явленіями одновременно существующими. Соціальныя явленія

не только сосуществуютъ одни наряду съ другими, но также и слѣдуютъ одни за другими въ извѣстномъ причинномъ порядкѣ, въ которомъ предшествующія состоянія являются причиною послѣдующихъ, или же, другими словами, они находятся въ процессѣ непрерывнаго движенія и развитія [1]). Такимъ образомъ взаимодѣйствіе и развитіе или сосуществованіе и послѣдовательность суть два характерные момента въ состояніи явленій, образующихъ жизнь человѣческаго общества. Указанная двоякая зависимость соціальныхъ явленій однихъ отъ другихъ опредѣляетъ и самый порядокъ ихъ изученія. Разъ отдѣльныя группы соціальныхъ явленій находятся въ состояніи взаимодѣйствія и постоянно видоизмѣняются одни другими, то поэтому они могутъ быть изучаемы не иначе какъ во взаимной связи. Для объясненія хозяйственныхъ явленій необходимо разсматривать ихъ въ связи съ состояніемъ—юридическаго быта, формъ государственнаго устройства, нравовъ, вѣрованій и т. д. Причинная зависимость послѣдующихъ явленій отъ предшествующихъ, въ процессѣ ихъ историческаго развитія, предопредѣляетъ второе направленіе изслѣдованій соціальныхъ явленій, которое должно состоять въ раскрытіи законовъ ихъ послѣдовательности. Но изъ того, что всѣ соціальныя явленія соединены между собою двойною связью сосуществованія и послѣдовательности не слѣдуетъ еще, что они могутъ быть изучаемы только, или во всей своей совокупности, или же въ историческомъ порядкѣ послѣдовательности и что соціологія и исторія должны быть единственными науками объ обществѣ. Если бы соціальныя явленія изу-

---

1) Droysen. Grundriss der Historik. Leipzig. 1882 г. стр. 7 и 28. Къ сожалѣнію это только весьма сжатый конспектъ прекрасныхъ лекцій по методологіи исторіи, читанныхъ талантливымъ историкомъ въ берлинскомъ университетѣ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, но не изданныхъ въ свѣтъ Dilthey. Einleitung in die Geisteswissenschaften. Leipzig 1883 г. стр. 137—145. В. Сергѣевичъ. Задача и методъ государственныхъ наукъ. Москва 1871 г. стр. 184.

чались только въ этихъ двухъ отношеніяхъ, тогда не моглобы быть и рѣчи объ отдѣльныхъ соціальныхъ наукахъ: юриспруденціи, государствовѣдѣніи и политической экономіи. Самое существованіе отдѣльныхъ наукъ объ обществѣ предполагаетъ искусственное выдѣленіе отдѣльныхъ категорій соціальныхъ явленій, напр. экономическихъ, изъ общей ихъ связи съ другими категоріями сосуществующихъ явленій права, морали и т. д., а равно въ изолированіи ихъ отъ связи съ предшествующими историческими вліяніями. Существованіе отдѣльныхъ общественныхъ наукъ показываетъ, что изученіе отдѣльныхъ категорій общественныхъ явленій, въ ихъ изолированномъ видѣ, имѣетъ такое же научное основаніе, какъ и изученіе явленій въ ихъ исторической послѣдовательности и взаимной зависимости. Изученіе общественныхъ явленій по частямъ, по отдѣльнымъ ихъ категоріямъ, составляетъ преобладающій пріемъ познанія, которому человѣчество въ особенности обязано современнымъ прогрессомъ обществовѣдѣнія. Оправданіе этого пріема заключается въ слѣдующемъ. По самому устройству своихъ познавательныхъ способностей человѣкъ вообще не можетъ изучать общественныя явленія иначе, какъ по частямъ, искусственно выдѣляя ихъ изъ естественной обстановки и распредѣляя ихъ на группы явленій юридическихъ, экономическихъ и т. п. Этимъ свойствомъ человѣческаго ума, отчасти, объясняется малая успѣшность всѣхъ дѣлавшихся до сихъ поръ усилій создать одну соціальную науку, которая дала-бы объясненія жизни общгства въ его цѣломъ, и такимъ образомъ замѣнила бы собою то, что до сихъ поръ объясняютъ по частямъ отдѣльныя соціальныя науки. Во всякомъ случаѣ, если такая универсальная наука объ обществѣ (соціологія) когда нибудь будетъ создана, то частныя науки объ обществѣ, занимающіяся анализомъ отдѣльныхъ категорій соціальныхъ явленій, могутъ только подготовить почву для такой науки. Въ то время какъ Огюстъ Контъ выяснилъ

значеніе пріемовъ изученіе соціальныхъ явленій въ порядкѣ ихъ сосуществованія и послѣдовательности, Джонъ Стюартъ Милль, который, по справедливости, можетъ считаться основателемъ методологіи отдѣльныхъ общественныхъ наукъ и въ частности политической экономіи, выяснилъ и обосновалъ пріемы изученія отдѣльныхъ группъ соціальныхъ явленій, въ ихъ изолированномъ видѣ. Въ его знаменитой „Логикѣ“ мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующія строки, заключающія въ себѣ формулировку методологическихъ основаній существованія отдѣльныхъ наукъ объ обществѣ. „Не смотря, на общій concensus общественныхъ явленій, при которомъ все наступающее въ какой-либо части дѣятельности общества не остается безъ своей доли вліянія на каждую другую сторону, и, не смотря на преобладающее вліяніе, которое должно производить общее состояніе цивилизаціи и соціальнаго прогресса въ каждомъ данномъ обществѣ на всѣ частныя и подчиненныя явленія,—тѣмъ не менѣе справедливо, что различные виды соціальныхъ фактовъ, *въ главныхъ чертахъ зависятъ непосредственно и въ первомъ источникѣ отъ различныхъ родовъ причинъ* и, слѣдовательно не только съ пользою могутъ быть изучаемы отдѣльно, но и должны быть такъ изучаемы, совершенно подобно тому, какъ въ естественномъ тѣлѣ мы изучаемъ физіологію и патологію каждаго главнаго органа и каждой главной ткани, хотя они и подвергаются дѣйствію состоянія всѣхъ другихъ органовъ и тканей и хотя общая конституція и общее состояніе здоровья организма также содѣйствуютъ и часто перевѣшиваютъ мѣстныя причины въ опредѣленіи состоянія какого-нибудь частнаго органа. На этихъ соображеніяхъ основывается существованіе отдѣльныхъ, хотя не независимыхъ отраслей или отдѣловъ соціологическихъ изслѣдованій. Такимъ образомъ изъ общаго комплекса соціальныхъ явленій можетъ быть выдѣленъ одинъ классъ явленій, въ которыхъ опредѣляющими причинами оказываются

главнымъ образомъ тѣ, которыя дѣйствуютъ посредствомъ желанія богатства, и въ которыхъ главное значеніе принадлежитъ тому общеизвѣстному психологическому закону, что большая выгода предпочитается меньшей,—классъ явленій, вытекающій изъ потребностей огражденія свободы и неприкосновенности лица въ обществѣ (явленія юридическія), цѣлый рядъ явленій, въ основаніи которыхъ лежитъ стремленіе къ защитѣ и обезпечиванію національныхъ интересовъ и интересовъ такихъ соціальныхъ группъ, какъ государство и т. п.“ [2]).

Такимъ образомъ содержаніе отдѣльныхъ общественныхъ наукъ, такъ сказать, выкраивается изъ того матеріала, который представляютъ собою факты исторической жизни [3]). Съ выдѣленіемъ изъ общаго комплекса исторически сложившихся соціальныхъ явленій отдѣльныхъ группъ этихъ явленій въ предметы особыхъ наукъ, органическая связь между соціальными явленіями не уничтожается, но принимаетъ въ нашемъ представленіи другую форму,—выраженіемъ ея служитъ связь отдѣльныхъ общественныхъ наукъ между собою. Каждая изъ

---

2) Милль. Логика II т. стр. 477.

3) Dilthey, Einleitung... стр. 30—35; 137—145. „Матеріаломъ отдѣльныхъ общественныхъ наукъ служитъ историко-общественная дѣйствительность. Изслѣдованіе историко-общественной дѣйствительности достигается путемъ отдѣльныхъ наукъ о человѣческомъ духѣ“. Dilthey говоритъ о тѣхъ предосторожностяхъ, которыя надо соблюдать въ сужденіяхъ о значеніи истинъ, представляемыхъ отдѣльными общественными науками. „Не должно забывать, говоритъ онъ, что истины отдѣльныхъ общественныхъ наукъ представляютъ только отдѣльныя части дѣйствительности, отдѣльныя ея стороны, что другія стороны при этомъ искуственно отвлечены, а потому при оцѣнкѣ научнаго значенія истинъ той или другой общественной науки надо имѣть въ виду, что они получены путемъ отвлеченія и что они не представляютъ полной истины, но на ряду съ ними существуютъ другія истины другихъ наукъ и тоже полученныя путемъ абстракціи“. Д. С. Милль. Логика т. 2-й стр. 483—485. „Каждая изъ отдѣльныхъ областей науки о соціальныхъ явленіяхъ дѣлаетъ свои выводы только условно, подвергая ихъ контролю законовъ общей науки объ обществѣ“

соціальныхъ наукъ—право, политическая экономія, политика, этика—предполагаетъ существованіе параллельно съ нею другихъ общественныхъ наукъ и въ своихъ основныхъ положеніяхъ частью основывается на данныхъ этихъ наукъ. Такъ, напр., большинство выводовъ политической экономіи, какъ это мы будемъ имѣть еще поводъ многократно указывать въ теченіи этого изслѣдованія, основываются на общихъ положеніяхъ, взятыхъ изъ современнаго правоваго порядка, этики, психологіи и другихъ не экономическихъ наукъ. Экономическія ученія о рентѣ, прибыли, процентѣ, заработной платѣ—основаны на предположеніи существованія института частной собственности, опредѣленныхъ психическихъ мотивовъ, управляющихъ хозяйственною дѣятельностью и т. д.

Но этотъ логическій пріемъ, заключающійся въ выдѣленіи отдѣльныхъ классовъ соціальныхъ явленій изъ ихъ непосредственной связи съ другими сосуществующими явленіями, и на которомъ основано существованіе отдѣльныхъ соціальныхъ наукъ, на этомъ не останавливается; дальнѣйшее примѣненіе его въ отдѣльныхъ наукахъ состоитъ въ отвлеченіи общественно—историческихъ явленій отъ другаго ихъ признака—движенія - связи ихъ съ предшествовавшими историческими состояніями и явленіями. Такимъ путемъ спеціальный классъ явленій, составляющихъ предметъ права или экономіи, можетъ быть изслѣдуемъ въ ихъ историческомъ развитіи (въ состояніи движенія), но эти-же самыя явленія могутъ изслѣдоваться лишь въ одну данную историческую эпоху безъ всякаго отношенія ихъ съ предшествующимъ и послѣдующимъ историческими состояніями (въ состояніи покоя). И подобно тому, какъ изолированіе отдѣльныхъ классовъ общественныхъ явленій служитъ основаніемъ дѣленія наукъ на юриспруденцію, политику, этику и экономію и т. д.—отвлеченіе общественно-историческихъ явленій отъ другаго ихъ свойства—движенія—служитъ, въ свою очередь, основаніемъ подраздѣле-

нія науки о правѣ, экономіи и т. п. на двѣ отдѣльныя дисциплины, изъ которыхъ одна изучаетъ подлежащую категорію явленій въ процессѣ ихъ историческаго развитія (въ динамическомъ отношеніи), а другая въ состояніи покоя (въ статическомъ отношеніи)[4]). Таковы въ юриспруденціи теорія и исторія права, а въ политической экономія теоретическая экономія и исторія хозяйственнаго быта. Такимъ образомъ весь фактическій матеріалъ представляемый исторіей соціальнаго развитія человѣчества долженъ быть подѣленъ между отдѣльными науками объ обществѣ такъ, чтобы область соціальной исторіи (въ самомъ широкомъ смыслѣ) и область всей совокупности отдѣльныхъ наукъ объ обществѣ совпадали между собою[5]).

Связь отдѣльныхъ теоретическихъ наукъ объ обществѣ съ исторіей въ послѣднее время замаскирована чрезвычай-

---

4) „Человѣческое общество, пишетъ Вундтъ въ своемъ введеніи въ „Логику общественныхъ наукъ „есть продуктъ историческаго развитія, оно ни одинъ моментъ не находится въ состояніи покоя. Тѣмъ не менѣе наука не только въ правѣ, но даже вынуждена разсматривать данныя общественныя состоянія, въ предѣлахъ болѣе или менѣе узкихъ границъ времени, какъ застывшія или находящіяся въ состояніи относительнаго покоя". Wundt. Logik 1883 г. 2-й т. стр. 506. „Такъ какъ исторія въ дѣйствительности не находится въ состояніи покоя и человѣческая жизнь предсгавляетъ безостановочное твореніе на вѣчномъ верстакѣ времени, то опытныя науки не въ правѣ разсматривать историческія явленія, какъ находящіяся въ состояніи покоя, но дедуктивныя науки могутъ это дѣлать, такъ какъ исходнымъ пунктомъ каждой теоретической науки объ обществѣ служитъ гипотеза или отвлеченіе". Rumelin Rede und Aufsatze стр. 249. Ср. также Сергѣевичъ. Задача и методъ государственныхъ наукъ. 1871 г. 35 стр. Wundt. Logik. 2-й т. стр. 568.

5) „Общественныя науки, имѣющія своимъ предметомъ исторически сложившіяся явленія человѣческой жизни, раздѣляются на такія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ естественныя группы индивидуумовъ (этнографія) и на такія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ отдѣльныя сферы жизни той или другой группы общества (семья, право, хозяйство и т. п.). Каждая изъ наукъ послѣдней категоріи состоитъ изъ трехъ частей: *исторической, описательной* и *теоретической* или этологической". Rumelin. Тамъ-же стр. 253. Вундтъ указываетъ на то, что до послѣдняго времени нѣкоторыя стороны соціальной жизни были просмотрѣны, а именно въ системѣ общественныхъ

нымъ дробленіемъ и развитіемъ крайней спеціализаціи отдѣльныхъ наукъ, входящихъ въ составъ обществовѣдѣнія. Между тѣмъ игнорированіе связи отдѣльныхъ общественныхъ наукъ съ соціальной исторіей можетъ вести къ сбивчивымъ и прямо невѣрнымъ представленіемъ объ общихъ принципахъ и задачахъ той или другой общественной науки, чему современная политическая экономія представляетъ немало примѣровъ, какъ это будетъ показано ниже. Но выдающіеся представители современной науки — Логики, такъ, напр., Д. Ст. Милль, Вундтъ, постоянно помнили объ этой органической связи общественныхъ наукъ съ исторіей и выставляли ее на видъ въ предложенныхъ ими классификаціяхъ наукъ. Такъ Вундтъ дѣлитъ всю область человѣческаго знанія на науки естественныя и науки о духовной жизни (Geisteswissenschaften). Далѣе науки о человѣческомъ духѣ подраздѣляетъ на психологическія и *историческія, относя къ послѣдней категоріи и науки общественныя*[6]).

Все сказанное выше о соціальныхъ явленіяхъ и изучающихъ ихъ отдѣльныхъ общественныхъ наукахъ относится, въ частности и къ наукѣ о народномъ хозяйствѣ. Эта наука или, какъ принято ее называть, политическая экономія, является прежде всего, по своему матеріальному содержанію, историческою наукою въ томъ болѣе общемъ смыслѣ, въ какомъ, вообще, всѣ общественныя науки должны быть отнесены къ разряду историческихъ наукъ. Наряду съ другими общественными науками, политическая экономія выдѣляетъ

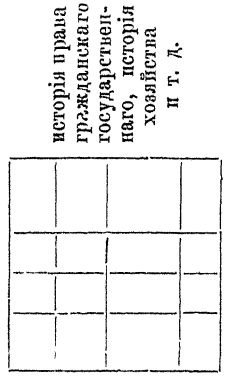
наукъ недостовало цѣлыхъ дисциплинъ, долженствовавшихъ изслѣдовать явленія извѣстныя теперь подъ именемъ этнолого-статистическихъ, а въ юриспруденціи, напр., не отводилось особаго мѣста категоріи явленій общественныхъ, въ узкомъ смыслѣ слова, и эти послѣднія пріурочивались, то къ частному праву, то къ государственному.

6) Wundt. Logik. 2-й т. стр. 478, 518, 566. Dilthey. Einleitung см. выше цитр. Knies. Die politische Oeconomie vom geschichtlichen Standpunct 1883 г. стр. 5. Это раздѣленіе историческаго матеріала между отдѣльными обществен-

одну категорію историческихъ явленій — общественно-хозяйственныхъ — какъ отдѣльный спеціальный предметъ изслѣдованія. Такимъ образомъ causa eficiens самого существованія политической экономіи, какъ отдѣльной науки, заключается въ особомъ (логическомъ пріемѣ изолированія въ нашемъ умѣ цѣлой области историческихъ явленій, отмѣченныхъ особыми признаками, отличающими ихъ отъ другихъ общественныхъ явленій. И въ наукѣ о народномъ хозяйствѣ, какъ и въ другихъ общественныхъ наукахъ — явленія, составляющія спеціальный предметъ ея изслѣдованія, изучаются 1) въ порядкѣ ихъ сосуществованія въ данный историческій моментъ или періодъ времени (въ статическомъ отношеніи) и 2) въ порядкѣ ихъ историческаго развитія и послѣдовательности (хозяйственная динамика). Это двоякое изученіе хозяйственныхъ явленій служитъ основаніемъ двухъ отдѣльныхъ хозяйственныхъ наукъ: теоретической экономіи и хозяйственной исторіи. Среднее положеніе между исторіей хозяйства и теоретической экономіей занимаетъ хозяйственная статистика,

---

ными науками можетъ быть представлено въ слѣдующемъ графическомъ изображеніи. Можно представить себѣ соціальную исторію человѣчества въ видѣ геометрической фигуры—параллелограмма, въ которомъ линіи проведенныя параллельно основанію будутъ изображать теоретическія науки, имѣющія своимъ предметомъ отдѣльныя сферы общественной жизни (образующія собою отдѣльныя части соціальной статики), а вертикальныя линіи обозначатъ собою историческія отрасли тѣхъ же наукъ (составляя части соціальной динамики).



которая единовременно изслѣдуетъ хозяйственныя явленія, какъ въ состояніи покоя, такъ и въ состояніи движенія [7]). Но кромѣ того наука о народномъ хозяйствѣ, какъ наука теоретико-практическая, имѣетъ еще одну задачу, которая состоитъ не въ изученіи того „что есть", а того „что должно быть". Послѣдняя категорія экономическихъ знаній составляетъ предметъ хозяйственной политики—особой науки, которая предполагаетъ уже изученіе явленій, какъ въ процессѣ ихъ сосуществованія, такъ и въ процессѣ ихъ развитія и имѣетъ своею цѣлію опредѣлить желательныя, въ видахъ человѣческаго благосостоянія, измѣненія въ складѣ хозяйственной жизни. Основаніемъ этой науки служитъ тотъ фактъ, что самъ человѣкъ со своими стремленіями, желаніями и идеалами, является могущественнымъ факторомъ въ созданіи того склада общественно-хозяйственныхъ отношеній, среди которыхъ онъ живетъ. Такимъ образомъ подъ наукой о народномъ хозяйствѣ или политическою экономіей слѣдуетъ разумѣть сложную науку, преслѣдующую троякаго рода задачи. Двѣ первыя задачи относятся къ области чистыхъ наукъ—исторіи хозяйства и теоретической экономіи [8]),—изслѣдующихъ существующія явленія, какъ они есть, со стороны причинъ и слѣдствій, а третья задача—къ области прикладной науки о народномъ хозяйствѣ [9]).

7) Rumelin. Rede und Aufs. стр. 249. „Дедуктивныя науки могутъ разсматривать явленія, какъ находящіяся въ состояніи покоя, но исходнымъ пунктамъ такихъ наукъ является обстракція или фикція. Но статистика, какъ наука наблюдательная, не можетъ основываться на такой фикціи подъ опасеніемъ самой превратиться въ совершенную фикцію. Рюмелинъ, поэтому, не соглашается съ воззрѣніемъ на статистику, какъ на остановившуюся исторію".

8) По вопросу о томъ, слѣдуетъ-ли науку о финансахъ отнести къ теоріи или къ хозяйственной политикѣ, мнѣнія экономистовъ раздѣляются. Менгеръ и Филипповичъ относятъ науку о финансахъ къ прикладной экономіи. Emil Sax выражаетъ противоположное воззрѣніе. Въ своемъ обширномъ сочиненіи „Grundlegung der theoretischen Staatswirthschaft. Wien." 1887, онъ сдѣлалъ опытъ построенія науки о финансахъ какъ чисто теоретической науки см. его объясн. стр. 1—4. Его-же „Die Wesen und Aufgabeder Nationalokonomie" стр. 1—27.

9) Карлъ Менгеръ, можно сказать, первый съ надлежащею обстоятель-

Раньше чѣмъ перейти къ подробному изслѣдованію задачи и метода теоретической экономіи, мы считаемъ необходимо сдѣлать небольшое отступленіе и предварительно подробно остановиться на разсмотрѣніи двухъ критеріевъ теоретической экономіи, весьма существенныхъ для разъясненія методологическихъ пріемовъ этой науки. Мы разумѣемъ здѣсь 1) вопросъ объ историческомъ характерѣ теоретической экономіи и 2) вопросы о томъ, въ какомъ смыслѣ теоретическая экономія является отраслью обществовѣдѣнія. Разсмотрѣніе этихъ вопросовъ составитъ содержаніе двухъ слѣдующихъ главъ.

ностью выяснилъ, что наука о народномъ хозяйствѣ по существу преслѣдуемыхъ ею задачъ, обнимаетъ нѣсколько дисциплинъ и вывелъ зависящія отъ этого, важныя въ методологическомъ отношеніи, консеквенціи. Ср. его Untersuchungen uber d Methoden стр. 9 и 233. См. „Philippowitch, Aufgabe und Methode der Politischen Oeconomie". „Политическая экономія находится въ исключительномъ положеніи дисциплины, обнимающей цѣлый рядъ наукъ, имѣющей различныя задачи и различныя отрасли изслѣдованія Хотя никто вообще не сомнѣвается въ специфическихъ задачахъ, какія должны ставить себѣ эти отдѣльныя отрасли наукп о народномъ хозяйствѣ, но споръ идетъ о томъ, какъ разграничить эти отдѣльныя науки между собою. Въ разрѣшеніи спора о пограничныхъ чергахъ раздѣляющихъ эти науки, заключается рѣшеніе одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ политической экономіи" (стр. 6—7). Sidgwik, The Scope and Method of economic science 1885, London. „Подъ именемъ политической экономіи соединены весьма различныя изслѣдованія, произведенныя различными методами" (стр. 30). Rumelin. Rede... „Нетребуется чтобы всѣ отрасли одной и той-же науки слѣдовали одному и тому-же методу. Одна и таже наука можетъ совмѣщать нѣсколько различныхъ дисциплинъ и нѣсколько совершенно различныхъ методовъ. Сергѣевичъ. Задачи и методы государ. наук. стр 41—45. Исаевъ, Составныя части и методы политической экономіи. Ярославль, стр. 52.

II.

Объ историческомъ характерѣ теоретической политической экономіи въ особенности.

Въ предыдущей главѣ мы констатировали, что теоретическая экономія [1]) и исторія народнаго хозяйства являются историческими науками въ томъ смыслѣ, что они изучаютъ исторически сложившіяся хозяйственныя явленія, при чемъ одна изъ нихъ изучаетъ эти явленія, какъ процессы историческаго развитія, а другая, какъ продукты этого развитія (въ статическомъ состояніи). Теперь мы остановимся на разъясненіи того факта, что теоретическая экономія въ огромномъ большинствѣ своихъ, съ перваго взгляда, повидимости чисто обстрактныхъ положеній, представляетъ ничто иное, какъ общія формулы хозяйственныхъ отношеній опредѣленнаго періода хозяйственной исторіи. Этотъ, съ нашей точки зрѣнія, спеціальный критерій ученій или законовъ теоретической экономіи, который мы иначе въ заглавіи обозначили выраженіемъ

---

1) Главные критеріи, которыми характеризуется отрасль экономической науки, обозначаемая нами названіемъ „теоретической политической экономіи“, составляютъ предметъ одной изъ слѣдующихъ главъ. Здѣсь же мы считаемъ необходимымъ предварить читателя, что подъ теоретической экономіей мы разумѣемъ то направленіе въ наукѣ, типичнѣйшими представителями котораго являются Рикардо, Джевонсъ, Тюненъ, А. Смитъ, въ первыхъ частяхъ своего трактата „о богатствѣ народовъ“. Между теоретической экономіей этой школы и той частью доктрины соціалистической школы Родбергуса—Маркса, которая имѣетъ своею задачею уясненіе того „что есть“, (а не планы соціальной реформы) существуетъ прямое родство. Самъ Родбертусъ считаетъ свою систему экономическихъ теорій лишь послѣдовательнымъ выводомъ изъ теоріи Рикардо. См. его Zur Frkantnis unsere Staatswissenschaftlichen Zustande. стр.

„историческій характеръ теоретической экономіи", въ современной экономической литературѣ весьма многими оспаривается. Историческій характеръ теоретической экономіи отрицаютъ не только экономисты германской исторической школы, которые стараются представить ее въ видѣ ряда обстракцій, неимѣющихъ никакого отношенія къ реальной жизни, и тѣмъ самымъ имѣютъ въ виду скомпроментировать теоретическое направленіе въ политической экономіи школы Ад. Смита и Рикардо, но даже многіе изъ ученыхъ берущихъ подъ свою защиту теоретическую экономію,—противъ нападокъ школы исторической представляютъ себѣ основныя ученія этой науки неиначе, какъ въ видѣ основныхъ положеній, имѣющихъ приложеніе къ объясненію хозяйственныхъ явленій всякаго народа, независимо отъ условій мѣста, время и степени его историческаго развитія. Наши основныя ученія, говоритъ Дитцель, о законахъ теоретической экономіи „недолжны соотвѣтствовать какой-либо опредѣленной стадіи историческаго развитія, но должны имѣть одинаковое примѣненіе ко всѣмъ возможнымъ ступенямъ исторіи народнаго хозяйства" [2]). И въ другомъ своемъ сочиненіи, оно выражается съ неменьшею опредѣленностью, говоря, что „экономическая теорія, выходящая изъ посылки индивидуализма, имѣетъ одинаковое значеніе для объясненія явленій всѣхъ временъ" [3]). Карлъ Менгеръ, авторъ извѣстной книги о методѣ политической экономіи, написанной въ защиту теоретической экономіи, признаетъ „несомнѣнную необходимость считаться въ теоріи народнаго хозяйства съ фактомъ историческаго развитія хозяйственныхъ явленій". Однако онъ не можетъ допустить, „что-бы кто-либо знакомый съ выводами современ-

2) H. Dietzel. Baitrage zur Methodik der Wirthschaftswissenschaft. Jahrbuch f. Nationalökonomie und Statistik стр 204—212, 223.

3) Отъ-же. Uber das Verhaltniss der Volkswirthschaftslehre zur Socialwirthscheftslehre. Berlin 1882. стр. 51

ной теоріи познанія, рѣшился бы утверждать, что, такъ какъ хозяйственныя явленія находятся въ состояніи развитія и измѣненія, то необходимо создать цѣлое количество теорій— соотвѣтствующее, съ одной стороны, числу ступеней народнохозяйственной исторіи, а съ другой стороны—разнообразію мѣстныхъ условій хозяйственной жизни отдѣльныхъ народовъ, находящихся въ одной и той-же фазѣ хозяйственнаго развитія.[4]). Путь, по которому, въ данномъ случаѣ, изслѣдователь долженъ идти, заключается въ томъ, что онъ долженъ принять за основу построенія экономической теоріи состояніе народнаго хозяйства въ данномъ мѣстѣ, у даннаго народа, въ какой-либо характерный моментъ его исторіи; построивши, такимъ образомъ, универсальную теорію народнаго хозяйства, изслѣдователь долженъ, затѣмъ, указать на тѣ модификаціи въ этой общей теоріи, которыя необходимо сдѣлать при примѣненіи ея къ объясненію хозяйственныхъ явленій даннаго народа, къ данной ступени его развитія и къ мѣстнымъ условіямъ. Словомъ, экономистъ долженъ поступать такъ, какъ анатомъ и физіологъ, которые изучаютъ отправленія организма и его анатомическое строеніе на болѣе совершенныхъ типахъ индогерманской рассы, указывая затѣмъ на второстепенныя уклоненія, встрѣчающіяся въ организмахъ негровъ, малайцевъ и т. п. племенъ“ [5]). Говоря, далѣе, объ обстрактномъ законѣ цѣны, составляющемъ одно изъ наиболѣе законченныхъ ученій современной теоретической экономіи, Менгеръ характеризуетъ его значеніе въ слѣдующихъ категорическихъ выраженіяхъ: „законъ этотъ имѣетъ значеніе для всѣхъ временъ и народовъ, у которыхъ только существуетъ хозяйственный оборотъ“ [6]). Задача теоретической экономіи,

---

4) Carl Menger. Untersuchungen uber die Methode der Socialwissenschaften und der Politischen Oeconomie insbesonders. Wien 1883. стр. 108.

5) То-же стр. 109.

6) То-же стр. 58.

по Менгеру, заключается въ сведеніи реальныхъ хозяйственныхъ явленій и отношеній къ простѣйшимъ элементамъ и къ установленію *естественныхъ законовъ* (Naturgesetze) — народнаго хозяйства. Называя законы теорегической экономіи естественными законами, ученые экономисты желаютъ этимъ выразить нетолько ту мысль, что явленія общественно хозяйственной жизни управляются такими-же постоянными законами, какъ и явленія естественныя, но опредѣлено этимъ выраженіемъ указываютъ на неизмѣнность хозяйственныхъ законовъ, не смотря на постоянное измѣненіе формъ хозяйственной жизни въ теченіи исторіи, давая ясно понять, что достаточно разъ открыть эти законы, чтобы тѣмп самымъ разъ навсегда объяснить всѣ явленія прошлой, настоящей и будущей исторіи хозяйственнаго быта. Эмиль Саксъ, по этому вопросу, повторяетъ воззрѣнія своихъ нѣмецкихъ единомышленниковъ Дитцеля и Менгера. „Такъ какъ, пишетъ онъ въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи, человѣческая натура и основныя условія нашего существованія въ основныхъ чертахъ остаются всегда неизмѣнными, то въ этомъ обстоятельствѣ лежитъ причина существованія только одной всеобщей теоріи хозяйства. Въ политической экономіи неможетъ быть рѣчи объ особенныхъ теоріяхъ хозяйства того или другаго народа, для того или другаго времени, какъ не можетъ быть рѣчи объ особенной психологіи, напр., англичанъ и французовъ, людей средневѣковой Европы, или современнаго намъ періода, а только о психологіи человѣка вообще, какъ типическаго индивидуума. Но само собою разумѣется, что при этомъ должны быть приняты въ соображеніе, какъ въ теоріи народнаго хозяйства, такъ и въ психологіи второстепенныя модификаціи предмета, зависящія отъ условій мѣста и времени“ [7]).

---

7) E. Sax. Die neuesten Fortschritte der nationalökonomischen Theorie. Рѣчь въ ученомъ обществѣ въ Дрезденѣ. Leipzig 1882, стр. 10.

Такимъ образомъ, по воззрѣніямъ Менгера, Дитцеля и Сакса, изображенныя въ теоретической экономіи типическія явленія и типическія отношенія между явленіями непредставляютъ никакой особенной связи съ тою или другою эпохою хозяйственной исторіи. Въ законахъ теоретической экономіи на долю условій мѣста, времени и историческаго развитія Менгеромъ отнесены лишь второстепенныя модификаціи въ типахъ хозяйственныхъ явленій, самый же этотъ типъ, съ одинаковымъ удобствомъ, по выбору изслѣдователя, можетъ быть изученъ на хозяйствѣ любаго народа, находящагося на любой стадіи развитія, какъ на хозяйствѣ народовъ средневѣковой Европы, такъ и на хозяйствѣ Грековъ и Римлянъ, или на хозяйствѣ какого нибудь изъ современныхъ народовъ. Повидимому и Кэрнсъ приближается къ воззрѣніямъ названныхъ писателей, когда онъ говоритъ, „что экономическая наука,—подъ которою онъ разумѣетъ теоретическую экономію англійской классической школы,—не болѣе связана съ современнымъ періодомъ промышленнаго развитія европейскихъ націй, чѣмъ механика связана съ современной системой желѣзныхъ дорогъ [8]). Хотя у того-же Кэрнса встрѣчаемъ и другаго рода подробныя характеристики теоретической экономіи показывающія, что ему не чужда была мысль объ историческомъ характерѣ этой науки [9]). Названіе законовъ теоретической экономіи законами природы, „естественными законами“ хотя и безъ той подробной мотивировки, которую предпосылаютъ ему Менгеръ и Дитцель, но въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ употребляютъ это слово эти ученые, мы встрѣчаемъ тоже у Рау и другихъ германскихъ экономистовъ-теоретиковъ, послѣдователей англійской классической школы, а также у всѣхъ почти французскихъ экономистовъ.

---

8) Cairnes. The Character and logical Method of Pol. Economy. London, 1875, стр. 22.

9) Тоже стр. 23.

Такое приравниваніе законовъ теоретической экономіи къ законамъ природы, въ томъ-же смыслѣ въ какомъ трактуются эти законы въ естествознаніи, не можетъ быть ничемъ оправдано [10]). Въ современной литературѣ по методологіи наукъ и въ извѣстнѣйшихъ сочиненіяхъ по Логикѣ нѣтъ недостатка въ дѣйствительныхъ доводахъ опровергающихъ такое отождествленіе законовъ политической экономіи съ законами природы. Мы думаемъ, что экономисты, разсматривающіе законы теоретической экономіи, какъ законы природы, невѣрно оцѣнили сущность теоретическихъ ученій политической экономіи вообще и классической школы въ особенности, приписывая этимъ ученіямъ такой характеръ, котораго онѣ не имѣютъ. Существенное различіе между законами теоретической экономіи и законами природы вытекаетъ изъ такого-же существеннаго отличія явленій общественно-хозяйственныхъ отъ явленій міра физическаго, на которое многократно было обращено вниманіе учеными логиками и методологами. Ими было указываемо, что явленія физическія остаются вѣчно неизмѣнными, тогда какъ общественныя явленія суть исторически измѣняющіяся. Такъ, химическій составъ воздуха, физіологическія отправленія организма остаются неизмѣнными до тѣхъ поръ пока будутъ существовать атмосфера и животныя организмы. Если физикъ въ одномъ случаѣ замѣтилъ, что, напримѣръ, извѣстное тѣло относится къ проводникамъ электричества, то для него уже неостается никакого сомнѣнія, что и всѣ другія тѣла подобнаго рода, во всѣ времена и вездѣ, при однихъ

---

10) Возводя теоретическія ученія политической экономіи въ законы природы, т. е. усвоивая за ними такой характеръ, котораго они вовсе неимѣютъ въ трудахъ классическихъ писателей, экономисты-теоретики даютъ новое оружіе исторической школѣ, въ ея нападкахъ на классическую школу, обвиняющей, между прочимъ, представителей послѣдней въ томъ, что они ничего не хотѣли знать объ исторіи и искуственно втискивали подъ созданную ими догму явленія хозяйственнаго быта разныхъ народовъ, находящихся на самыхъ различныхъ ступеняхъ развитія.

и тѣхъ же условіяхъ, были, есть и будутъ оставаться проводниками электричества. Физика, физіологія и химія постоянно изучаютъ одни и тѣ же явленія. Поэтому можетъ существовать только одна теоретическая физика и одна физіологія, объясняющая всѣвозможныя явленія въ данной области природы [11]). Но совсѣмъ другаго характера явленія общественно-хозяйственныя: въ хозяйственномъ быту народовъ древняго востока и у народовъ классическаго міра мы наблюдаемъ такого рода хозяйственныя явленія, которыхъ мы не встрѣчаемъ въ хозяйствѣ современныхъ намъ народовъ Европы. Словомъ хозяйственныя явленія относятся къ категоріи историческихъ явленій и въ качествѣ таковыхъ постоянно измѣняются вмѣстѣ съ ростомъ культурнаго развитія народа [12]). Отмѣченныя свойства народно-хозяйственныхъ явленій предопредѣляютъ и характеръ теоретическихъ положеній или законовъ политической экономіи, задача которыхъ заключается въ формулированіи типовъ хозяйственныхъ явленій и отношеній исторически сложившихся. Понятно, что никакая система экономическихъ теорій, если только она имѣетъ въ виду исторически сложившіяся хозяйственныя отношенія, неможетъ быть универсальной теоріей хозяйства для всѣхъ временъ и народовъ, какъ этого желаютъ вышеприведенные экономисты, а неизбѣжно будетъ только теоріей хозяйства опредѣленной исторической формаціи.

Въ видѣ самаго крайняго примѣра экономическихъ теорій, лишенныхъ, такъ сказать, исторической окраски, какъ тѣ экономисты, которыя видятъ въ этомъ дефектъ, лишающій теорію всякаго научнаго значенія, (историческая школа) такъ и тѣ, которые считаютъ эту особенность характерною

---

11) Ср. Rumelin. Rede und Aufsatze стр. 212.

12) Развитіе этой мысли, въ ея общей формѣ, составляетъ заслугу исторической школы въ политической экономіи.

чертою всякой экономической теоріи — указываютъ на законы Рикардо. Но нетребуется никакихъ особыхъ усилій мысли, чтобы въ законахъ Рикардо обнаружить присутствіе „историческихъ элементовъ“, и притомъ составляющихъ столь существенную часть въ нихъ, что съ устраненіемъ ихъ исчезаетъ вся теоретическая конструкція самыхъ законовъ Рикардо. Укажемъ, напримѣръ, на его весьма извѣстный законъ поземельной ренты. Рентой онъ называетъ излишекъ цѣнности продукта, получаемаго съ земель высшаго плодородія по сравненію съ землями низшаго плодородія и достающійся землевладѣльцу. Теперь всмотримся ближе изъ какихъ элементовъ слагается этотъ законъ. „Излишекъ цѣнности продукта, получаемый съ участковъ высшаго плодородія“... это есть фактъ физическій, вытекающій не изъ одинаковаго качества поземельныхъ участковъ; онъ имѣлъ мѣсто во всѣ вѣка и вездѣ, гдѣ только существовало земледѣліе, — но этотъ фактъ самъ по себѣ несоставляетъ еще поземельной ренты. Напротивъ при его наличности рента можетъ вовсе несуществовать, какъ это имѣло мѣсто въ первобытной формѣ общиннаго владѣнія, гдѣ между совладѣльцами дѣлился лишь готовый продуктъ, а неземельныя участки. *Историческій элементъ* въ законѣ поземельной ренты Рикардо, заключается въ институтѣ частной собственности на землю, въ силу котораго „излишекъ цѣнности“ получаетъ землевладѣлецъ, а непредприниматель, арендующій землю, и не наемный рабочій, обработывающій ее. Разъ несуществовало-бы института частной собственности на землю, а, съ другой стороны, права рабочихъ на вознагражденіе въ формѣ рабочей платы, — какъ напримѣръ, это было при рабскомъ хозяйствѣ, когда продуктъ цѣликомъ принадлежалъ рабовладѣльцу, который былъ въ тоже время и землевладѣльцемъ, — тогда не могло бы быть и рѣчи о рентѣ, какъ особой формѣ распредѣленія продуктовъ. Законы прибыли и рабочей платы, того-же Рикардо, въ свою очередь,

предполагаютъ существованіе капитала, институтъ частной собственности, личную свободу всѣхъ классовъ общества, особенную соціально-экономическую конституцію общества, состоящую изъ классовъ землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ. Приведенные здѣсь законы относятся къ теоріи распредѣленія благъ. Но если мы перейдемъ отъ распредѣленія къ сферѣ обращенія, остановимся, напримѣръ, на теоріи поземельнаго кредита, теоріи рыночныхъ цѣнъ, то и въ этихъ теоріяхъ, или законахъ, также откроемъ, что квитъ-эссенцію, ихъ образуютъ чисто „историческіе элементы“ современнаго склада хозяйственныхъ отношеній, основаннаго на свободѣ хозяйственнаго оборота, которая не имѣла мѣста въ средніе вѣка, частной собственности и на началѣ соперничества. Въ средніе вѣка, напримѣръ, немыслима была современная форма поземельнаго долгосрочнаго кредита съ постепеннымъ погашеніемъ долга, и съ тою ролью, какую онъ играетъ въ современной мобилизаціи поземельной собственности. Въ средніе вѣка вмѣсто современнаго поземельнаго кредита существовала продажа вѣчной ренты. Землевладѣлецъ, получавшій ссуды обязывался вѣчнымъ платежемъ ренты безъ обязательства уплаты суммы капитальнаго долга. Продажа ренты, а съ другой стороны спеціальные формы перехода земли въ видѣ феодовъ, бенефицій, цензивы, или чинша, въ средніе вѣка замѣняли собою продажу, аренду, дареніе и всѣ другія возможныя формы мобилизаціи поземельной собственности, которыми характеризуется современный хозяйственный оборотъ. Для осуществленія въ средніе вѣка современнаго закона рыночныхъ цѣнъ, основаннаго на соотношеніи между спросомъ и предложеніемъ, тогда не доставало слѣдующихъ началъ современнаго оборота: свободы обращенія благъ, свободы торговли, свободы хозяйственныхъ занятій, равноправнаго положенія предпринимателей въ различныхъ сферахъ производства. Средневѣковая торговля, съ ея цѣховымъ устройствомъ, системой внут-

ренныхъ заставныхъ пошлинъ, сложною законодательною регламентаціей производства, по выраженію историковъ этой эпохи, приближалась скорѣе къ современной продажѣ съ аукціона. Приведенные нами примѣры относятся къ законамъ распредѣленія и обращенія хозяйственныхъ благъ. Можетъ-ли все сказанное нами объ историческомъ характерѣ законовъ теоретической экономіи относиться и къ законамъ производства? Извѣстенъ отрицательный отвѣтъ на это Д. С. Милля. Въ законахъ производства, по мнѣнію Милля, нѣтъ ничего зависящаго отъ воли, ничего такого, что было-бы можно измѣнить. Все производимое человѣкомъ должно быть производимо тѣми способами и подъ тѣми условіями, какія налагаются качествами внѣшней природы и внутренними свойства самого человѣка. Милль доказываетъ свою мысль о неизмѣнности законовъ производства слѣдующимъ образомъ: „хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но размѣръ его производствами все равно будетъ опредѣляться размѣрами его предварительнаго сбереженія (капитала) и, при данномъ размѣрѣ сбереженія, будетъ пропорціоналенъ энергіи человѣка, его искуству, достоинству его орудій и благоразумному пользованію выгодами соединеннаго труда. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но непроизводительный расходъ отдѣльныхъ лицъ будетъ вести къ пропорціональному обѣдненію общества и только производительнымъ расходованіемъ будетъ обогащаться общество. Каковы бы ни были мнѣнія или желанія по этимъ вещамъ, они не измѣняютъ характера самыхъ вещей. Мы не можемъ измѣнить коренныхъ качествъ, ни матеріи, ни мысли, а можемъ только съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ употребить эти качества на произведеніе феноменовъ нужныхъ для насъ. Не таковы принципы распредѣленія богатства. Это распредѣленіе чисто дѣло человѣческихъ учрежденій. Распредѣленіе богатства зависитъ отъ законовъ и обычаевъ общества. Правила, которыми оно опредѣляется, бы-

ваютъ тѣ, какія созданы мнѣніями и желаніями правящей части общества; въ разныя времена и въ разныхъ обществахъ эти правила очень различны и могли-бы стать еще различнѣе отъ прежнихъ, если-бы людя того захотѣли“ [13]).

Мысль Милля о неизмѣнности законовъ производства можно считать вѣрною, но съ однимъ существеннымъ ограниченіемъ, именно, они не измѣнны лишь на столько, на сколько они касаюгся отношенія человѣка къ природѣ. Но въ область производства входятъ и отношенія людей между собою. Такъ, люди извѣстнымъ образомъ организуются въ товарищества для работы, этимъ путемъ образуются формы сотрудничества и раздѣленія труда, организація производства по системѣ крупныхъ или мелкихъ предпріятій, и все это суть формы исторически измѣняющіяся, подобно формамъ распредѣленія и обращенія благъ. Въ Греціи и въ средніе вѣка, когда существовало частное раздѣленіе труда и хозяйственный оборотъ между отдѣльными частными хозяйствами игралъ второстепенную роль, не могло быть рѣчи о тѣхъ сложныхъ формахъ кооперацiи, которыми характеризуется современное мѣновое хозяйство. Однако, если изъ отдѣла о производствѣ исключить ученіе объ историческихъ формахъ производства, то въ результатѣ останется цѣлый рядъ положеній, которыя опредѣляютъ отношенія человѣка къ вещамъ и къ внѣшней природѣ по своему существу неизмѣнныя. О нихъ то именно, какъ мы думаемъ, и говоритъ Милль. Положенія этого рода образуютъ въ современной системѣ теоретической экономіи весьма ограниченную категорію истинъ— это суть, такъ называемыя, экономическія понятія какъ-то: потребность, хозяйственное благо, хозяйственный трудъ, производство и т. п. Этого рода экономическія опредѣленія дѣй-

---

13) Дж. С. Милль. Основанія политической экономіи. Русскій пер. 1874 г. т. I, стр. 249.

ствительно отмѣчаютъ самыя общія черты, которыми характеризуются хозяйственныя явленія, независимо отъ условій времени и мѣста. Систему именно этихъ общихъ понятій Книсъ называетъ „общею частью общей части политической экономіи“. Но нѣкоторые писатели, какъ, напр., Фридрихъ Бастіа, имѣя въ виду эти общія положенія, считаютъ всю вообще теоретическую экономію состоящею изъ истинъ этого порядка, и на этомъ основаніи, подобно Менгеру и Дитцелю говорятъ о существованіи универсальной экономической теоріи, не считающейся съ условіями мѣста и врямени [14]).

Правда, Адамъ Смитъ, Рикардо и другіе теоретки англійской школы, формулируя хозяйственныя явленія и отношенія современнаго имъ хозяйственнаго быта Англіи, иногда выражаются такимъ образомъ, что могутъ дать основаніе считать изложенные ими законы теоретической экономіи за универсальные законы хозяйственныхъ отношеній, наблюдаемыхъ у всѣхъ народовъ, на разныхъ ступеняхъ развитія. Но по мѣрѣ успѣховъ, сдѣланныхъ сравнительной исторіею хозяйственнаго быта народовъ въ экономической литературѣ можно прослѣдить постепенное выясненіе той мысли, что теоретическая экономія англійской школы есть небольше какъ только теорія хозяйства новаго времени. Бруно Гильдебрандтъ еще въ 1841 году писалъ, „что Смитова система выдавала себя за всеобщее ученіе о человѣческомъ хозяйствѣ, а на самомъ дѣлѣ была лишь выраженіемъ денежнаго хозяйства, которое только что успѣло упрочить свое господство въ Европѣ“ [15]). Вслѣдъ за тѣмъ цѣлый рядъ англійскихъ экономистовъ высказывалъ воззрѣнія на теоретическую экономію

---

14) „Основаніемъ теоретической экономіи и ея обстрактныхъ изслѣдованій служитъ реальный міръ явленій, а не голый анализъ понятій“. См. Philippowitch. Ub. Aufgabe und Methode, стр. 47.

15) Б. Гильдебрандтъ. Политическая экономія настоящаго и будущаго. Русскій пер. 1860. стр. 17—20.

весьма близкія къ приведенному сужденію Бруно Гильдебрандта. Такъ, Беджготъ въ своихъ трактатахъ постоянно подчеркиваетъ ту мысль, что "англійская политическая экономія есть лишь политическая экономія коммерческаго періода человѣческой исторіи, а потому не можетъ быть болѣе абсурднаго стремленія, чѣмъ попытка прилагать выводы нашей политической экономіи къ жизни націй ненаходящихся въ фазѣ коммерческаго періода исторіи" [16]). Тойнби говоритъ: „Законы политической экономіи, построенные на извѣстныхъ посылкахъ... вѣрны только для извѣстнаго періода цивилизаціи" [17]). „Экономическія условія патріархальной жизни, пишетъ Кэрнсъ, въ своемъ сочиненіи о методѣ политической экономіи, отличаются отъ экономическихъ условій современнаго коммерческаго періода, и если-бы политическая экономія была разработана въ древніе, или средніе вѣка, то она несомнѣнно содержала бы нѣкоторыя положенія, которыхъ мы ненаходимъ въ ней теперь, равно въ ней отсутствовали бы нѣкоторыя другія ученія, содержащіяся въ современной политической экономіи. Громадное развитіе торговыхъ сношеній въ наше время создало цѣлый рядъ новыхъ формъ обращенія и кредита, представляющихъ цѣлый рядъ новыхъ задачъ, требующихъ рѣшенія отъ современнаго экономиста [18]). Надо отдать полную справедливость экономистамъ соціалистической школы—Марксу и Родбертусу, которые съ полною опредѣленностью стали разсматривать законы классической экономіи, какъ законы опредѣленнаго историческаго типа хозяйственныхъ отношеній, запечатлѣвши

16) См. Walter Bagehot Economic Studies. London 1880 стр. 6, 16, 80, 84.

17) Toynbee On the industrial Revolution in England. 1884. стр. 29

18) Cairnes Log M thod, стр. 23. Его-же статья: „Polit. Economy and lessez faire". Fortemgthly Review, 1873. стр. 256—258. См. также Sidgwigk. The Scope and Meth d стр 37. J. S Mill, Essays стр. 133.

ихъ разъ навсегда названіемъ *„историческихъ категорій“*. Какъ бы они не называли современную политическую экономію—теоріей денежнаго хозяйства или капиталистическаго хозяйства, но во всѣхъ случаяхъ, когда они говорятъ о законахъ политической экономіи, то имѣютъ въ виду, при этомъ, тѣ историческія формы хозяйственныхъ отношеній, которыя начинаютъ возникать и слагаться въ Европѣ съ конца 16-го и начала 17-го столѣтія [19]).

Представители научнаго соціализма впервые сопоставили, частью готовые, а частью ими-же добытые, результаты сравнительно-историческаго изслѣдованія хозяйственныхъ формъ быта у разныхъ народовъ—съ теоретическими положеніями современной политической экономіи и такимъ путемъ пришли къ установленію главныхъ исторически смѣнявшихся типовъ хозяйственнаго устройства. Сравнительно-историческое изслѣдованіе жизни народовъ со стороны формъ ихъ хозяйственнаго быта, познакомило не только съ тѣми индивидуальными особенностями, которыя представляетъ каждый народъ въ своемъ хозяйственномъ быту, но оно также показало и тѣ черты сходства, которыми характеризуется жизнь народовъ находящихся на одной и той-же ступени историческаго развитія, указало также на извѣстную преемственность формъ хозяйственной жизни, съ небольшими уклоненіями, повторяющихся въ жизни каждаго народа [20]). Работа, которуя пред-

---

19) Въ виду неустановившейся научной терминологіи въ обозначеніи экономическихъ школъ, я считаю необходимымъ здѣсь замѣтить, что подъ научнымъ соціализмомъ я разумѣю здѣсь то соціалитическое направленіе (во главѣ съ Родбертусомъ), которое неимѣетъ въ виду лишь отрицаніе цѣлесообразности исторически сложившихся отношеній или грубую механическую ломку исторически сложившихся формъ хозяйственнаго быта, но задается цѣлію уясненія исторической дѣйствительности—направленіе отличающееся отъ другихъ школъ инымъ лишь пониманіемъ существующихъ хозяйственныхъ отнбшеній и явленій: такъ напр. представители этого направленія извѣстнымъ образомъ понимаютъ существующія отношенія между хозяйственными классами и т. п.

20) Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ новымъ направленіемъ изслѣдованій въ хо-

стояло сдѣлать, принадлежитъ главнымъ образомъ Родбертусу—Ягетцову. Глубокій знатокъ экономической литературы и филологъ по образованію, Родбертусъ, послѣ разнообразнѣйшихъ занятій вопросами экономической теоріи, обратился къ изслѣдованію формъ хозяйственной жизни Грековъ и Римлянъ. Благодаря счастливому сочетанію въ его лицъ обширнаго историческаго образованія и силы теоретической мысли, ему удалось не только до мельчайшихъ подробностей выяснить своеобразность хозяйственныхъ отношеній существовавшихъ въ классическомъ мірѣ, отличавшихся кореннымъ образомъ отъ хозяйства среднихъ вѣковъ и новаго время, но также отмѣтить тѣ общія черты, которыя характеризуютъ греко-римское хозяйство, какъ типъ хозяйства, существовавшій у всѣхъ народовъ на данной стадіи его развитія. Данное Родбертусомъ названіе хозяйству народовъ древняго міра „ойкоснаго хозяйства“, можно сказать, сдѣлалось такимъ же общепринятымъ, какъ названіе современнаго хозяйства мѣновымъ или капиталистическимъ. Изслѣдованія Родбертуса по хозяйственному быту Грековъ и Римлянъ небыли у него случайною экскурсіей въ интересную и малознакомую область хозяйственныхъ отношеній у древнихъ народовъ, но стоятъ въ органической связи со всѣмъ его экономическимъ міровоззрѣніемъ, они были ему необходимы для уясненія современныхъ хозяйственныхъ отношеній. При уясненіи любаго изъ со-

---

зяйственной исторіи, которое раньше принесло богатые результаты въ области изученія правовой жизни народа. Такъ сравнительно историческимъ изслѣдованіемъ въ правѣ окончательно дознанно, что общинное владѣніе было первичною формою собственности у всѣхъ народовъ, которое затѣмъ смѣнилось современною формою частной собственности. Тоже сравнительное изслѣдованіе показало, напримѣръ, у современныхъ кавказскихъ горцевъ существованіе феодальныхъ учрежденій, представляющихъ удивительное сходство, до самыхъ мельчайшихъ потребностей, съ феодальною системою средневѣковой Европы, хотя о заимствованіи здѣсь неможетъ быть рѣчи. (См. Изслѣдованія профессора Ковалевскаго объ обычномъ правѣ народовъ Кавказа).

временныхъ хозяйственныхъ институтовъ — прибыли, ренты, общественно-хозяйственнаго раздѣленія труда — излюбленный пріемъ, употребляемый Родбертусомъ, состоитъ въ сопоставленіи ихъ съ формами хозяйственныхъ отношеній другихъ историческихъ эпохъ; какое-бы хозяйственное явленіе онъ не изслѣдовалъ, онъ старается, прежде всего, опредѣлить, такъ сказать, общественно-историческую формацію, къ которой принадлежитъ та или другая форма хозяйственнаго быта, тотъ или другой экономическій законъ [21]). Всѣ многочисленныя повторенія, которыми изобилуютъ сочиненія Родбертуса, по большей части, состоятъ изъ замѣчаній, объясненій и цѣлыхъ историческихъ экскурсій, имѣющихъ одну цѣль — уясненіе историческаго характера — формъ хозяйственныхъ отношеній и законовъ теоретической экономіи. Можно сказать, что предметомъ особенныхъ научныхъ усилій Родбертуса было опредѣленіе типовъ хозяйственнаго устройства, представляемыхъ исторіею европейскихъ народовъ. Какъ высоко онъ ставилъ значеніе научныхъ работъ въ этомъ направленіи, это показываютъ слѣдующія его слова: „Вообще до тѣхъ поръ, пока мы не вступимъ на путь сравнительной физіологіи слѣдующихъ другъ за другомъ ступеней развитія соціальной жизни — т. е. слѣдующихъ во всемірной исторіи другъ за другомъ родовыхъ образованій и видовъ общественно-хозяйственнаго

---

21) Лучше всего характеризуетъ взглядъ Родбертуса на историческій характеръ законовъ теоретической экономіи слѣдующее мѣсто изъ его письма къ Рудольфу Маіеру. „Понятіе капитала нажлежащимъ образомъ будетъ выяснено лишь послѣ того когда будетъ изслѣдовано его реальное содержаніе въ трехъ различныхъ историческихъ состояніяхъ: античномъ мірѣ, когда самъ человѣкъ былъ собственностью другого, въ современномъ, гдѣ существуетъ собственность на землю и капиталъ и въ идеальномъ, по его мнѣнію, будущемъ періодѣ, гдѣ будетъ существовать лишь собственность на доходъ". Briefe und socialpolitische Aufsatze. Rodbertus—Jagetzow. Herausg. v. R. Mayer Berlin. 1882. I ч. стр. 99.

развитія—мы не проникнемъ глубже въ природу соціальной жизни“ [22]).

Современное состояніе историко-хозяйственныхъ и теоретическихъ изслѣдованій въ политической экономіи даетъ намъ возможность констатировать для однихъ европейскихъ народовъ три исторически смѣнившіе одинъ другого типа хозяйства, которые совпадаютъ, хотя несовсѣмъ точно, съ трѣмя эпохами всемірной исторіи—древней, средней и новой. Каждый изъ этихъ трехъ типовъ народнаго хозяйства кореннымъ образомъ отличается отъ двухъ другихъ по отношенію къ формамъ производства, распредѣленія и обращенія хозяйственныхъ благъ, а эти послѣднія формы, въ свою очередь, обусловливаются различіями, вытекающими изъ соціальныхъ, политическихъ и юридическихъ условій быта, степени развитія техническихъ знаній и т. п.

1) Ойкосное, или домашнее хозяйство, древней Греціи и Рима, наблюдаемое вообще у всѣхъ народовъ находящихся на раннихъ ступеняхъ развитія. Отличительными чертами этого хозяйства является частно-хозяйственное раздѣленіе труда и производство для потребленія, а не для обмѣна. Земледѣліе въ эту пору составляло преобладающее занятіе, обработывающая промышленность и торговля находились въ зачаточномъ состояніи и несоставляли пока занятія отдѣльныхъ промышленныхъ классовъ общества. Всѣ эти занятія входили въ составъ одного и того-же хозяйства—дома (οἶκος) или патріархальной семьи, которая состояла не изъ однихъ лицъ, соединенныхъ кровною связью, но также лицъ подчиненныхъ и несвободныхъ—рабовъ. Вмѣсто современнаго дѣленія хозяйственныхъ занятій на обработывающую, земледѣльческую и торговую промышленность, составляющихъ занятіе отдѣльныхъ хозяйственныхъ классовъ общества, въ клас-

22) Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности. Переводъ подъ редакціей профессора Тарасова Вып. IV-й. 43 примѣч.

сическомъ мірѣ существовало лишь дѣленіе домашняго хозяйства на полеводство, садоводство и скотоводство—какъ это мы видимъ въ Одиссеѣ и Иліадѣ. Глава патріархальной семьи отряжалъ одну часть своихъ домочадцевъ для занятія земледѣліемъ, другую же заставлялъ обработывать сырыя произведенія собственнаго же хозяйства, или заниматься ремеслами. Самъ-же, пользуясь досугомъ, ѣздилъ иногда въ другія страны для обмѣна своихъ произведеній на предметы роскоши и оружіе. Такая патріархальная семья *въ хозяйственномъ отношеніи* составляло самоудовлетворяющееся цѣлое, нуждавшееся въ сосѣдствѣ себѣ подобныхъ союзовъ, потому что она сама изготовляла всѣ продукты необходимыя для своего собственнаго потребленія. Одни лишь предметы роскоши—дорогія матеріи, драгоцѣнные металлы и оружіе пріобрѣтались путемъ обмѣна на домашнія произведенія. Производство для домашняго потребленія въ этой патріархальной семьѣ было правиломъ,—а производство для обмѣна рѣдкимъ исключеніемъ · послѣднее, по словамъ Родбертуса, непревышало отношенія 1 : 100. Преобладающею формою была мѣна продуктовъ на продукты, а не на деньги. Деньги существовали лишь, какъ мѣрило цѣнности, ихъ роль какъ орудія обращенія, была незначительна [23]). Ойкосное хозяйство характеризуется также существенными особенностями въ личныхъ правахъ разныхъ слоевъ патріархальнаго общества. Институтъ собственности, какъ извѣстно, обнимаетъ большую часть актовъ хозяйственной дѣятельности лица въ процессѣ производства, обращенія и распредѣленія благъ—какъ-то право веденія хозяйства на свой счетъ, право купли продажи и передачи пріобрѣтеннаго посредствомъ дара

---

23) См. Изслѣдованія Родбертуса въ области національной экономіи классической древности. Совсѣмъ любопытными деталями греческаго домашняго хозяйства, между прочимъ, знакомятъ насъ, въ прекрасныхъ изображеніяхъ, Иліада и Одиссея Гомера.

завѣщанія, наслѣдства и т. п. Этими правами, равно правами владѣнія поземельною собственностью, въ классическомъ мірѣ пользовались только извѣстные привиллегированные классы, а преобладающій въ составѣ греческаго населенія, по численности, классъ рабовъ нетолько не имѣлъ права собственности на землю и продукты своего труда, но самъ составлялъ собственность другихъ классовъ общества. Въ заключеніи греко-римскаго періода мы наблюдаемъ уже разложеніе ойкоснаго хозяйства, выразившееся въ выдѣленіи торговли и ремеслъ, какъ самостоятельныхъ занятій отдѣльныхъ классовъ общества, также въ возникновеніи, подъ именемъ колоната, свободнаго земледѣльческаго класса земледѣльцевъ-собственниковъ и, наконецъ, въ уничтоженіи рабства. Дальнѣйшій процессъ разложенія ойкоснаго хозяйства и образованія мѣноваго хозяйства былъ искуственно прерванъ вторженіемъ варваровъ, съ котораго начался обратный поворотъ къ патріархальному хозяйству.

2) Типъ феодальнаго хозяйства средневѣковаго періода исторіи западно-европейскихъ народовъ. Хозяйственная исторія средневѣковаго періода въ западной Европѣ можетъ быть разсматриваема какъ процессъ разложенія особаго типа домашняго или ойкоснаго хозяйства, существовавшаго ва трехъ формахъ господскаго, монастырскаго и королевскаго хозяйства (Hof-Closter-Villen-wirthschaft), интегральную часть котораго составляло хозяйство крестьянское, (null terre sans seinor) и образованіе изъ его элементовъ хозяйства новаго времени. Здѣсь въ чрезвычайно рельефныхъ формахъ происходитъ преобразованіе частно-хозяйственнаго раздѣленія труда, имѣвшее мѣсто внутри господскаго двора (Hofwirthschaft), въ народнохозяйственное раздѣленіе труда. Изъ господскихъ мастерскихъ и изъ остатковъ свободныхъ лицъ крестьянскаго сословія образуется классъ лицъ спеціально занимающійся ремеслами, работающій уже не для удовлетворенія потребно-

стей господскаго двора, но для сбыта на рынкѣ. Этимъ положено было начало отдѣленія обрабатывающей промышленности, какъ занятія отдѣльнаго класса общества, отъ земледѣлія. Цѣхи являются спеціальною формою организаціи обрабатывающей промышленности въ средніе вѣка. Заключительнымъ актомъ разложенія домашняго хозяйства среднихъ вѣковъ является образованіе городовъ, какъ центровъ обрабатывающей и частью торговой промышленности, въ противоположность деревнямъ, дѣлающихся мѣстами исключительно земледѣльческой промышленности. Представляя извѣстный моментъ въ исторіи развитія народнаго хозяйства, средневѣковой хозяйственный бытъ, съ чисто теоретической точки зрѣнія, является опредѣленнымъ типомъ хозяйства. Типъ этотъ характеризуется особою формою раздѣленія труда, особымъ складомъ отношеній между хозяйственными классами общества, въ сферѣ поземельныхъ отношеній особыми формами собственности (чиншевая и феодальная собственность), въ сферѣ-же хозяйственнаго обращенія — мобилизаціи поземельной собственности и движенія капиталовъ — особымъ типомъ сдѣлокъ, извѣстнымъ подъ именемъ средневѣковой ренты, замѣняющей собою современную куплю продажу и процентъ на капиталъ [24]).

Переходъ отъ средневѣковаго хозяйства къ хозяйству новаго времени отмѣченъ слѣдующими фактами: развитіемъ

---

24) Съ хозяйственными отношеніями въ средніе вѣка читатель можетъ познакомится по сочиненіямъ талантливаго историка и глубокаго знатока средневѣковыхъ учрежденій, къ сожалѣнію весьма мало извѣстнаго въ Россіи, Вильгельма Арнольда: Deutsche Geschichte. Frankische Zeit. Gotha, 1883. Studien zur deutsche Kultur-geschichte. 1882. Stuttgart. стр. 271—301., въ особенности, Geschichte des Eigenthums in Mittellalterische Stadte. Для изученія организаціи обрабатывающей промышленности въ средніе вѣка могутъ служить капитальные труды Шмоллера, Штиды, Шонберга, Машера, Брентано—по исторіи средневѣковыхъ цеховъ и городовъ. См. характеристику аграрныхъ отношеній въ средніе вѣка въ моей статьѣ: „Вопросъ о чиншевомъ владѣніи“. „Русская мысль“ 1886 г. кн. 8-я.

международныхъ торговыхъ сношеній, въ особенности, развитіемъ морской торговли, открытіемъ Америки, образованіемъ міроваго рынка и освобожденіемъ крестьянскаго класса отъ крѣпостной зависимости.

3) Мѣновое, денежное или капиталистическое хозяйство новаго времени. Этотъ современный намъ типъ хозяйства есть именно народное хозяйство, основанное на общественно-хозяйственномъ раздѣленіи труда, при которомъ отдѣльныя отрасли хозяйства: земледѣліе, торговля, обработывающая промышленность, составляютъ занятіе отдѣльныхъ классовъ общества. Въ отличіе отъ среднихъ вѣковъ и греческаго хозяйства, каждое отдѣльное хозяйственное предпріятіе разсчитано на производство для обмѣна, а не для собственнаго потребленія своихъ продуктовъ. Относительно „потребительнаго“ ойкоснаго хозяйства греко-римскаго періода, въ которомъ почти несуществовало сферы обращенія товаровъ и весь хозяйственный оборотъ ограничивался предѣлами одного домашняго хозяйства, можно сказать, что въ немъ понятіе хозяйства было у́же понятія о политическомъ союзѣ. Въ средніе вѣка, (общность хозяйственныхъ интересовъ) хозяйственныя связи между людьми невыходили за предѣлы отдѣльныхъ феодальныхъ территорій, отдѣльныхъ городовъ и союзовъ городовъ (Ганзы). Въ новыя вѣка общая хозяйственная организація, основанная на общественно-хозяйственномъ раздѣленіи труда, распространяется на большія группы населенія, обнимающія отдѣльныя народы. Экономическій союзъ (народное хозяйство) теперь не только совпадаетъ съ политическимъ (государствомъ), но даже выходитъ за его предѣлы (міровое хозяйство, торговые союзы государствъ и международная торговля). Хозяйственная политика, составлявшая прежде функцію отдѣльныхъ феодальныхъ владѣльцевъ и городскаго управленія, переходитъ въ руки центральной государственной власти и оказываетъ рѣшительное вліяніе на

хозяйственный бытъ народовъ. Далѣе, современное народное хозяйство основано на личной свободѣ всѣхъ классовъ общества, на равномъ для всѣхъ правѣ собственности на землю, движимости и продукты труда. Принципомъ дѣленія на общественные классы служатъ не столько родовыя и наслѣдственныя привиллегіи, сколько функціи отдѣльныхъ классовъ въ народно-хозяйственной жизни,—отсюда дѣленіе на землевладѣльцевъ, капиталистовъ, рабочихъ, крестьянъ собственниковъ, торговцевъ и т. п. хозяйственныя классы общества, — отсюда также и типичныя формы распредѣленія продуктовъ на прибыль, ренту, рабочую плату. Обращеніе товаровъ, и денежное обращеніе въ особенности, составляетъ чрезвычайно обширную область народнаго хозяйства, выражающуюся въ существованіи разнообразныхъ формъ кредита, банковыхъ учрежденій, цѣнныхъ бумагъ и т. п. [25]).

---

25) Изложенное въ текстѣ дѣленіе исторіи хозяйства на три періода, изъ которыхъ каждый отличается особымъ типомъ хозяйства, не имѣетъ ничего общаго съ дѣленіями соціальной исторіи на эпохи, предложенными Гегелемъ, Шлейермахеромъ, Контомъ. Недостатокъ этихъ послѣднихъ дѣленій заключается въ томъ, что авторы ихъ разсматриваютъ послѣдовательныя эпохи весьма сложной исторіи человѣчества, какъ осуществленіе одной какой либо идеи. Напримѣръ, Гегель представлялъ себѣ исторію, „какъ проявленіе человѣческаго духа, который постепенно приходитъ къ сознанію своей свободы". Такое дѣленіе исторіи человѣчества дѣйствительно можно считать метафизическимъ и вовсе несоотвѣтствующимъ фактамъ исторической жизни. За основаніе же дѣленія исторіи хозяйства на три періода приняты основныя черты политической, юридической и хозяйственной жизни опредѣляющія складъ отношеній въ сферѣ производства распредѣленія и обращенія хозяйственныхъ благъ. Посему и возраженія обыкновенно дѣлаемыя противъ метафизическихъ построеній дѣленія на періоды (см. Dilthey. Einleitung in d. Geisteswissenschaften. стр. 171), предлагаемыхъ нѣкоторыми философами-историками—не могутъ имѣть примѣненія къ данному случаю. Сознаніе потребности опредѣленія послѣдовательныхъ ступеней хозяйственнаго развитія замѣчается у первыхъ представителей исторической школы —у Листа, Рошера, изъ экономистовъ другихъ школъ у Рау. Оно выразилось въ дѣленіи исторіи хозяйства на періоды. Фридрихъ Листъ въ своемъ дѣленіи „исторіи народовъ умѣреннаго пояса" на четыре періода: 1) пастушеской жизни 2) періодъ земледѣлія 3) періодъ земледѣльческо-мануфактурный и 4) пе-

Послѣ этого общаго обозрѣнія историческихъ типовъ хозяйства, не говоря уже о первобытномъ хозяйствѣ, которое также, въ извѣстномъ смыслѣ, имѣетъ свою исторію, становится очевиднымъ, что англійская теоретическая экономія, съ ея ученіями о цѣнности, прибыли, рентѣ, теоріи банковаго обращенія и т. п., вовсе ничего не можетъ сказать намъ о тѣхъ хозяйственныхъ отношеніяхъ, какія имѣли мѣсто въ ойкосномъ хозяйствѣ классическихъ народовъ, или въ феодальномъ хозяйствѣ, но что она уясняетъ намъ только хозяй-

---

ріодъ земледѣльческо-мануфактурно-торговый,—руководствовался задачами хозяйственной политики, предъявляемыми каждымъ частнымъ моментомъ въ исторіи народнаго хозяйства. См. критику этого дѣленія у Б. Гильдебранта „Политическая экономіи настоящаго и будущаго“ стр. 57. Рошеръ, авторъ весьма многихъ сочиненій по исторіи хозяйства, предлагаетъ тѣмъ неменѣе самыя несовершенныя основанія для дѣленія исторіи хозяйства. Такъ у него встрѣчается дѣленіе исторіи на три періода, соотвѣтственно тремъ возрастамъ отдѣльнаго физическаго лица, (Ingendalter, Mannesalter und Greisenalter). Но онъ предлагаетъ и другое основаніе для дѣленія: „въ хозяйственномъ развитіи каждаго культурнаго народа повторяются три періода, соотвѣтственно преобладанію въ производствѣ одного изъ трехъ факторовъ: природы, труда и капитала. Въ первый историческій періодъ—натуральнаго хозяйства, въ хозяйственномъ производствѣ преобладаетъ участіе природы, во второй (въ концѣ среднихъ вѣковъ) трудъ, а въ третій (современный) капиталъ“. По поводу этой схемы другой выдающійся представитель исторической школы Карлъ Книсъ произноситъ слѣдующее сужденіе о характерѣ историческихъ работъ Рошера. „Цѣлое (т. е. трактаты Рошера по исторіи хозяйства) является у него суммою разрозненныхъ деталей, а его общія сужденія лишены достаточнаго основанія“ (см. Pol. Oekon. v Standp Gesch. Meth. стр. 372). См. Обозрѣніе разныхъ схемъ предлагаемыхъ экономистами для опредѣленія ступеней хозяйственной исторіи у Книса. Polit. Oekonom. v. Gesch. Standp. стр. 368—385. Для цѣлей теоритическаго изслѣдованія главное значеніе имѣютъ для насъ дѣленія Гильдебранта, Маркса и Родбертуса. Гильдебрантъ въ своей „Политической экономіи настоящаго и будущаго“ различаетъ три фазы хозяйственной исторіи человѣчества: натуральное, денежное и кредитное хозяйство. Книсъ и Марксъ справедливо замѣчаютъ по поводу этого дѣленія, что денежное и кредитное хозяйство составляютъ только различныя ступени одного типа хозяйства, а ни въ какомъ случаѣ не представляютъ собою самостоятельныхъ хозяйственныхъ формъ, по отношенію къ натуральному хозяйству. См. подробнѣе Knies. Credit. Zweite Halfte. 1879 г. стр. 205. Марксъ. Капиталъ. Русск. Пер. 2-й т. стр. 72. Марксъ и Родбертусъ различаютъ въ исторіи человѣчества два типа хозяй-

ственныя отношенія и формы хозяйственнаго оборота у народовъ новаго времени. „Только тѣ части соціальныхъ явленій, говоритъ Д. С. Милль, могутъ быть съ выгодою обращены въ предметы особыхъ отраслей науки, у которыхъ разница въ характерѣ *между различными народами или различными вѣками* входитъ только какъ второстепенная дѣйствующая причина“ [26]). Теоретическая экономія англійской школы вѣдаетъ какъ разъ именно ту область соціальныхъ явленій, въ которой различіе „между вѣками“ должно играть первенствующую роль, а второстепенное значеніе имѣетъ различіе „между народами“; она ни въ какомъ случаѣ не можетъ претендовать объяснить намъ, кореннымъ образомъ отличающіяся отъ современнаго намъ хозяйственнаго быта, хо-

---

ственной жизни—натуральное и денежное хозяйство, но къ этому, въ особенности Родбергусъ, присоединяетъ третій, по его мнѣнію, будущій типъ хозяйства съ государственною собственностью на землю и капиталъ и съ правомъ собственности частныхъ лицъ лишь на доходъ отъ труда. (см Zur Erklarung und Abhulfe der heutigen Credmoth des Grundbesitzes- 1876 г. 2 изд. II ч. стр. 107. примѣчаніе). Съ этимъ возрѣніемъ мы рѣшительно несогласны въ двухъ пунктахъ. Во 1-хъ оба автора выставляютъ, какъ самостоятельную фазу хозяйственной исторіи, свой, во всякомъ случаѣ весьма спорный, соціально политической идеалъ, что совершенно противорѣчитъ задачамъ историческаго и теоретическаго изслѣдованія въ политической экономіи, отвѣчающимъ лишь на вопросы „что есть“ и „что было“,—имѣющими дѣло лишь съ исторически сложившимися хозяйственными формами. Во 2-хъ мы настаиваемъ на необходимости выдѣленія, наряду съ натуральнымъ (ойкоснымъ) и денежнымъ—третьяго самостоятельнаго типа—феодальнаго хозяйства. Для подробнаго доказательства втораго пункта мы должны были бы изложить въ существенныхъ чертахъ всю исторію средневѣковаго хозяйства,—аграрныя отношенія, организацію обработывающей промышленности, хозяйственную политику средневѣковыхъ городовъ, формы кредита и обращенія—и мы имѣли бы возможность это сдѣлать,—но это заняло бы слишкомъ много мѣста въ сочиненіи, посвященномъ, и то лишь между прочимъ, выясненію сущности современной теоріи англійской классической школы.—Поэтому мы ограничиваемся, въ подтвержденіи нашей мысли, лишь указаніями на тѣ общія основанія, которыя развиты въ текстѣ, на раньше приведенныя сочиненія по исторіи средневѣковаго хозяйства и на нашу статью о чиншевомъ владѣніи.

26) Логика Т. 2-й стр. 485.

зяйственныя явленія средневѣковаго и древняго періода, — хотя и хозяйство каждаго изъ этихъ періодовъ въ свою очередь можетъ быть предметомъ теоретическаго изслѣдованія. Въ экономической литературѣ существуютъ опыты изслѣдованій этого рода. Къ нимъ безспорно должны быть отнесены трактаты Арнольда и Эндемана о средневѣковомъ хозяйствѣ, изслѣдованія Родбертуса-Ягецова о хозяйствѣ классическаго періода исторіи. Заглавіе, данное Родбертусомъ своимъ историко-теоретическимъ изслѣдованіямъ о греко-римскомъ хозяйствѣ, *„изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности“*, носитъ не случайный характеръ, а выражаетъ собою ту мысль, что экономическія нормы, опредѣляющія хозяйственныя отношенія въ греко-римскомъ мірѣ кореннымъ образомъ отличаются отъ тезисовъ современной экономіи денежнаго хозяйства, подобно тому какъ и весь складъ хозяйства греко-римскаго періода отличается отъ хозяйства народовъ новаго времени. Послѣ теоретическихъ изслѣдованій Эндемана, Арнольда и Родбертуса едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что явленія историческаго прошлаго также могутъ быть предметомъ теоретическаго изслѣдованія [27]), какъ и явленія современнаго хозяйственнаго быта. Хотя констатированные нами историческіе типы хозяйства являются лишь отдѣльными моментами историческаго процесса развитія народнаго хозяйства, но теоретическое изслѣдованіе управомочено разсматривать ихъ въ статическомъ отношеніи, какъ

---

27) „Историческія изслѣдованія, говоритъ проф. Филипповичъ, свидѣтельствуютъ о непрерывномъ процессѣ развитія жизни человѣчества, о преобразованіи простѣйшихъ явленій въ сложныя, оно указываетъ опредѣленное направленіе въ постоянномъ измѣненіи всего существующаго, постоянно доставляетъ намъ факты для нашего наблюденія; но когда мы отъ сосуществованія и послѣдовательности этихъ фактовъ даннаго хозяйственнаго состоянія обращаемся къ опредѣленію внутренней связи между ними, то мы уже тѣмъ самымъ переходимъ *къ теоретическому объясненію*, которое существенно отличается отъ историческаго изслѣдованія. „Philippowith. Aufgabe und Methode стр. 8.

находящіяся въ состояніи покоя, какъ застывшія формаціи хозяйственнаго устройства. Съ этой точки зрѣнія можетъ быть оправдано существованіе трехъ отдѣльныхъ системъ теоретической экономіи—древнихъ, среднихъ и новыхъ вѣковъ.

Различіе между теоретическимъ и историческимъ изученіемъ народнаго хозяйства заключается не въ томъ, какъ думаетъ Карлъ Менгеръ, что хозяйственная исторія изучаетъ индивидуальныя явленія, а теоретическая экономія типы хозяйственныхъ явленій и типическія отношенія между явленіями. Различіе это другаго рода—предметомъ хозяйственной исторіи въ равной мѣрѣ служатъ типическія и индивидуальныя явленія хозяйственной жизни, но исторія изслѣдуетъ ихъ со стороны самаго процесса ихъ развитія и преобразованія однихъ формъ этихъ явленій въ другія (соціальная динамика),—тогда какъ теоретическая экономія изслѣдуетъ хозяйственныя явленія даннаго историческаго типа хозяйственнаго устройства, со стороны сосуществованія явленій и отсюда вытекающей связи и закономѣрности между ними; другими словами, она изучаетъ хозяйственныя явленія въ ихъ статическомъ состояніи. Два рода изслѣдованій народнаго хозяйства—историческое и теоретическое—можно сравнить двумя системами знаній въ геологической наукѣ, изъ которыхъ одна изображаетъ процессъ послѣдовательнаго развитія и наслоенія земной коры, а другая строеніе данныхъ отложившихся геологическихъ формацій. Но если теоретическая экономія А. Смита и Рикардо является лишь политической экономіей народнаго хозяйства новаго времени, то въ какомъ же смыслѣ можно говорить о типѣ народно-хозяйственныхъ отношеній, представляемыхъ европейскими народами новаго времени,—при существованіи глубокихъ національныхъ отличій въ хозяйствѣ отдѣльныхъ европейскихъ народовъ? Если, напр., сравнимъ отдѣльные европейскіе народы со стороны ихъ раздѣленія на хозяйственные классы, то мы должны будемъ от-

мѣтить, что въ Англіи, въ хозяйственномъ отношеніи, все общество распадается на капиталистовъ, землевладѣльцевъ, фермеровъ, фабрикантовъ, безземельныхъ рабочихъ и соотвѣтственно этому тамъ существуетъ трехчленное раздѣленіе національнаго дохода на ренту, прибыль и рабочую плату; во Франціи мы встрѣчаемъ тѣже классы, хотя раздѣленіе между ними проведено далеко не такъ рѣзко — типъ земледѣльца-собственника, являющагося и владѣльцемъ небольшаго оборотнаго капитала тамъ все еще весьма распространенъ. Россія же въ этомъ отношеніи представляетъ еще болѣе крупное отличіе, съ ея обширнымъ классомъ крестьянъ общинниковъ и крестьянъ собственниковъ. Въ чистомъ видѣ типъ наемнаго рабочаго, живущаго лишь трудовымъ заработкомъ преобладаетъ у насъ въ немногочисленныхъ центрахъ обработывающей промышленности, но и тамъ все еще продолжаетъ существовать кустарь-землевладѣлецъ. Каждая въ отдѣльности европейская нація представляетъ массу особенностей въ своемъ хозяйственномъ быту, (которыхъ не въ правѣ вообще игнорировать экономическая наука), обусловливаемыхъ рассовыми качествами народа, географическимъ положеніемъ страны, строеніемъ почвы и подпочвы, условіями климатическими, состояніемъ знаній и техники. Но, не смотря на многія особенности, представляемыя хозяйствомъ разныхъ народовъ Европы, хозяйственный строй этихъ народовъ представляетъ въ то-же время и типичныя черты сходства: формы производства, распредѣленія и обращенія хозяйственныхъ благъ во всѣхъ современныхъ государствахъ Европы и значительной части Америки, покоятся на однихъ и тѣхъ-же основаніяхъ — на общественно-хозяйственномъ раздѣленіи труда, производствѣ для обмѣна, институтѣ собственности на землю, капиталъ и продукты труда, личной свободѣ всѣхъ классовъ общества и т. п. Всѣми этими сторонами хозяйство современныхъ культурныхъ народовъ приближается къ тому складу хозяйственныхъ отношеній, кото-

рый раньше всего возникъ въ Англіи и котораго Англія является самымъ типическимъ представителемъ. Англійское народное хозяйство, раньше другихъ сложившееся по типу хозяйства новаго времени, раньше другихъ, съ этой стороны сдѣлалось объэктомъ теоретико-экономическихъ изслѣдованій. Этимъ обстоятельствомъ объясняется тотъ фактъ, что Англія является родиною классической политической экономіи. По мѣрѣ того какъ другіе европейскіе народы подвигались въ своемъ промышленномъ развитіи и вступали въ фазу денежнаго хозяйства (въ особенности поворотнымъ пунктомъ въ данномъ случаѣ было освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, введеніе машиннаго производства и постройка желѣзнодорожныхъ путей)—они перенимали англійскую экономическую теорію, такъ какъ въ ней содержались готовыя доктрины, объясняющія новыя явленія хозяйственной жизни. Въ этомъ заключается причина, почему англійская экономическая теорія сдѣлалась теоріей хозяйства народовъ европейско-американскаго міра вообще. Такимъ образомъ рецепція англійской политической экономіи всѣми народами Европы имѣла аналогичное основаніе съ тѣми, по которымъ въ началѣ новыхъ вѣковъ въ Европѣ произошла рецепція римскаго права.

III.

Теоретическая политическая экономія, какъ одна изъ наукъ объ обществѣ.

Констатированный нами историческій характеръ ученій теоретической экономіи, являющихся по своей внѣшней формѣ чисто обстрактными положеніями, весьма важно имѣть въ виду для правильнаго представленія о задачѣ и методѣ этой науки. Но для предстоящаго изслѣдованія о методѣ теоретической экономіи, или, что тоже самое, для точнаго пониманія того метода, которому слѣдовали теоретики классической школы безусловно необходимо уясненіе другого важнаго критерія теоретической экономіи, въ силу котораго она является одной изъ наукъ объ обществѣ. Дѣло въ томъ, что методъ, которымъ орудуетъ эта наука, находится въ тѣснѣйшей связи съ тою спеціальною сферою хозяйственныхъ отношеній, которая составляетъ предметъ ея изслѣдованія. Точное опредѣленіе сферы хозяйственныхъ отношеній, изслѣдуемыхъ въ теоретической экономіи, весьма важно по тому, что хозяйственныя явленія вообще изслѣдуются не въ одной лишь теоретической экономіи, но и въ другихъ наукахъ о народномъ хозяйствѣ—наукѣ о финансахъ и частно-хозяйственной экономіи; поэтому опредѣленіе области изучаемыхъ теоретическою экономіею явленій поведетъ, тѣмъ самымъ, къ разграниченію предѣловъ этихъ смежныхъ между собою, но въ тоже время, различныхъ экономическихъ наукъ.

Въ хозяйствѣ современныхъ культурныхъ народовъ слѣдуетъ различать три сферы хозяйственныхъ отношеній,—об-

разующихъ собою 1) частное хозяйство, 2) общественное хозяйство и 3) государственное хозяйство.

Частное хозяйство представляетъ собою всякое промышленное предпріятіе въ отдѣльности. Строй отдѣльныхъ частныхъ предпріятій и отношенія, возникающія внутри этихъ предпріятій составляютъ предметъ *частно-хозяйственной экономіи*. Отношенія цѣлой массы отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ или предпріятій, входящихъ въ составъ даннаго государства, съ другой стороны, являются отношеніями цѣлыхъ хозяйственныхъ классовъ и общественныхъ группъ, каковыми представляются землевладѣльцы, земледѣльцы, рабочіе, капиталисты, фермеры, крестьяне-собственники, потребители и производители, покупатели и продавцы и т. п. Нитью, связывающею въ одно цѣлое эти общественныя группы, служитъ *общественно-хозяйственное раздѣленіе труда*, раздѣленіе всей области производства на промышленность земледѣльческую, добывающую, обрабатывающую, торговую и т. д. Общественно-хозяйственное раздѣленіе труда связываетъ самыя разнообразныя предпріятія и различные общественные классы, преслѣдующіе свои хозяйственные интересы, въ одно цѣлое, построенное по извѣстному плану, не смотря на то, что это цѣлое не скрѣплено внѣшнимъ авторитетомъ, а основано лишь на хозяйственномъ интересѣ. Это есть сфера, такъ называемаго, общественнаго хозяйства. Предѣлы общественнаго хозяйства, какъ мы сказали, совпадаютъ съ общественно-хозяйственнымъ раздѣленіемъ труда, но послѣднее есть лишь одна частная сфера болѣе обширной области соціальнаго раздѣленія труда, въ которой производители матеріальныхъ благъ трудятся для производителей благъ нематеріальныхъ (къ послѣдней категоріи относится трудъ людей, посвящающихъ себя служенію религіозному культу, трудъ всѣхъ людей, такъ называемыхъ, либеральныхъ профессій—педагоговъ, врачей, адвокатовъ и т. п.). Теоретическая экономія обнимаетъ только ту сферу

раздѣленія труда, назначеніе которой состоитъ въ производствѣ матеріальныхъ благъ. Одною своею частію область общественно-хозяйственной экономіи переходитъ за предѣлы чисто хозяйственнаго раздѣленія труда Именно она касается также нехозяйственныхъ классовъ, насколько послѣдніе имѣютъ отношеніе къ матеріальнымъ благамъ и участвуютъ въ распредѣленіи послѣднихъ. Но отношенія, вытекающія изъ пользованія хозяйственныхъ классовъ благами духовными, въ видѣ эквивалента, за уступку хозяйственныхъ благъ, не входитъ въ область общественно-хозяйственной экономія. Разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, свойственныхъ не отдѣльнымъ единичнымъ хозяйствамъ, а всей совокупности единичныхъ хозяйствъ и составляетъ предметъ *собственно-политической экономіи или теоріи общественнаго хозяйства*, въ нашемъ смыслѣ. Она изучаетъ какими способами соединяются эти разнообразныя хозяйства въ одно великое цѣлое— хозяйство народное, какимъ взаимнымъ вліяніямъ они подвергаются, въ какой зависимости находятся другъ отъ друга въ этомъ соединеніи. Отдѣльныя теоремы политической экономіи, какъ науки объ общественномъ хозяйствѣ, ученіе о цѣнности, кредитѣ, о рыночныхъ цѣнахъ, прибыли и рентѣ— имѣютъ своею задачею опредѣлить отношенія внутри общественнаго хозяйства между различными категоріями входящихъ въ составъ его лицъ и между цѣлыми хозяйственными классами. Но хозяйственныя отношенія этой категоріи не ограничиваются предѣлами отдѣльнаго государства, а соединяютъ между собою отдѣльныя хозяйства различныхъ народовъ, расширяя общественное хозяйство до размѣровъ *міроваго хозяйства*. Отношенія разныхъ группъ производителей между собою, а также отношенія между потребителями и производителями, какъ внутри одного и того-же государства, такъ и въ томъ случаѣ, когда эти категоріи лицъ принадлежатъ разнымъ государствамъ, но связаны между собою хозяйствен-

нымъ оборотомъ, основываются на однихъ и тѣхъ-же началахъ, опредѣляются одними и тѣми же критеріями и правилами. Отсюда космополитическій характеръ основныхъ экономическихъ учрежденій и институтовъ, какими являются капиталъ, биржи, банки, деньги, кредитныя бумаги. Отсюда-же вытекаетъ космополитическій характеръ политической экономіи, какъ науки объ обществѣ. На этомъ основаніи ученія современной теоретической экономіи о цѣнности, капиталѣ, рентѣ и т. п. одинаково пригодны для объясненія явленій хозяйственнаго оборота всякой страны современнаго культурнаго міра.

Другая параллельно существующая сфера хозяйственныхъ отношеній представляетъ собою *государственное хозяйство*. Дѣло въ томъ, что государство, какъ и общество, представляетъ изъ себя не только политическій союзъ, но, при этомъ, и хозяйственный. Существуетъ цѣлый рядъ функцій въ народномъ хозяйствѣ, которыя выполняются государствомъ, независимо отъ того, слѣдуетъ-ли оно политикѣ вмѣшательства или невмѣшательства. Вопросъ о вмѣшательствѣ государства въ хозяйственную жизнь народа касается лишь предѣловъ хозяйственной роли государства. Государственное хозяйство обнимаетъ собою формы хозяйственной жизни, слагающейся изъ отношеній отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ къ тому коллективному цѣлому, которое представляетъ собою народъ и органомъ управленія котораго является государство. Эти отношенія частныхъ хозяйствъ къ государству состоятъ въ полученіи государствомъ хозяйственныхъ благъ, по извѣстному масштабу, опредѣляемому господствующею системою налоговъ, отъ отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ и расходованіе ихъ на нужды общества. Государственно-хозяйственныя отношенія опредѣляются внѣшнимъ авторитетомъ власти. Государственное хозяйство отъ начала до конца создается по опредѣленному плану, предписываемому авторитетомъ власти, тогда какъ общественно-хозяйственная организація слагается въ силу свободнаго пре-

слѣдованія хозяйственныхъ интересовъ, какъ отдѣльными лицами, такъ и цѣлыми общественными классами. Въ этихъ основныхъ силахъ, на которыхъ основываются эти двѣ различныя сферы народнаго хозяйства заключается коренное различіе обоихъ доктринъ—*теоріи общественнаго хозяйства и теоріи государственнаго хозяйства, въ отношеніи методовъ изслѣдованія*. Тѣмъ не менѣе явленія государственнаго хозяйства составляютъ интегральную часть *народнаго хозяйства* (такъ какъ ни одинъ народъ не существуетъ внѣ государственнаго союза), равно какъ и явленія общественнаго хозяйства [1]). Остановимся, напримѣръ, на распредѣленіи благъ въ народномъ хозяйства, для того чтобы увидѣть на сколько явленія общественнаго хозяйства тѣсно связаны съ

---

1) Разграниченіе началъ личнаго, общественнаго и государственнаго въ народномъ хозяйствѣ см. Lorenz v Stein. Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaften. 1876 г. стр. 279. Его-же. Begriff der Geselschaft und die sociale Geschichte der francösischen Revolution 1850 г. т. I-й, стр. 1—XLIV. Его-же. Die Volkswirthschaftslehre. 2 Ausg. Wienn. 1884 г. стр. 59—64. Его-же. Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreich 1848 г. стр 23 и др. Ср также характеристику хозяйственныхъ формъ общественности въ соч. Karl Dietzel Die Volkswirthschaft und ihre Verhaltniss zur Geselschaft und Staat. Frankf 2 m. 1864 г. въ особенности главу „Die aus der volkswirthschaftlichen Entwiekelung hervorgehende Gruppenscheidung". Объ ограниченіи теоретической экономіи сферою общественно-хозяйственнаго раздѣленія труда. Rodbertus-Jogetzow. Das Kapital. стр. 87. Карлъ Менгеръ косвенно касается вопроса о томъ, слѣдуетъ-ли политическую экономію отнести къ разряду наукъ государственныхъ, или общественныхъ. Онъ указываетъ на то, что группа экономистовъ, разсматривающихъ политическую экономію, во всемъ ея составѣ, какъ одну изъ наукъ объ обществѣ (въ противоположность наукамъ о государствѣ), опускаетъ изъ виду, что цѣлыя отрасли политической экономіи, именно—хозяйственная политика и наука о финансахъ относятся къ наукамъ о государствѣ (Staatswissenschaften). Разумѣется, говоритъ Менгеръ, что наука, обнимающая эти послѣднія дисциплины не можетъ быть наукою чисто общественною, въ равной мѣрѣ и названіе политической экономіи наукою о государственномъ хозяйствѣ должно вызывать основательныя возраженія По этому Менгеръ приходитъ къ заключенію, что названіе политической экономіи „наукою о народномъ хозяйствѣ" есть самое цѣлесообразное и вполнѣ выражающее содержаніе науки, которая подъ этимъ названіемъ является наукою обнимающею, какъ явленія общественнаго такъ и государственнаго хозяйства. (Üb. d. Method. стр. 250, 281). Тѣмъ не менѣе,

явленіями государственнаго хозяйства. Распредѣленіе на рабочую плату, прибыль и ренту, которыя изслѣдуются въ политической экономіи или, по нашей терминологіи, въ общественно-хозяйственной экономіи, не есть еще окончательное. Государство посредствомъ системы косвенныхъ и прямыхъ налоговъ дѣлаетъ еще вычеты изъ всѣхъ трехъ элементовъ національнаго дохода, по масштабу, болѣе благопріятному тому, или другому общественному классу, или отдѣльнымъ группамъ этихъ классовъ, между которыми распредѣляется

не желая отступать отъ принятой терминологіи, Менгеръ въ другихъ частяхъ своего сочиненія предпочитаетъ употреблять выраженіе „наука о народномъ хозяйствѣ", для обозначенія того, что онъ разумѣетъ подъ наукою объ общественномъ хозяйствѣ. Такъ онъ говоритъ, что мыслимъ народъ, у котораго несуществуетъ народнаго хозяйства, это бываетъ въ томъ случаѣ, когда отдѣльныя частныя хозяйства существуютъ изолированно и не находятся между собою въ хозяйственномъ оборотѣ. „Понятіе о народномъ хозяйствѣ возникаетъ съ того момента, когда эти отдѣльныя хозяйства вступаютъ между собою въ правильный оборотъ. Въ этомъ соединеніи въ одно цѣлое—каждое отдѣльное частное хозяйство является не самостоятельною единицею, но крайне зависящею отъ всѣхъ остальныхъ частныхъ хозяйствъ, образующихъ это цѣлое. Народное хозяйство есть явленіе отличающееся отъ отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ не только количественно, но и качественно, подобно тому, какъ организмъ отличается отъ своихъ отдѣльныхъ членовъ. Такое народное хозяйство весьма отлично отъ хозяйства представляемаго, въ видѣ идеала, соціалистами т. е. хозяйства сверху въ низъ организованнаго съ цѣлію удовлетворенія потребностей народа, какъ одного цѣлаго. Въ отличіе отъ него, современное народное хозяйство состоитъ изъ соединенія массы частныхъ хозяйствъ и хозяйственныхъ товариществъ (Gemeinwirthschaft). преслѣдующихъ свои частныя интересы". (Uber die Methode стр. 232—237). Въ позднѣйшей своей статьѣ (Zur Theorie der Kapital, Conrads-Iahrbuch 1888. стр. 30—37), Менгеръ, очевидно, подъ вліяніемъ сочиненія Сакса „Grundlegung der Theoretischen Staatswirtschaft", говоритъ опредѣленнѣе о двухъ категоріяхъ народно-хозяйственныхъ явленій. „То что обыкновенно принимается подъ народнымъ хозяйствомъ, по его словамъ, есть въ сущности, соединеніе въ одно цѣлое всѣхъ частныхъ хозяйствъ въ предѣлахъ одного государства—въ силу двухъ различныхъ началъ—коммерческаго оборота, съ одной стороны, и принудительной государственно-хозяйственной организаціи, съ другой". При этомъ, Менгеръ замѣчаетъ, что государственное хозяйство можетъ быть предметомъ отдѣльной теоретической науки, наряду съ наукою о народномъ хозяйствѣ, или общественномъ хозяйствѣ, по принятой нами терминологіи.

національный доходъ и расходуетъ, полученные этимъ путемъ, доходы, на удовлетвореніе, какъ государственныхъ, такъ и общественныхъ нуждъ. Но основанія, по которымъ распредѣляется національный продуктъ на ренту, рабочую плату и прибыль существенно отличаются отъ тѣхъ началъ, которыми руководствуется государство при распредѣленіи государственныхъ доходовъ и расходовъ. Государственное распредѣленіе благъ является актомъ разсчитанной воли законодателя, руководствующагося государственными или общественными интересами. Тогда какъ распредѣленіе общественно-хозяйственное является результатомъ преслѣдованія отдѣльными лицами своихъ частныхъ хозяйственныхъ интересовъ и плодомъ конкурренціи. Это различіе въ исходныхъ началахъ распредѣленія благъ въ сферѣ государственнаго и общественнаго хозяйствъ служитъ достаточнымъ основаніемъ для построенія двухъ различныхъ системъ—теоріи общественнаго хозяйства и теоріи государственнаго хозяйства, или науки о финансахъ,—разсчитанныхъ на объясненіе двухъ категорій явленій народнаго хозяйства, хотя и тѣсно связанныхъ между собою, но въ тоже, время весьма различныхъ [2]).

Если въ современной экономической литературѣ понятія о частномъ, общественномъ и государственномъ хозяйствѣ недостаточно выяснены, то это объясняется тѣмъ, что самыя понятія объ обществѣ и государствѣ и разграниченіе двухъ сферъ общественныхъ и государственныхъ явленій—слѣлались предметомъ обсужденія въ политическихъ наукахъ лишь въ самое послѣднее время, именно со времени Лоренца Штейна и Роберта Моля. Съ другой стороны, отсутствіе установившейся терминологіи въ экономической литературѣ ведетъ къ тому, что нерѣдко экономисты даютъ различныя названія

2) См Новѣйшій опытъ построенія теоріи государственнаго хозяйства: Emil Sax. Grundlegung der theoretischen Staatswirthschaft. Wien. 1887. 8⁰ 584 стр.

однимъ и тѣмъ-же понятіямъ и, сходясь по существу своихъ воззрѣній, называютъ одни и тѣже понятія разными именами. Къ послѣдней группѣ писателей относится напр. Адольфъ Вагнеръ, который, думая одинаково съ вышеизложеннымъ взглядомъ на сферу хозяйственныхъ отношеній, составляющихъ предметъ политической экономіи, тѣмъ не менѣе обозначаетъ ее названіемъ частно-хозяйственной системы [3]). Германъ (Staatswirthschaftliche Untersuchungen стр. 34) называетъ „агрегатъ единичныхъ хозяйствъ, соединенныхъ въ одно цѣлое"—народнымъ хозяйствомъ, составляющимъ предметъ политической экономіи. Также и Рау (Grundsätze der Volkswirthschftslehre 1868 1, § 5), подъ народнымъ хозяйствомъ разумѣетъ совокупность хозяйственной дѣятельности всѣхъ индивидовъ, принадлежащихъ одному государству. При этомъ Рау замѣчаетъ, что народное хозяйство есть лишь одна сторона общественной жизни и находится въ тѣсной связи со всѣми другими ея сторонами. На ряду съ народнымъ хозяйствомъ, Рау отводитъ особое мѣсто наукѣ о государственномъ хозяйствѣ, куда относитъ теорію финансовъ. Родбертусъ называетъ теоретическую экономію наукою о государственномъ хозяйствѣ и свое сочиненіе, посвѣщенное изслѣдованію главнѣйшихъ проблемъ теоретической экономіи озаглавилъ: „Zur Erkäntniss unserer Staatswirthschaftlichen Zustände" 1842 г. Родбертусъ постоянно употребляетъ выраженіе „государственное состояніе" для того, чтобы этимъ подчеркнуть отличіе той категоріи хозяйственныхъ явленій, которая изслѣдуется политической экономіею, отъ явленій частно-хозяйственныхъ. Вообще-же понятія о національномъ хозяйствѣ, государственномъ хозяйствѣ и общественномъ хозяйствѣ, по терминологіи Родбертуса, являются синоними-

3) См. его Allgemeine oder theoretische Volkswirthschaftslehre. 1876 стр. 53—62; 160—176.

ческими, и политическую экономію англійской классической школы онъ называетъ, то Nationalokonomie, то Staatswirthschaft, то Geselschaftswirtschaft [4]). Но какими бы различными терминами не обозначалъ Родбертусъ теоретическую экономію, вездѣ подъ нею онъ разумѣетъ одну и туже науку объ общественно-хозяйственныхъ явленіяхъ и отношеніяхъ между хозяйственными классами, но не науку о государственномъ хозяйствѣ; государство выступаетъ со своими хозяйственными функціями тамъ, гдѣ Родбертусъ переходитъ отъ изученія фактически сложившихся хозяйственныхъ отношеній къ построенію плановъ соціальной реформы.

Разграниченіе двухъ большихъ категорій народно-хозяйственныхъ явленій — общественно-хозяйственныхъ и государственно-хозяйственныхъ, какъ предмета двухъ различныхъ наукъ политической экономіи и науки о финансахъ, съ методологической стороны, впервые намѣчено было Лоренцомъ фонъ-Штейномъ, которому принадлежитъ заслуга выдѣленія ученія объ обществѣ въ особую науку. Основныя мысли Штейна по этому предмету, заключающія въ себѣ характеристику хозяйственныхъ формъ общественности и кореннымъ образомъ различныхъ между собою принциповъ организаціи общественнаго и государственнаго хозяйства, частью вошли въ составъ воззрѣнія на разграниченіе отдѣльныхъ сферъ народнаго хозяйства, изложеннаго въ началѣ этой главы, а потому мы перейдемъ прямо къ изложенію воззрѣній другихъ писателей, въ той или другой мѣрѣ содѣйствовавшихъ выясненію этого вопроса.

Слѣдующее за Штейномъ мѣсто по времени и значенію въ наукѣ занимаетъ Робертъ фонъ-Молль. Разграничивая науку объ обществѣ отъ науки о государствѣ, Молль при этомъ указы-

---

[4]) См. Das Kapital, стр. 73—78.

ваетъ на то, что хозяйственныя отношенія образуютъ видную сторону, какъ въ кругу общественныхъ, такъ и въ кругу государственныхъ явленій. Молль выражаетъ сожалѣніе, что до сихъ поръ не сдѣлано удовлетворительнаго объясненія той связи, въ какой находится политическая экономія, съ одной стороны, съ науками объ обществѣ, и, съ другой стороны, съ государственными науками, съ которыми у нея одинъ общій предметъ, но изучаемый ею только въ одномъ отношеніи—хозяйственномъ, тогда какъ другія науки изслѣдуютъ тотъ-же предметъ—государство и общество—въ отношеніи религіозномъ, моральномъ, административномъ и т. п. Классифицируя, затѣмъ, главнѣйшія группы явленій, изъ которыхъ слагается жизнь общества, Молль относитъ къ нимъ, на ряду съ церковно-религіозными отношеніями, явленія, въ основѣ которыхъ лежитъ общность рѣчи и явленія, вытекающія изъ отношенія къ труду и владѣнію: отношенія между капиталистами, предпринимателями и рабочими, землевладѣльцами и фермерами и т. п., основанныя на началѣ хозяйственнаго интереса и соперничества. При этомъ надо замѣтить, что всѣ эти отношенія Молль представляетъ себѣ въ томъ видѣ, какъ ихъ трактуетъ англійская классическая школа въ своихъ ученіяхъ о производствѣ и распредѣленіи благъ. Наука о народномъ хозяйствѣ, говоритъ далѣе Молль, разумѣя подъ этимъ теоретическую политическую экономію, должна быть въ полномъ объемѣ изъята изъ состава государственныхъ наукъ и отнесена къ наукамъ объ обществѣ, какъ этого требуетъ элементарная логика. Эта наука имѣетъ своею задачею изслѣдованіе отношеній людей къ матеріальнымъ благамъ, независимо отъ того или иного воздѣйствія государства. Хозяйственную же политику (Volkswirthschaftspflege) и науку о финансахъ онъ относитъ къ категоріи наукъ о государствѣ [5]).

5) См. R. v. Mohll. Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften 1855. стр. 74, 96, 105—118. Его-же. Enciklopedie der Staatswissenschaften 1859. стр.

Карлъ Книсъ, въ значительной степени проникнутый воззрѣніями Р. Молля на общественныя науки, считаетъ политическую экономію соціальною экономіей; по его мнѣнію, первая часть этой науки (теоретическая экономія?) имѣетъ своимъ предметомъ хозяйственную жизнь *общества*, независимо отъ тѣхъ измѣненій, которыя оно претерпѣваетъ вслѣдствіе политическихъ вліяній (государства?). Подобно Моллю, онъ различаетъ науки политическія или государственныя отъ наукъ соціаль-

---

23—24, 45—53. Интересную версію по вопросу объ отдѣленіи общественныхъ наукъ отъ государственныхъ, въ духѣ воззрѣній Молля, находимъ мы также во многократно цитированномъ нами сборникѣ сочиненій Рюмелина. Общественныя состоянія и факты, пишетъ Рюмелинъ, составляютъ матеріалъ, на которомъ проявляетъ свою дѣятельность государство. Государство и общество также рѣзко отличаются одно отъ другаго, какъ гигіена и терапія, или же, какъ науки о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Государство есть продуктъ разсчитанныхъ актовъ человѣческой воли,—до самыхъ мелчайшихъ подробностей государство есть нѣчто дѣланое. Общество же и его отдѣльныя группы образовались не вслѣдствіе напередъ разсчитаннаго какого-либо плана, но явились въ результатѣ массовой дѣятельности индивидуальныхъ силъ и стремленій и безпрестаннаго взаимодѣйствія отдѣльныхъ лицъ на цѣлыя ихъ группы и наоборотъ. Науки объ обществѣ имѣютъ своею задачею представить, какъ-бы съ высоты птичьяго полета, общій взглядъ на явленія частной жизни и сложную игру индивидуальныхъ силъ, а также показать результаты массовой дѣятельности этихъ силъ и причинную зависимость, которой они подчинены. Въ ряду факторовъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ слагается общественная жизнь, государственное вмѣшательство также играетъ замѣтную роль; но въ свою очередь господствующія въ обществѣ мнѣнія, интересы и настроенія оказываютъ рѣшительное вліяніе на направленіе правительственной дѣятельности. Государство и общество такъ тѣсно сплетены во взаимныхъ отношеніяхъ, что точное разграниченіе явленій государственныхъ и общественныхъ не можетъ быть достигнуто, но, тѣмъ не менѣе, государство и общество всегда будутъ противоставляться другъ другу, какъ сознательное и безсознательное, какъ начало нормирующее и то, что подвергается нормированію, какъ дѣятельность (That) и состояніе, какъ цѣлое и соподчиненныя ему группы. По этому *ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть оправдано соединеніе наукъ государственныхъ и общественныхъ въ видѣ одного цѣлаго.* Не касаясь спеціально вопроса о разграниченіи общественной экономіи отъ государственнаго хозяйства, Рюмелинъ, въ статьѣ, посвященной выясненію задачи и метода статистики, проводитъ опредѣленную грань между статистикой государственной жизни и общественной; первую относитъ онъ къ разряду наукъ о государствѣ, вторую къ наукѣ объ обществѣ. Rede und Aufsatze стр. 276—277.

ныхъ или общественныхъ, а въ послѣдней категоріи наукъ онъ отводитъ особое мѣсто политической экономіи. Съ наукой объ обществѣ, по словамъ Книса, повторилось тоже, что съ исторіей развитія государственныхъ наукъ. Первоначально существовала только одна наука о государствѣ. Потомъ образовался цѣлый рядъ отдѣльныхъ наукъ о государствѣ: административное, международное, финансовое право, политика и философія государственнаго права. Но послѣ такой спеціализаціи снова возникла потребность въ одной общей наукѣ о государствѣ (не исключающей однако потребности въ развитыхъ уже отдѣльныхъ наукахъ о государствѣ), объясняющей явленія государственной жизни въ ея цѣломъ. Наука объ обществѣ прошла тотъ-же процессъ развитія: образованіе отдѣльныхъ наукъ объ обществѣ и здѣсь вызываетъ потребность въ такой наукѣ, которая разсматривала-бы общественную жизнь во всемъ ея составѣ. Но и при существованіи двухъ общихъ наукъ о государствѣ и обществѣ, какъ отдѣльныя науки о государствѣ, такъ и отдѣльныя науки объ обществѣ, а въ томъ числѣ и соціальная экономія, имѣютъ свой raison d'etre. Если-бы соціальная экономія, какъ спеціальная наука объ общественныхъ формахъ хозяйственности не существовала, то ее надо было-бы немедленно создать (wäre sie nicht da, so müsste sie sofort erfunden werden). Если-же нѣкоторые ученые готовы видѣть прогрессъ политической экономіи въ томъ, чтобы она была преобразована во всеобщую науку объ обществѣ,—такъ что при этомъ не оставалось-бы больше мѣста для отдѣльной науки объ общественномъ хозяйствѣ, то такое желаніе Книсъ считаетъ чистымъ недоразумѣніемъ, основаннымъ на смѣшеніи между собою совершенно различныхъ вещей [6]).

---

6) Приведенныя соображенія Книсса о политической экономіи, какъ одной изъ наукъ объ обществѣ, изложены на первыхъ страницахъ его сочиненія „Die Politische Oekonomie vom historischen Standpunkt“ 1882 стр. 1—9. Крупный

Въ знаменитомъ сочиненіи Рудольфа фонъ-Іеринга „Zweck im Recht“ нѣсколько блестящихъ страницъ посвящено характеристикѣ общественныхъ явленій и общественно-хозяйственныхъ, въ особенности. Отъ общества, основаннаго на договорѣ, направленномъ на его учрежденіе и регулированіе, Іерингъ отличаетъ общество фактическое, безъ договора. Вся наша жизнь, весь гражданскій оборотъ въ этомъ фактическомъ смыслѣ есть ничто иное, какъ товарищество, совмѣстная дѣятельность, направленная къ общимъ цѣлямъ, причемъ, каждый, дѣйствуя для другихъ, дѣйствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для себя и наоборотъ. На такомъ взаимномъ споспѣшествованіи осуществленію общихъ цѣлей основано, по мнѣнію Іеринга, понятіе объ обществѣ. Согласно съ симъ, общество можно опредѣлить такъ: оно есть фактическая организація для и посредствомъ другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимая форма жизни для себя. Торговля и промыселъ, земледѣліе, фабрикація, домашній бытъ и право, въ существенныхъ чертахъ, организуются сами собою. Область общества не совпадаетъ съ областью государства; предѣлами послѣдней является пограничная черта его территоріи, первая-же распространяется на весь земной шаръ [7]). Государство есть общество, которое принужда-

---

недостатокъ этого капитальнаго сочиненія, авторъ котораго отличается замѣчательною обширностью и всесторонностью экономическаго образованія, заключается въ извѣстнаго рода эклектизмѣ. Въ цѣломъ сочиненіи едвали можно встрѣтить хоть одну до конца выдержанную точку зрѣнія на задачи, методъ и систему политической экономіи. Въ приведенномъ мѣстѣ Книсъ отстаиваетъ существованіе спеціальной науки объ общественномъ хозяйствѣ, независимо отъ его связи съ государственнымъ хозяйствомъ, и въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ возражаетъ противъ смѣшенія политической экономіи съ соціологіей. Въ другихъ же мѣстахъ онъ не только высказываетъ совсѣмъ обратное выше имъ оспариваемое воззрѣніе, но принципіально защищаетъ третье воззрѣніе, по которому предметъ политической экономіи долженъ вполнѣ исчерпываться задачами историко-хозяйственнаго изслѣдованія. (См. ниже главу: Критика теоретической экономіи историческою школою).

7) См. Р. фонъ-Іерингъ. Цѣль въ правѣ. Русск. пер. т. 1-й стр 69—73.

етъ; для того чтобы имѣть возможность принуждать, общество принимаетъ форму государства. Организующимъ началомъ въ государствѣ служитъ власть, въ обществѣ-же индивидуальный интересъ отдѣльныхъ лицъ. Личный интересъ или эгоизмъ, т. е. сила, стремящаяся произвести нѣчто ничтожное и мелкое, создаетъ дѣла и формы, предъ которыми отдѣльный индивидъ, съ его скудными интересами, тоже, что червь въ сравненіи съ горой. Аналогичное явленіе мы находимъ въ природѣ: мѣловыя скалы инфузорій, животное едва доступное невооруженному глазу, созидаетъ цѣлые кряжи горъ. Инфузорія это эгоизмъ, живущій исключительно только для себя и созидающій міръ. Личный интересъ является силою, создающею формы общественности въ хозяйственной жизни[8]). На слѣдующемъ примѣрѣ, который съ удобствомъ могъ-бы занять мѣсто въ любомъ курсѣ политической экономіи, Іерингъ наглядно изображаетъ картину хозяйственнаго общества, въ основаніи котораго лежитъ раздѣленіе труда, обнимающее не только отдѣльный народъ, но почти всѣ народы міра, находящіеся между собою въ хозяйственномъ оборотѣ. „Грошъ, уплачиваемый нами, доставляетъ намъ вещи со всѣхъ концовъ міра и приводитъ для насъ въ движеніе безчисленное множество рукъ. Уплачивая за чашку кофе, за газетный листокъ, мы принимаемъ участіе въ издержкахъ, необходимыхъ для производства обоихъ этихъ предметовъ. Пріобрѣтая и оплачивая кофе, мы принимаемъ участіе въ поземельной рентѣ владѣльца кофейныхъ плантацій, въ издержкахъ производства кофе, въ издержкахъ по перевозкѣ, страхованію, по найму корабельнаго экипажа, маклера, въ пошлинахъ, въ издержкахъ по транспортированію по желѣзнымъ дорогамъ, въ уплатѣ барышей и расходовъ по предпріятію торговца колоніальнымъ товаромъ и со-

8) Тоже, стр. 37, 229.

держателя кофейной. Все это по отношенію къ пріобрѣтенію самого кофе, относительно сахара и молока начинается новый счетъ... Сокровищъ Креза не хватило-бы на то, что-бы пріобрѣсти для него чашку кофе и газетный листокъ, если-бъ онъ вздумалъ съ этою цѣлью лично для себя вызвать къ жизни всѣ необходимыя для производства этихъ предметовъ операціи; бѣдняку нашего времени за одинъ талеръ служитъ большее число людей во всѣхъ частяхъ свѣта, чѣмъ Крезу, хотя-бы онъ рѣшился совсѣмъ опустошить свою сокровищницу". Іерингъ, какъ мы уже замѣтили выше, проводитъ различіе между хозяйственными формами общественности, основанными на договорѣ, или-же предписаніи власти, какимъ являются артель, товарищество и государство, какъ высшая форма союзовъ этого рода, и такими, которыя слагаются сами собою, куда относится весь свободный хозяйственный оборотъ. Это противоположеніе по терминологіи Іеринга выражается еще и такъ: система организованныхъ и неорганизованныхъ общественныхъ цѣлей. Но и формы общественности послѣдняго рода, основанныя на индивидуальномъ интересѣ, какъ это поясняетъ Іерингъ на приведенномъ примѣрѣ, представляютъ, тѣмъ не менѣе, извѣстнаго рода организацію; о которой, также, можно сказать, словами Уэкфильда, что въ основаніи ея лежитъ фактически существующее, но невыраженное соглашеніе [9]).

Высказанное Штейномъ и Моллемъ воззрѣніе, о необходимости приведенія въ болѣе тѣсную связь хозяйственныхъ наукъ съ ученіемъ объ обществѣ и государствѣ, долгое время не находило надлежащаго отклика въ экономической литературѣ, а недостаточное уясненіе общественнаго характера англійской теоріи было одною изъ причинъ неправильнаго воззрѣнія на политическую экономію. Въ позднѣйшее время

---

9) Тоже, стр. 32—33, 173.

теоретическая экономія, какъ мы думаемъ, получила свою надлежащую оцѣнку, какъ наука объ общественномъ хозяйствѣ, въ сочиненіяхъ талантливаго нѣмецкаго экономиста Генриха Дитцеля. Мы приведемъ здѣсь, въ краткомъ извлеченіи его взглядъ на теоретическую экономію англійской классической школы, какъ на одну изъ наукъ объ обществѣ.

Политическая экономія 19-го вѣка возникла въ видѣ противовѣса государству и его воздѣйствію на хозяйственную жизнь общества. Трактатъ Адама Смита ближайшимъ образомъ являлся протестомъ противъ преградъ, поставляемыхъ феодальнымъ государствомъ свободному хозяйственному движенію общества. Адамъ Смитъ предпринялъ объясненіе хозяйственныхъ явленій общественнаго оборота съ единственною цѣлію доказать, что хозяйственное благосостояніе и богатство общества, лучше всего достигается, когда отдѣльнымъ членамъ общества предоставлена полная свобода хозяйственной дѣятельности, а роль государства ограничивается охраной внутренняго правоваго порядка и внѣшней безопасности. Въ самомъ заглавіи первой книги сочиненія о богатствѣ народовъ—„о причинахъ усовершенствованія труда и распредѣленія его произведеній между различными классами народа“, выражена главная проблема теоретическаго изслѣдованія хозяйственной жизни общества, проблема, которую мы считаемъ на столько важною, что она одна можетъ составить содержаніе цѣлой науки. Эта часть теоретическаго ученія разсматриваетъ именно вопросъ: какимъ образомъ въ общественномъ организмѣ будутъ опредѣляться доли различныхъ классовъ общества въ національномъ продуктѣ, если государство не будетъ вмѣшиваться въ ихъ взаимныя хозяйственныя отношенія? Какимъ образомъ распредѣлится между разными классами общества благосостояніе, которое съ матеріальной стороны зависитъ отъ высоты цѣны, которую получаетъ предприниматель за свой продуктъ, отъ высоты рен-

ты, которую классъ землевладѣльцевъ, въ видѣ трибута, получаетъ отъ классовъ, не владѣющихъ собственностью, отъ высоты рабочей платы, которую получаютъ рабочіе, при томъ, если государство не вмѣшивается, а хозяйственный оборотъ не организованъ сверху внизъ и не направленъ посторонней волей ко благу общества. Такимъ образомъ въ теоріи цѣны, дохода и распредѣленія благъ между классами общества, не говоря уже о теоріи производства, рѣшаются проблемы общественнаго хозяйства. Они возникли съ тѣхъ поръ, какъ послѣдовало уничтоженіе личной зависимости и возстановленіе формальнаго равенства всѣхъ передъ закономъ, за исключеніемъ одного рода зависимости индивида одного отъ другаго, вытекающей изъ имущественнаго неравенства, которое современное общество унаслѣдовало отъ прежнихъ временъ [10]). Подъ общественнымъ-же хозяйствомъ во всемъ его объемѣ Дитцель разумѣетъ группу единичныхъ частныхъ хозяйствъ, связанныхъ между собою правильнымъ хозяйственнымъ оборотомъ. Подобно Моллю, Рюмелину и Іерингу, Дитцель видитъ причину образованія общественнаго хозяйства не въ государственной волѣ, являющейся исходнымъ моментомъ государственнаго хозяйства, или по терминологіи Дитцеля народнаго хозяйства, но въ естественной зависимости отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ между собою и въ ихъ борьбѣ за хозяйственный интересъ. Свобода хозяйственной дѣятельности и соперничество составляютъ, такъ сказать, красную нить, отличающую сферу общественнаго хозяйства отъ государственнаго. Разъ этотъ, самому себѣ предоставленный, хозяйственный оборотъ подчиняется регулированію со сторо-

---

10) H. Dietzel. Der Ausgangspunct der Socialwirthschaftslehre und ihr Grundbegriff. Zeitschrift fur die Gesamt Staatswissenschaft. 1883. стр. 1—17; 77—80. Его-же. Uber Verhaltniss der Volkswirthschaftslehre zur Socialwirthschaftslehre. 1882. стр. 10, 19, 20 и др.

ны государственной власти, причемъ начала соперничества и хозяйственнаго разсчета замѣняются предписаніемъ закона, тогда нѣтъ больше мѣста общественному хозяйству, которое, при этомъ, такъ сказать, растворяется въ хозяйствѣ государственномъ. Если-бы, напримѣръ, доли отдѣльныхъ классовъ общества въ національномъ продуктѣ зависили не отъ частно-хозяйственнаго интереса, но опредѣлялись государствомъ, которое при этомъ руководствовалось-бы началами справедливости, или христіанской морали, тогда теоріи распредѣленія благъ не было бы больше мѣста въ современномъ ученіи объ общественномъ хозяйствѣ. Отсутствіе исходящей извнѣ организаціи въ общественномъ хозяйствѣ не означаетъ однако, чтобы въ послѣднемъ отсутствовалъ извѣстный порядокъ. Своего рода планомѣрный порядокъ въ общественномъ хозяйствѣ вытекаетъ изъ присущаго всѣмъ лицамъ, участвующимъ въ хозяйственномъ оборотѣ, стремленія къ возможно полному осуществленію своихъ хозяйственныхъ интересовъ. Основанное на частно-хозяйственномъ интересѣ, общественное хозяйство представляетъ по своей организаціи много аналогичнаго съ государствомъ. Въ немъ повелителемъ является „могущественный долларъ“, правящій классъ представляютъ аристократы биржи, поземельные магнаты, желѣзнодорожные короли; фабриканты, купцы и маклера суть его органы; конторы, рынки и биржи суть его учрежденія [11]).

Странно, что Дитцель, который, какъ мы только что видѣли, характеризуетъ общественно-хозяйственныя отношенія чисто историческими чертами, какъ такія хозяйственныя связи, которыя основаны на частной собственности на землю, свободѣ хозяйственной дѣятельности, какъ спеціальныя формы хозяйственныхъ отношеній, возникшія вслѣдствіе

11) См. Dietzel. выше цитир Beiträge zur Methododik... стр. 226—259

установленія равенства передъ закономъ и уничтоженія личной зависимости [12]), не замѣчаетъ тѣхъ-же историческихъ особенностей въ теоріи формулировавшей эти отношенія. Онъ утверждаетъ, что въ основѣ современной теоріи общественнаго хозяйства вовсе не лежитъ какое-либо опредѣленное историко-реальное состояніе, или опредѣленная стадія хозяйственнаго развитія. „Нѣтъ никакого основанія, говоритъ онъ, предполагать, что Адамъ Смитъ изображалъ именно хозяйственныя отношенія 18-го, а Рикардо таковыя-же 19-го вѣка. Между основными посылками теоріи общественнаго хозяйства и историческимъ складомъ хозяйства 19-го вѣка существуетъ только случайное совпаденіе, между этимъ типомъ хозяйства и вѣчною задачею науки замѣчается чисто логическая связь“ [13]). Забывая раньше сдѣланную характеристику современнаго общественнаго хозяйства, Дитцель, въ другомъ мѣстѣ своего изслѣдованія, считаетъ уже общественнное хозяйство не реальнымъ явленіемъ, а логическою категоріей и гипотезой, вытекающею изъ методологическихъ особеннойстей хозяйственной науки. Въ предъидущей главѣ мы старались отмѣтить эту спеціальную связь теорій Адама Смита и Рикардо съ типомъ хозяйства народовъ новаго времени на отдѣльныхъ ученіяхъ этой теоріи и пришли къ утвердительному отвѣту по вопросу объ историческомъ характерѣ послѣднихъ. Намъ кажется, что Дитцель, придерживающійся противоположнаго мнѣнія, впалъ въ ошибку вслѣдствіе того, что онъ поставленъ былъ въ затрудненіе дилемой, какимъ образомъ теоретическая экономія, при тѣхъ методологическихъ пріемахъ, на которыхъ основывается построеніе этой доктрины, т. е. орудуя обстрактнымъ методомъ, можетъ изобразить намъ ис-

---

12) Uber Verhältniss... стр. 34. Der Ausgangspunkt. . стр 16.

13) Beitrage zur Method. стр. 204; 207—208.

торическій типъ хозяйства. Дитцель правъ въ томъ отношеніи, что на самомъ дѣлѣ, сопоставляя теорію политической экономіи классической школы съ реальной дѣйствительностью, мы видимъ, что въ дѣйствительности общественное хозяйство не существуетъ въ изолированномъ видѣ, какъ это представляетъ теорія, но образуетъ вмѣстѣ съ государственнымъ хозяйствомъ интегральныя части одного цѣлаго—народнаго хозяйства, что хозяйственныя отношенія вообще находятся въ органической связи со всѣмъ складомъ культурной жизни общества, какъ-то нравовъ, религіи, обычаевъ, а также энографическихъ и другихъ свойствъ человѣческихъ рассъ. Но надо имѣть въ виду что общественная жизнь въ такой совокупности составляющихъ ея явленій служитъ предметомъ цѣлаго ряда наукъ. Въ ряду этихъ наукъ теорія общественнаго хозяйства изображаетъ эту жизнь лишь съ одной хозяйственной стороны и беретъ эту сторону жизни въ ея историческихъ формахъ, но для выполненія этой задачи изслѣдованія она должен прибѣгать къ искуственному отвлеченію общественно-хозяйственныхъ явленій отъ явленій моральныхъ, политическихъ, правовыхъ и т. п., что и обусловливаетъ абстрактный характерь самой теоріи общественнаго хозяйства. Съ другой стороны, требуется опредѣлить видовыя историческія формы хозяйственныхъ явленій и отношеній. Эта дилема (абстрактный и въ тоже время историческій характеръ доктрины), какъ мы увидимъ ниже, находитъ свое разрѣшеніе въ томъ, что въ основу дедуктивной экономіи полагаются посылки историческаго характера, представляющія, въ существенныхъ чертахъ, основанія современнаго хозяйственнаго строя, - каковыми посылками служатъ: институтъ частной собственности, присущее каждому индивидууму чувство самосохраненія и отсюда стремленіе къ возможно совершенному осуществленію хозяйственныхъ интересовъ, свобода хозяйственной дѣятельности и соперничество.

Разсмотрѣніе того, какъ рѣшаются эти методологическія проблемы въ теоретической экономіи, составитъ, между прочимъ, предметъ слѣдующей главы.

IV.

Задача и методъ теоретической политической экономіи.

Мы видѣли (глава III), что явленія народнаго хозяйства распадаются на двѣ большія категоріи, изъ которыхъ одна относится къ сферѣ хозяйственной дѣятельности государства, а другая образуетъ сферу общественно-хозяйственныхъ отношеній. Мы видѣли также, что явленія государственно-хозяйственныя являются результатомъ расчитанной (законодательной) дѣятельности государственной власти и ея органовъ, тогда какъ явленія общественнаго хозяйства слагаются изъ дѣятельности отдѣльныхъ индивидуумовъ, изъ которыхъ каждый дѣйствуетъ по своему личному плану и имѣетъ въ виду свои частные интересы; тѣмъ не менѣе дѣятельность цѣлыхъ массъ такихъ индивидовъ представляетъ извѣстнаго рода планомѣрность и порядокъ, такъ что мы вполнѣ въ правѣ говорить о законахъ общественнаго хозяйства, правда, весьма отличающихся отъ тѣхъ, которые являются результатомъ предписанія органовъ государственной власти, но столь могущественныхъ, что къ нимъ должна примѣняться сама законодательная власть, подъ опасеніемъ, что, въ противномъ случаѣ, преслѣдуемыя ею цѣли не будутъ достигнуты. Понятно, что объясненіе явленій этого порядка, какъ по своимъ исходнымъ началамъ, такъ и по методологическимъ пріемамъ существенно различается отъ способовъ объясненія явленій государственнаго хозяйства [1]). Эти послѣднія явленія, созданныя по рас-

1) Мы, конечно, разумѣемъ здѣсь государственное хозяйство въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ оно разсматривается современными представителями

читанному плану, требуютъ такъ называемаго *прагматическаго* толкованія, которое заключается въ выводѣ отдѣльныхъ явленій изъ намѣреній и средствъ общественной власти, вызвавшей къ жизни эти явленія. Мы даемъ явленіямъ этого порядка прагматическое объясненіе, когда изслѣдуемъ цѣли, руководившія представителями государственной и общественной власти, средства, находившіяся въ ихъ распоряженіи и способы употребленія этихъ средствъ, а также препятствія, лежавшія на пути намѣченныхъ задачъ. Когда мы говоримъ объ этомъ или другомъ отечественномъ налогѣ, фабричномъ законѣ, порядкахъ управленія государственными имуществами и т. п. то наша задача указать кѣмъ, когда, зачѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ установлены эти учрежденія и порядки [2]).

Не такъ просто и совсѣмъ другого рода должно быть объясненіе явленій общественно-хозяйственныхъ. Чтобы открыть управляющіе ими органическіе законы мы должны обратиться къ анализу психологическихъ мотивовъ хозяйственной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, а также физическихъ, юридическихъ и другихъ усилій, при которыхъ имъ приходится дѣйствовать. Объясненіе этой категоріи явленій представила намъ теоретическая экономія англійской школы въ ученіяхъ о производствѣ, распредѣленіи и обращеніи благъ. Выясненіе способовъ съ помощью которыхъ были построены теоретическія ученія англійской школы въ, тоже время, раскрываетъ намъ тѣ особые методологическіе пріемы, которые необходимо примѣнить для объясненія явленій общественнаго хозяйства.

финансовой науки т. е. мы включаемъ въ сферу государственнаго хозяйства также хозяйство сельскихъ и городскихъ обществъ, земства и т. п. См. Ad. Wagner Finanzwissenschaft 1883. 1 Theil, стр. 91. Лебедевъ. Курсъ лекцій по финансовому праву. 1882. стр. 9.

2) Menger Untersuchung. Ub. Method стр. 161—166 См блестящія главы по методологіи политической экономіи въ литографированныхъ курсахъ проф. А. И. Чупрова, которыя представляютъ самое замѣчательное изъ того, что написано по этому предмету на русскомъ языкѣ.

Что касается историческаго характера теоретической политической экономіи (см. гл. II), то хотя съ болѣе общей точки зрѣнія эту науку и можно считать историческою, такъ какъ она изучаетъ исторически сложившіяся хозяйственныя явленія, но по своей задачѣ и способамъ изслѣдованія она рѣзко отличается отъ историческаго изображенія этихъ явленій. Въ историческомъ изображеніи хозяйственныя явленія представляются намъ въ ихъ конкретныхъ формахъ и въ процессѣ постепеннаго развитія однихъ явленій изъ другихъ. Задача съ которою долженъ справляться историкъ хозяйственнаго быта состоитъ въ раскрытіи эволюціоннаго процесса въ самыхъ, повидимости, отрывочныхъ и неподвижныхъ явленіяхъ. Онъ долженъ показать въ чемъ заключаются связи, соединяющія, въ процессѣ образованія формъ хозяйственнаго быта, данныя явленія съ предшествующими и послѣдующими; въ глазахъ историка не существуетъ рѣзкаго перехода между слѣдующими одинъ за другимъ вѣками, вездѣ и во всемъ представляется движеніе, постепенность и преобразованіе, даже дѣленіе исторіи на періоды, со строгой исторической точки зрѣнія, должно казаться не научнымъ и механическимъ, такъ такъ историческія изслѣдованія не въ состояніи указать такіе конкретныя факты, о которыхъ можно было бы сказать что именно ими заканчивается одинъ извѣстный фазисъ историческаго развитія и начинается другой [3]).

Совсѣмъ другого рода спеціальную задачу преслѣдуетъ теоретическое изслѣдованіе. Оно имѣетъ въ виду изученіе всего разнообразія явленій исторической дѣйствительности со стороны ихъ типическихъ формъ и типическихъ отношеній меж-

3) Историческій геній проявляется въ искуствѣ усматривать во всѣхъ явленіяхъ міровой жизни движеніе и развитіе. Теорія происхожденія видовъ Дарвина представляетъ поразительный примѣръ историческаго генія, съумѣвшаго подмѣтить, въ самыхъ, повидимости, застывшихъ и законченныхъ формахъ органической жизни, процессъ преобразованія и приблизительно нарисовать процессъ біологическаго развитія формъ органической жизни. Біологія есть таже исторія, но только явленій органической жизни.

ду явленіями. Выполненіе этой задачи въ области народнаго хозяйства состоитъ въ сведеніи конкретныхъ хозяйственныхъ явленій къ такимъ типическимъ формамъ, которыя повторяются въ предѣлахъ даннаго историческаго періода, независимо отъ условій мѣста и времени, у всѣхъ народовъ, находящихся на соотвѣтствующей стадіи историческаго развитія. Такъ напр. теоретическая экономія трактуетъ о цѣнѣ, вовсе не имѣя въ виду какого либо индивидуальнаго предмета купли-продажи, конкретнаго продавца и покупателя въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, но опредѣляетъ такія общія условія образованія цѣнъ, которыя представляются типичными для разнообразнѣйшихъ явленій цѣны въ разныхъ странахъ и у различныхъ народовъ культурнаго міра, и встрѣчаются вездѣ, гдѣ только существуетъ развитое денежное хозяйство. Точно также теоретическая экономія при изслѣдованіи поземельнаго кредита вовсе не имѣетъ въ виду какой нибудь данный участокъ земли, той или другой степени плодородія, конкретную ссуду или конкретнаго должника и кредитора, но изображаетъ въ типическихъ чертахъ кредитныя отношенія, вытекающія изъ спеціальныхъ особенностей земледѣльческаго хозяйства, обусловливающихъ возвратъ затраченнаго капитала черезъ длинныя промежутки времени. Но хотя всѣ формы долгосрочнаго поземельнаго кредита, способы займа, обезпеченія возврата и погашенія ссуды, изображаемые въ экономической теоріи, не списаны съ какого либо индивидуальнаго случая займа, но они имѣютъ значеніе для объясненія всѣхъ явленій долгосрочнаго поземельнаго кредита вездѣ, гдѣ они только встрѣчаются. Типы явленій и типическія отношенія между явленіями—это и есть спеціальная форма закономѣрности хозяйственныхъ явленій, которую раскрываетъ намъ теоретическая экономія [4]).

4) K. Menger. Untersuchungen uber d. Method. стр. 4—34. Philippowitch. Uber Aufgabe und Methode der Pol. Oek стр. 11. Опредѣленіе всякой науки

Какими же методами можетъ быть достигнуто познаніе типическихъ формъ хозяйственныхъ явленій или, что тоже самое—познаніе законовъ общественнаго хозяйства?

Какъ извѣстно способы изслѣдованія законовъ явленій во всѣхъ возможныхъ отрасляхъ человѣческаго знанія сводятся къ двумъ основнымъ методамъ человѣческаго мышленія—индукціи и дедукціи Но явленія различныхъ областей міро-

---

должно заключать въ себѣ три момента: 1) точное обозначеніе опредѣляемой науки (напр. наука о народномъ хозяйствѣ, или одна изъ ея составныхъ частей—теоретическая экономія, хозяйственная политика и т. п. 2) обозначеніе предмета ея изслѣдованія (какъ то міръ растительный или животный, государство, народное хозяйство, или опредѣленная область народнаго хозяйства). 3) указаніе на точку зрѣнія, съ которой должны въ ней быть изслѣдуемы явленія (теоретическая, практическая, или историческая). Выяснивъ въ предыдущей главѣ характерныя черты спеціальной области хозяйственныхъ явленій, изслѣдуемыхъ въ теоретической экономіи, и присоединивъ теперь къ этому объясненію указаніе на задачу теоретической экономіи, мы тѣмъ самымъ, исчерпали всѣ моменты необходимыя для опредѣленія этой науки. К Менгеръ, выяснившій съ надлежащею полнотою вышеуказанныя требованія, которыя должны быть предъявляемы къ опредѣленію каждой науки, а въ томъ числѣ и къ теоретической экономіи, допускаетъ, по нашему мнѣнію, одну неправильность, на которую мы считаемъ нелишнимъ здѣсь указать. Показавъ, что задача теоретической экономіи состоитъ въ изслѣдованіи типовъ явленій и типическихъ отношеній между явленіями, Менгеръ притомъ замѣчаетъ, что изслѣдованіе типическихъ отношеній между хозяйственными явленіями есть собственно изслѣдованіе законовъ хозяйственныхъ явленій, но что выясненіе типовъ хозяйственныхъ явленій не есть объясненіе закономѣрности этихъ явленій (Untesuch. üb. d. Meth. стр. 34, 40,—42). Такъ купля—продажа, цѣна, спросъ и предложеніе, процентъ и т. п. суть, по Менгеру, типическія формы явленій, между тѣмъ, какъ правильное паденіе цѣны товаровъ, вслѣдствіе увеличенія орудій обращенія, или паденіе процента, вслѣдствіе увеличенія капиталовъ въ странѣ, представляютъ собою типическія отношенія между явленіями. Намъ кажется, что Менгеръ въ данномъ случаѣ, введенъ въ недоразумѣніе, такъ сказать, діалектическою формою выраженія—„типы и типическія отношенія“. Въ сущности въ разсужденіи о типахъ хозяйственныхъ явленій и типическихъ отношеніяхъ между явленіями, рѣчь идетъ о хозяйственныхъ отношеніяхъ между людьми по поводу ихъ отношеній къ вещамъ,—а вещи, въ данномъ случаѣ, въ ихъ экономической квалификаціи (цѣна, процентъ) служатъ лишь выраженіемъ отношеній между людьми. Цѣна, напримѣръ, какъ и всякое явленіе, сопровождающее ея паденіе, есть выраженіе отношенія между продавцемъ и покупателемъ, а въ другомъ случаѣ—между производителемъ и потребителемъ; рента, какъ равно ея по-

вой жизни отличаются весьма различными свойствами, зависящими отъ степени ихъ простоты, или сложности и т. п., и изслѣдованіе ихъ требуетъ, смотря по роду изучаемыхъ явленій, неодинаковыхъ методовъ. Отсюда происходитъ тотъ фактъ, что методы индукціи и дедукціи не въ одинаковой мѣрѣ приложимы въ различныхъ отрасляхъ человѣческаго знанія, а тамъ, гдѣ они примѣняются даютъ результаты не одинаковаго научнаго достоинства. Въ теоретической экономіи, какъ и во всякой наукѣ, вопросы методологіи сводятся къ тому, въ какой мѣрѣ примѣнимъ къ изслѣдованію спеціальной сферы общественно хозяйственныхъ явленій, которыя въ ней разсматриваются, каждый изъ двухъ названныхъ методовъ—индукція и дедукція. Обращаясь къ разсмотрѣнію этого вопроса, мы должны начать наши разсужденія съ изложенія извѣстныхъ понятій объ этихъ методахъ. Индукція есть заключеніе отъ частныхъ случаевъ къ общему правилу или закону этихъ случаевъ. Наоборотъ дедукція есть заключеніе отъ общаго положенія или правила къ частному случаю. Непремѣннымъ условіемъ примѣненія дедукціи къ изученію явленій долженъ быть готовый запасъ извѣстнаго количества общихъ положеній или законовъ, поэтому дедукція имѣетъ примѣненіе преимущественно къ изученію такихъ производныхъ и сложныхъ явленій, которыя могутъ быть сведены къ законамъ явленій простѣйшихъ. Примѣненіе же индукціи предполагаетъ предварительное признаніе одного общаго положенія, хотя прямо не высказываемаго, но подразумѣваемаго во всѣхъ случаяхъ, а именно, что явленія міровой жизни под-

---

шеніе и паденіе, есть выраженіе отношеній между землевладѣльцами, арендаторами и рабочими и т. п. Другими словами „какъ типы хозяйственныхъ явленій“ такъ и „типическія отношенія между явленіями“, во всѣхъ случаяхъ, служатъ выраженіемъ закономѣрности хозяйственныхъ отношеній между людьми. Поэтому гораздо правильнѣе сказать, что установленіе типовъ хозяйственныхъ явленій и типическихъ отношеній между явленіями составляетъ одну и туже задачу—открытія законовъ хозяйственныхъ явленій

чинены извѣстному закономѣрному порядку. Логическая сторона процесса въ дедукціи представляется болѣе сложной, чѣмъ въ индукціи. Именно дедуктивный методъ состоитъ изъ трехъ различныхъ частей: изъ нѣсколькихъ общихъ положеній или законовъ, полученныхъ путемъ цѣлаго ряда предварительныхъ индукцій, которыя служатъ основаніемъ всему послѣдующему умственному процессу,—изъ логическаго вывода, основаннаго на этихъ индукціяхъ и, наконецъ, изъ сличенія полученныхъ результатовъ съ конкретными явленіями, или данными опыта. Послѣднюю третью стадію дедукціи называютъ, также, провѣркою дедуктивнаго вывода. Другое существенное различіе между этими двумя методами заключается еще въ томъ, что индукція всегда есть заключеніе отъ дѣйствія къ причинѣ, тогда какъ дедуктивный методъ, исходя изъ причинъ уже ранѣе извѣстныхъ, дѣлаетъ заключеніе о дѣйствіи, которое производитъ ихъ совокупность. Въ первомъ случаѣ намъ даны дѣйствія и требуется открыть ихъ причину, во второмъ наоборотъ даны причины и требуется опредѣлить результаты ихъ совокупнаго дѣйствія. Оба метода, такимъ образомъ, различными путями направляются къ достиженію одной и той же цѣли—опредѣленія связи, соединяющей явленія между собою цѣпью причинъ и дѣйствій.

При изслѣдованіи причинной связи явленій, выборъ той или другой методы, зависитъ не отъ нашей доброй воли, но предопредѣляется природою изучаемыхъ явленій. Такъ одинъ и тотъ же результатъ—изслѣдованіе законовъ явленій въ однихъ областяхъ міровой жизни можетъ быть достигнуть только путемъ индукціи въ другихъ только путемъ дедукціи. Причины не одинаковой годности обоихъ методовъ въ различныхъ областяхъ міровыхъ явленій, со времени Д. С. Милля, принято сводить къ тремъ категоріямъ. Эти причины заключаются въ большей или меньшей сложности явленій, изслѣду-

мой области, ихъ типичности, или индивидуальности и возможности, или невозможности пользоваться экспериментомъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ замѣчается коренное различіе между явленіями физической природы и явленіями человѣческой общественности. Что касается явленій физической природы, а въ особенности явленій неорганическихъ, то здѣсь соединены всѣ условія благопріятствующія приложенію индуктивнаго меріода. Явленія физической природы отличаются меньшею сложностію, вслѣдствіе чего количество причинъ, производящихъ данное явленіе легче можетъ быть вычислено. При томъ каждое явленіе, физической природы есть въ тоже время и типическое, а это обстоятельство чрезвычайно облегчаетъ задачу изслѣдованія, такъ какъ при этомъ условіи, разъ произведенное точное наблюденіе надъ даннымъ явленіемъ достаточно для того чтобы опредѣлить связь его съ другимъ, въ которой оно всегда будетъ встрѣчаться, при сходныхъ условіяхъ; всякое послѣдующее повтореніе наблюденія неизмѣнитъ нашего вывода, а только послужитъ къ усиленію увѣренности въ правильности вывода, разъ сдѣланого. Разъ химику удалось, посредствомъ правильнаго произведеннаго опыта, опредѣлить реакцію новооткрытаго элемента на кислородъ, то онъ больше уже несомнѣвается въ томъ, что такой экспериментъ въ точности можетъ быть повторенъ гдѣ нибудь въ Америкѣ, также какъ и въ Европѣ, черезъ тысячу лѣтъ, также какъ и теперь. Наконецъ, натуралистъ располагаетъ могущественнымъ средствомъ для того чтобы справляться съ значительною сложностью явленій, которое заключается въ экспериментѣ. Пользуясь экспериментомъ, натуралистъ, по выраженію Милля, имѣетъ возможность какъ бы взять испытуемое явленіе на домъ, поставить его въ точно опредѣленныя условія и наблюдать, затѣмъ, въ изолированномъ состояніи дѣйствіе на него каждого изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя, какъ онъ предполагаетъ, служатъ при-

чинами этого явленія. Такимъ образомъ онъ имѣетъ возможность опредѣлить, какія изъ всей массы фактовъ сопровожающихъ данное явленіе связаны съ нимъ отношеніемъ причины къ дѣйствію и какія фигурируютъ въ качествѣ постороннихъ и случайныхъ обстоятельствъ. Когда напр. ботанику требуется изслѣдовать отчего зависитъ ростъ растеній то онъ, поочередно подвергая испытываемыя растенія изолированному дѣйствію солнечнаго свѣта, того или другаго химическаго состава почвы, влаги и т. п., приходитъ такимъ образомъ къ объясненію роли каждаго изъ этихъ факторовъ, а равно и ихъ совокупности на произрастаніе растеній. Такимъ же образомъ онъ можетъ убѣдиться, что цѣлый рядъ другихъ условій, сопровождающихъ ростъ растеній, не оказываетъ на нихъ никакого вліянія. Ни одного изъ этихъ условій, при которыхъ индукція приводитъ къ точнымъ результатамъ въ естествознаніи, вслѣдствіе чего она и получила такъ широкое примѣненіе, не существуетъ въ области общественно-хозяйственныхъ явленій. А именно обстоятельства отъ которыхъ зависятъ состоянія общественнаго хозяйства, вопервыхъ, такъ многочислены, что неподдаются вычисленію; вовторыхъ, эти многочисленныя причины дѣйствуютъ совмѣстно, такъ что представляется невозможнымъ выдѣлить дѣйствіе однихъ изъ нихъ отъ дѣйствія другихъ и, въ третьихъ, каждый изъ этихъ общественныхъ факторовъ подлежитъ измѣненію въ періодъ наблюденія. Единственное же средство, на которомъ, при этихъ условіяхъ, могло бы основываться точное индуктивное изслѣдованіе — экспериментъ, по отношенію къ явленіямъ общественнаго хозяйства, непримѣнимымъ. По внѣшности нѣкоторое сходство съ экспериментомъ въ области народнаго хозяйства представляютъ акты хозяйственнаго законодательства, такъ какъ всякимъ законодательнымъ актамъ вводится въ данное сочетаніе хозяйственныхъ явленій новый факторъ, но этимъ только и ограничивается сходство его съ экспери-

ментомъ. Изслѣдователь, задававшійся цѣлью показать каковы были послѣдствія даннаго законодательнаго акта, долженъ принимать всѣ непосредственно слѣдовавшія за введеніемъ даннаго закона измѣненія въ состояніи народнаго хозяйства, той или другой его области, за слѣдствія вызванныя этимъ актомъ, тогда какъ наблюдаемыя перемѣны могли произойти отъ цѣлаго ряда другихъ причинъ сопровожавшихъ введеніе въ жизнь новаго закона. Сложность и взаимодѣйствіе хозяйственныхъ явленій мѣшаетъ изслѣдователю выдѣлить то, что, въ данномъ случаѣ, дѣйствительно было слѣдствіемъ законодательнаго акта, отъ того, что являлось слѣдствіемъ другихъ, сопровождающихъ его обстоятельствъ. Въ свое время весьма справедливо было указано Д. С. Миллемъ на ошибочные выводы, построенные на подобнаго рода quasi-экспериментахъ, въ сужденіяхъ протекціонистовъ, и въ особенности Кери. Этотъ американскій экономистъ, основываясь на томъ фактѣ, что примѣненіе протекціонистической системы въ Соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки сопровождалось поднятіемъ національнаго богатства, принялъ это послѣднее явленія за слѣдствіе протекціонистической политики и на этомъ выводѣ построилъ свое догматическое ученіе о безусловной плодотворности протекціонизма для народнаго благосостоянія. А между тѣмъ слѣдовавшее за введеніемъ запретительныхъ пошлинъ поднятіе національнаго производства могло быть непосредственнымъ слѣдствіемъ цѣлаго ряда другого рода причинъ, въ ряду которыхъ непослѣднюю роль играло также поднятіе культурнаго развитія американскаго народа, возстановленіе внутри страны свободы хозяйственныхъ занятій и промысловъ, до того времени стесненной разнаго рода ограниченіями и предписаніями, слѣдовавшими изъ Англіи—тогдашней метрополіи американскихъ Штатовъ и т. п.

Помимо того, что законодательные акты въ области хозяйственной жизни представляютъ мало сходства съ экспе-

риментомъ въ естествознаніи, надо также имѣть въ виду, что подобнаго рода quasi-эксперименты, т. е. отношенія въ области народнаго хозяйства, создаваемыя предписаніями закона, имѣютъ только самое отдаленное отношеніе къ спеціальной сферѣ общественно-хозяйственныхъ явленій, составляющихъ предметъ теоретической политической экономіи, которая вѣдаетъ хозяйственныя отношенія, основанныя на свободной конкуренціи и преслѣдованіи отдѣльными индивидами своихъ частныхъ интересовъ.

Такъ какъ пользованіе болѣе совершенною формою индукціи, основанною на экспериментѣ, оказывается невозможнымъ въ области народно-хозяйственныхъ явленій, то приложеніе индукціи можетъ здѣсь основываться только на наблюденіи явленій въ ихъ дѣйствіи. Но въ этомъ послѣднемъ видѣ индуктивный методъ для открытія *коренныхъ* законовъ хозяйственныхъ явленій оказывается непригоднымъ. Все чего можетъ достигнуть изслѣдователь, при этихъ условіяхъ, посредствомъ простаго наблюденія хозяйственнаго быта, это констатировать, что данное явленіе сопутствуетъ, или предшествуетъ другому и отсюда заключать, что между ними существуетъ причинная связь. Но такое заключеніе не даетъ еще никакого ручательства въ томъ, что во всѣхъ случаяхъ одно изъ этихъ явленій будетъ непремѣнно встрѣчаться только въ сопровожденіи съ другимъ, въ той связи, которая разъ уже была констатирована наблюденіемъ. Связь эта могла быть чисто случайною и между разъ встрѣченными явленіями могло не существовать отношенія, какъ между причиною и слѣдствіемъ; другими словами, въ области общественно-хозяйственныхъ явленій наблюденіе безъ опыта можетъ открыть послѣдовательность и сосуществованіе явленій, но не можетъ доказать связи причины со слѣдствіемъ [5]). Выводы, полученные индук-

5) См. Милль. Логика т. 1-й, стр. 441; т. 2-й стр. 486—477. Янсонъ.

тивнымъ путемъ изъ простаго наблюденія могутъ быть названы законами въ извѣстномъ относительномъ смыслѣ, обыкновенно ихъ называютъ *эмпирическими* законами. Эмпирическіе законы сами нуждаются въ объясненіи. Объяснить эмпирическій законъ, значитъ, указать законы, изъ которыхъ они вытекаютъ или тѣ болѣе коренные причины, отъ которыхъ они зависятъ. А зная эти причины, мы знали-бы и его предѣлы, знали-бы при какихъ условіяхъ эмпирическій законъ пересталъ-бы исполняться.

Сказанное относительно простаго наблюденія имѣетъ приложеніе къ спеціальному виду методическаго или организованнаго наблюденія, какимъ является статистическій методъ. Статистическое наблюденіе разсчитано на устраненіе недостатковъ, связанныхъ съ индивидуальнымъ наблюденіемъ. Если связь между двумя явленіями, подмѣченная на отдѣльномъ случаѣ, мало достовѣрна, то она пріобрѣтаетъ характеръ достовѣрности, когда наблюдается на возможно большемъ количествѣ случаевъ. Это, въ особенности, надо сказать относительно тѣхъ явленій, къ которымъ примѣнимъ методъ счетный, при чемъ возможно его приложеніе къ изслѣдованію массъ явленій. Но и въ этой самой совершенной своей формы индуктивное изслѣдованіе, основанное на наблюденіи въ въ области соціальныхъ явленій не приноситъ результатовъ равноцѣнныхъ съ тѣми, какія достигаюгся въ мірѣ физическихъ явленій путемъ эксперимента. Какъ бы ни многочисленны были явленія, на которыя распространяется статистическое изслѣдованіе, констатирующее случаи сосуществованія и послѣдовательности явленій, но оно никогда не исчерпываетъ

Теорія Статистики 1887 г. стр. 447, 458. Мы здѣсь не касаемся разновидностей индуктивнаго метода, такъ называемыхъ четырехъ методовъ опытнаго изслѣдованія, такъ какъ о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности пришлось бы сказать тоже, что о всѣхъ вмѣстѣ.

всѣхъ случаевъ, а всегда имѣетъ дѣло съ одною частью случаевъ. Словомъ и статистическіе законы, самые совершенные изъ законовъ устанавливаемыхъ путемъ наблюденія, суть также не болѣе какъ законы эмпирическіе [6]), т. е. законы, требующіе въ лучшемъ случаѣ, когда они вѣрны, объясненія другими, болѣе общими законами. Такъ, напр., статистическій законъ, выведенный изъ наблюденія на массѣ случаевъ, что мальчиковъ всегда рождается на нѣсколько процентовъ (3—7) болѣе дѣвочекъ. Это только фактъ, объясненіе котораго надо искать въ законахъ открываемыхъ антропологіей, біологіей, физіологіей и въ другихъ наукахъ. При всѣхъ недостаткахъ эмпирическихъ законовъ, тѣмъ не менѣе было-бы ошибочно отрицать значеніе ихъ въ системѣ теоретическихъ изслѣдованій о народномъ хозяйствѣ. Этого нельзя дѣлать по одному тому, что существуетъ цѣлый рядъ эмпирическихъ законовъ, которые вполнѣ совпадаютъ съ законами точными. Такъ, напримѣръ, подмѣченная наблюденіемъ зависимость цѣны отъ спроса и предложенія товаровъ, получила, затѣмъ, полное подтвержденіе въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ Ад. Смита, Сэ и Германа. Политическая экономія, слѣдуя обыкновенному процессу развитія всякаго знанія, на

---

6) См. A. Wagner Гл. Statistik въ Deutsches Staatswörterbuch Bluntschli und Brater. стр. 467. Его-же. Der Gesetzmassigkeit in den scheinbar wilkurlichen menschlichen Handlungen. 1864. стр. 68. Rumelin. Rede und Aufs стр. 219, 253. см. Янсонъ. Теорія статистики. стр. 447—466, а въ особенности глава: „Смыслъ выраженій законъ и причина въ статистикѣ“ (стр. 459). Проф. Янсонъ различаетъ два рода эмпирическихъ законовъ въ статистикѣ одни законы тѣ, о коихъ неизвѣстно даже суть ли они законы причинной связи или нѣтъ, это, такъ называемыя, правильности, открываемыя нами при первомъ, такъ сказать, знакомствѣ съ явленіями соціальной жизни, и другіе законы тѣ, о коихъ доказано, что они выражаютъ причинную связь сосуществующихъ и слѣдующихъ другъ за другомъ явленій, но которые должны быть разложены на безконечный иногда рядъ простѣйшихъ законовъ, хотя по большей части разложеніе ихъ недоступно нашимъ средствамъ анализа“, стр. 457—459. см. Де-Роберти. Соціологія. 1880 т. стр. 119.

раннихъ ступеняхъ своего развитія состояла исключительно изъ эмпирическихъ выводовъ, а простое наблюденіе было ея преобладающимъ методомъ изслѣдованія. Такъ, напримѣръ, почти все содержаніе теорій меркантилистовъ состояло изъ цѣлаго ряда эмпирическихъ законовъ, изъ которыхъ одни, при послѣдующемъ развитіи политической экономіи, были подтверждены болѣе точными изслѣдованіями, а другіе опровергнуты. Такими чисто эмпирическими законами въ системѣ меркантилистовъ, которые оказались потомъ ложными, являются—ученіе о деньгахъ, какъ единственной и универсальной формѣ народнаго богатства, а также ученіе о торговомъ балансѣ, утверждавшее, что богатство народа можетъ быть достигнуто только посредствомъ привлеченія возможно большаго количества денегъ въ страну. То что было вѣрного въ ученіи меркантилистовъ о покровительственной системѣ нашло за тѣмъ свое подтвержденіе въ болѣе строгомъ изслѣдованіи Фридриха Листа о протекціонизмѣ, которое является новою и болѣе научною редакціею меркантилистической теоріи.

Эмпирическіе выводы, впрочемъ, всегда будутъ необходимы, какъ первая стадія научнаго изслѣдованія въ политической экономіи. Такъ какъ наука эта имѣетъ своею задачею изученіе исторически сложившихся хозяйственныхъ явленій, а историческое развитіе постоянно создаетъ все новыя явленія и новыя формы хозяйственнаго быта, требующія теоретическаго объясненія, то констатировать эти измѣненія въ хозяйственномъ быту можно только путемъ непосредственнаго наблюденія хозяйственной жизни.

Хотя и теперь еще нѣкоторые отдѣльные экономисты исторической школы выражаютъ желаніе довольствоваться изученіемъ хозяйственныхъ явленій въ той формѣ закономѣрности, въ которой представляютъ ихъ эмпирическіе законы, но въ экономической литературѣ, начиная съ физіократовъ и А. Смита, постоянно дѣятельно проявлялось другое стремленіе—

открыть болѣе точные и коренные законы общественнаго хозяйства. Отличительная черта коренныхъ законовъ, которыхъ вообще немного, заключается въ томъ, что такіе законы сводятъ все разнообразіе явленій въ той или другой области міровой жизни къ небольшому числу силъ или причинъ. По опредѣленію Рюмелина коренной или точный законъ является выраженіемъ элементарнаго, постояннаго, во всѣхъ явленіяхъ открываемаго, дѣйствія силъ. Типичными примѣрами такого рода законовъ могутъ служить законы физики, въ которыхъ всѣ разнообразныя физическія явленія сведены къ опредѣленному числу силъ природы: каковы—свѣтъ, теплота, тяготѣніе и т. д. Открытъ такой законъ въ сферѣ хозяйственныхъ явленій значило открыть лежащія въ основаніи ихъ силы или факторы и представить то или другое хозяйственное явленіе, или цѣлыя категоріи ихъ, какъ проявленіе извѣстнаго способа дѣйствія этихъ силъ. Въ сферѣ хозяйственной дѣятельности такого рода силы заключаются ни въ чемъ другомъ, какъ только въ общихъ основахъ психической жизни людей [7]). Хозяйственныя явленія слагаются изъ дѣятельности

---

7) „Соціальныя явленія—это только особый видъ явленій психическихъ. Существуетъ два разряда психическихъ законовъ—собственно психическіе и соціальные. Психологія изслѣдуетъ душевныя силы, проявляющіяся въ жизни отдѣльныхъ индивидуумовъ, соціальныя же науки разсматриваютъ тѣ-же силы, но въ ихъ массовыхъ дѣйствіяхъ, при чемъ они изслѣдуютъ эффекты, измѣненія и модификаціи, обусловливаемыя массовыми проявленіями этихъ силъ въ общественной жизни. Въ этомъ смыслѣ всякій соціальный законъ долженъ представить намъ въ элементарной формѣ дѣйствіе цѣлыхъ массъ психическихъ силъ“ (Rümelin. Rede... стр. 9—10). Въ другомъ мѣстѣ Рюмелинъ указываетъ на соотношеніе между психическими свойствами отдѣльнаго индивидуума и цѣлаго общества. „Всѣ науки объ обществѣ имѣютъ своимъ предметомъ или естественныя группы индивидуумовъ, или-же отдѣльныя сферы общественной жизни. Точно разграничить, съ одной стороны, эти отдѣльныя сферы между собою, а съ другой стороны, тѣ части соціальныхъ наукъ, которыя ихъ изслѣдуютъ, до сихъ поръ мѣшаетъ несовершенное состояніе психологіи. Если-бы психологія стала на болѣе твердыхъ основаніяхъ, то тогда изъ нея самой могли-бы быть теоретически выведены естественныя сферы общественной жизни, такъ какъ каждой основной потребности чело-

массъ индивидовъ, изъ которыхъ каждый поступаетъ въ силу извѣстныхъ мотивовъ. Для того чтобы придти къ познанію коренныхъ законовъ общественнаго хозяйства, необходимо было опредѣлить сначала мотивы, управляющіе хозяйственною дѣятельностью и затѣмъ преслѣдить проявленіе хозяйственной дѣятельности людей, приданномъ стеченіи юридическихъ, общественныхъ, политическихъ и другихъ условій, характеризующихъ изслѣдуемый историческій типъ хозяйства. Эту проблему теоретическаго изслѣдованія разрѣшили Ад. Смитъ и первые теоретики-экономисты, которые приняли хозяйственный эгоизмъ или хозяйственный интересъ за основной мотивъ хозяйственной дѣятельности людей и положили его въ основу своихъ теоретическихъ построеній [8]). Такимъ образомъ найдена была возможность въ области общественнаго хозяйства открыть нѣчто болѣе, чѣмъ эмпирическую связь явленій—коренные законы этихъ явленій.

вѣческой натуры должно соотвѣтствовать осуществленіе ея въ формахъ соціальнаго устройства. Такимъ образомъ хозяйственную, общественную, интеллектуальную, религіозную и, наконецъ, нормирующую всѣ другія человѣческія отношенія жизнь политическую можно представить какъ такія спеціальныя сферы научнаго изслѣдованія, которыя вытекаютъ изъ основныхъ свойствъ человѣческой натуры" (Тоже, стр. 235—236). „Психологія является такимъ-же основаніемъ для всѣхъ общественныхъ наукъ, какъ механика для естествознанія" Wundt. Jogik. 1883 г. B. 2. стр. 572. „Соціальная экономія, по Миллю, предполагаетъ знаніе психической природы индивидуальнаго человѣка; такъ какъ всѣ законы, составляющіе компетенцію психологіи имѣютъ мѣсто также и въ общественной жизни, то истины соціальной науки показываютъ намъ какъ эти простѣйшіе законы психологіи проявляются при болѣе сложныхъ обстоятельствахъ". Mill. Essays, стр. 136.

8) „Въ ряду соціальныхъ наукъ политическая экономія опередила всѣхъ своихъ сестеръ. Своими быстрыми и большими успѣхами она обязана не только практическимъ интересамъ, съ которыми связаны ея изслѣдованія, но гораздо болѣе правильности принятого ею метода. Основатели ея воспользовались выгодами проистекающими изъ возможности изолировать ея предметъ, сводя хозяйственныя явленія къ простѣйшимъ психическимъ фактамъ и выводя изъ нихъ всѣ дальнѣйшія консеквенціи. Политическая экономія исходила изъ явно выраженнаго, или же подразумѣваемаго положенія, что люди отъ природы имѣ-

Открытіе такого рода законовъ требуетъ приложенія дедуктивнаго метода, и при томъ въ той его формѣ, которая извѣстна подъ именемъ конкретной или индуктивной дедукціи. Преимущества этого метода, сравнительно съ индукціей, заключаются во 1-хъ въ томъ, что онъ даетъ возможность свести хозяйственныя явленія къ опредѣленнаго рода силамъ или причинамъ и во 2-хъ онъ является въ примѣненіи къ общественно-хозяйственнымъ явленіямъ самой естественной замѣной эксперимента, въ томъ смыслѣ, что посредствомъ дедукціи экономистъ имѣетъ возможность изслѣдовать въ изолированномъ видѣ отдѣльные элементы, изъ которыхъ слагаются эти явленія. Для того чтобы выяснить эти преимущества конкретно-дедуктивнаго метода по отношенію къ поставленной задачѣ—познанія коренныхъ законовъ общественнаго хозяйства, мы должны только показать въ чемъ состоятъ извѣстныя три стадіи конкретной дедукціи въ примѣненіи къ изслѣдованію общественно-хозяйственныхъ явленій.

Первая стадія дедукціи, какъ мы знаемъ, изъ общаго опредѣленія этого метода, состоитъ въ изслѣдованіи законовъ тѣхъ элементарныхъ явленій, на которыя возможно бываетъ разложить какія-нибудь данныя явленія сложнаго характера. Сказанное должно имѣть примѣненіе, въ частности, и къ экономической дедукціи. Спрашивается, теперь, каковы-же тѣ элементарныя явленія, на которыя можно разложить сложныя явленія общественнаго хозяйства?

ютъ стремленіе къ полученію возможно большаго количества предметовъ, служащихъ для удовлетворенія потребностей съ затратой возможно меньшаго количества труда... Политическая экономія, мнѣ кажется, имѣетъ полнѣйшее основаніе называть свои основныя положенія относительно движенія цѣнъ, рабочей платы, конкуренціи, денежнаго обращенія—законами, такъ какъ они точно отвѣчаютъ требованіямъ, которыя могутъ быть предъявлены отъ всякаго закона, представляя собою основныя и простѣйшія формы массоваго дѣйствія психическихъ силъ. Законы эти могутъ быть выведены изъ немногихъ посылокъ". Rumelin. Rede... стр. 12—13. См Alfred Marschall, The present position of economics. London 1885. стр. 20—22.

При ближайшемъ разсмотрѣніи хозяйственной жизни оказывается, что хозяйственныя явленія слагаются изъ дѣятельности людей, соединенныхъ въ общество, а эта дѣятельность зависитъ отъ психическихъ и физическихъ свойствъ человѣческой натуры, отъ условій внѣшней природы, при которыхъ человѣку приходится дѣйствовать, отъ характера общественныхъ связей и политическихъ учрежденій, составляющихъ спеціальную особенность даннаго историческаго періода и т. п. Словомъ, разлагая хозяйственныя явленія на ихъ простѣйшіе элементы, мы достигаемъ, наконецъ, такихъ явленій, которыя уже доступны изслѣдованію ихъ болѣе простыми методами наблюденія и индукціи. Но экономисту, по большей части, нѣтъ надобности самому заниматься изслѣдованіемъ этихъ явленій, потому что они составляютъ предметъ изученія цѣлаго ряда спеціальныхъ наукъ. Такъ, напримѣръ, въ естествознаніи изслѣдуются законы внѣшней природы, при которыхъ приходится человѣку проявлять свою дѣятельность, въ технологіи—законы воздѣйствія человѣка на внѣшнюю природу, психологія изучаетъ явленія духовной жизни человѣка, правовѣденіе знакомитъ насъ съ юридическимъ бытомъ и съ политическими учрежденіями. Всѣ эти науки содержатъ въ себѣ массу готовыхъ положеній и индукцій, которыми пользуется теоретическая экономія для своихъ спеціальныхъ изслѣдованій. Такимъ образомъ, теоретическая экономія, не беря на себя совершенно чуждой ей задачи изслѣдованія современныхъ юридическихъ и политическихъ отношеній, законовъ человѣческаго духа и свойствъ человѣческаго организма, заимствуетъ въ готовомъ видѣ законы этихъ явленій изъ другихъ наукъ, изъ права, психологіи, естествознанія и т. п.[9]). Одно изъ преимуществъ теоретической эко-

9) Cv. Cairnes. Log. Method. стр. 75. I. S Mill. Essays Ditinition and Method of Polltical Economy стр. 130—135. Д. С. Милль. Логика, т. I-й, стр 517—521. Т. II-й, стр. 471—487.

номіи, какъ науки о явленіяхъ весьма сложнаго характера, которымъ она пользуется, вмѣстѣ съ неудобствами этого условія въ различныхъ отношеніяхъ, заключается въ томъ, что она прямо можетъ начать свои изслѣдованія съ вывода законовъ хозяйственныхъ явленій изъ законовъ явленій болѣе простыхъ. Но это вовсе незначитъ, что можно было бы прійти къ какимъ-либо реальнымъ результатамъ въ изученіи хозяйственныхъ явленій, минуя индуктивную стадію изслѣдованія, это только показываетъ, что индуктивная часть изслѣдованія раньше выполнена въ другихъ отрасляхъ знанія — въ естествознаніи, психологіи, въ юриспруденціи, результатами которыхъ пользуется теоретическая экономія. Въ этомъ смыслѣ теоретическая экономія, какъ и всякая другая абстрактная наука, въ послѣднемъ счетѣ основывается на наблюденіи и индуктивномъ изслѣдованіи явленій, хотя наблюденіе явленій и построеніе этихъ предварительныхъ индукцій несоставляетъ ея прямой задачи.

Бываютъ, однако, случаи, когда сами экономисты-теоретики обращаются къ самостоятельному изслѣдованію той или другой категоріи явленій, которыя несутъ экономическія, для того чтобы добытъ необходимыя посылки для экономической дедукціи. Такъ, Тюненъ, въ свое время, сдѣлалъ весьма остроумныя изысканія относительно прогрессіи возрастанія продуктовъ земледѣлія при послѣдовательныхъ затратахъ труда и капитала на одномъ и томъ-же участкѣ земли. Въ данномъ случаѣ онъ старался уяснить чисто агрономическій законъ, въ виду того, что результаты этого изслѣдованія должны были имѣть рѣшающее значеніе для разрѣшенія чисто уже экономическаго вопроса о поземельной рентѣ. Тюненъ и Родбертусъ, исходя изъ различныхъ воззрѣній на агрономическій законъ возростанія продуктовъ земледѣлія, сообразно съ этимъ, пришли къ коренным образомъ различнымъ выводамъ въ своихъ ученіяхъ о поземельнй рентѣ. Иногда также экономисты обращаются къ

изслѣдованію психической жизни и въ особенности тѣхъ психическихъ мотивовъ, которые проявляются въ разныхъ формахъ общественно-хозяйственныхъ отношеній, т. е. въ данномъ случаѣ они занимаются тѣми вопросами, которые входятъ въ компетенцію психологіи. Всѣ подобнаго рода случаи, когда экономисты, для того чтобы добыть необходимыя данныя для экономической дедукціи, дѣлаютъ предметомъ своихъ изслѣдованій ту или другую область неэкономическихъ явленій, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ соотвѣтствующихъ наукахъ, изъ которыхъ политическая экономія должна заимствовать готовыя результаты не всѣ еще явленія изслѣдованы или же они изслѣдованы не съ надлежащею полнотою и не съ той стороны, которая въ особенности имѣетъ значеніе для экономистовъ. Но всякій разъ когда экономистъ долженъ бываетъ распространить свои изысканія на явленія, входящія въ компетенцію другихъ неэкономическихъ наукъ, то при этомъ онъ прибѣгаетъ и къ пользованію методами употребительными въ этихъ наукахъ. Такъ Тюненъ долженъ былъ сдѣлать множество агрономическихъ экспериментовъ и наблюденій, для того чтобы прійти къ опредѣленному заключенію относительно утверждаемаго имъ агрономическаго закона. Подобнымъ образомъ и экономисты занимавшіеся изслѣдованіями мотивовъ хозяйственной дѣятельности пользовались при этомъ наблюденіемъ и внутреннимъ опытомъ —методами, какъ извѣстно, принятыми въ психологіи.

Послѣ того когда отдѣльныя причины отъ которыхъ зависятъ хозяйственныя явленія найдены, все равно было-ли необходимо для этого сдѣлать самостоятельныя изысканія или же достаточно было воспользоваться готовыми выводами другихъ наукъ,—то затѣмъ требуется вывести изъ законовъ отдѣльныхъ причинъ законъ ихъ совокупнаго дѣйствія или экономическій законъ, что составляетъ предметъ второй стадіи экономической дедукціи. Другими словами, задача собственно

экономической дедукціи состоитъ въ томъ, чтобы показать какимъ образомъ данная совокупность простѣйшихъ факторовъ, открываемыхъ другими болѣе конкретными науками, чѣмъ теоретическая экономія, производитъ тѣ сложные результаты, которые мы называемъ общественно-хозяйственными явленіями. Въ такой формѣ задача познанія законовъ хозяйственныхъ явленій становится значительно упрощенной, вслѣдствіе того что причины отъ которыхъ зависятъ эти явленія могутъ быть сведены, сравнительно, къ небольшому числу факторовъ и условій дѣйствія послѣднихъ; но изслѣдователю требуется еще опредѣлить, по отношенію къ тому или другому данному явленію, мѣру и способъ дѣйствія каждаго изъ этихъ факторовъ, а эта часть задачи представляетъ своего рода трудности. Когда подобнаго рода задача ставится натуралисту т. е. дано ему опредѣлить законъ какого-либо явленія на основаніи законовъ дѣйствія производящихъ ею причинъ, то натуралистъ справляется съ такого рода задачей посредствомъ эксперимента, причемъ, для того чтобы достигнуть искомаго результата, онъ ставитъ испытуемое явленіе въ неизмѣнныя условія и затѣмъ подвергаетъ его по очередно дѣйствію каждаго изъ тѣхъ факторовъ въ отдѣльности, вліяніе которыхъ онъ желаетъ изучить. Если, напримѣръ, дано натуралисту изучить законы тяготѣнія тѣлъ, то онъ сначала вычисляетъ эти законы для безвоздушнаго пространства, а затѣмъ вводитъ поправки зависящія отъ сопротивленія воздуха, а равно отъ физическихъ свойствъ и формы тѣлъ. Экономистъ же неимѣетъ возможности въ своей области пользоваться экспериментомъ, тѣмъ неменѣе онъ примѣняетъ пріемы имѣющіе много аналогичнаго съ тѣми пріемами, которые практикуются при экспериментѣ. Конечно экономистъ не можетъ въ дѣйствительности изолировать дѣйствіе отдѣльныхъ факторовъ и искуственно ставить изучаемое имъ явленіе въ неизмѣнныя условія, какъ это дѣлаетъ натуралистъ, но онъ все таки можетъ опредѣлить, ка-

ковы были бы послѣдствія дѣятельности тѣхъ или другихъ факторовъ хозяйственныхъ явленій, если бы всѣ эти предполагаемыя имъ условія были соблюдены въ дѣйствительности. Экономистъ въ этихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ гипотетическому эксперименту in abstracto; разница между этимъ послѣднимъ и дѣйствительнымъ экспериментомъ въ естествознаніи выражается въ томъ, что подъ руками естествоиспытателя выдѣленіе однихъ испытуемыхъ факторовъ отъ другихъ происходитъ въ натурѣ, въ самомъ физическимъ процессѣ, тогда какъ, для экономиста изолированіе отдѣльныхъ причинъ хозяйственныхъ явленій есть лишь особый методологическій пріемъ, вытекающій изъ особыхъ свойствъ познавательныхъ способностей человѣка. Пусть, напримѣръ, экономисту требуется опредѣлить законъ поземельной ренты. Для выведенія этого закона онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи слѣдующій рядъ причинъ обусловливающихъ возникновеніе поземельной ренты: 1) существованіе земель различнаго плодородія, 2) неодинаковая близость или отдаленность земельныхъ участковъ отъ рынка сбыта, 3) то физическое свойство почвы, вслѣдствіе котораго послѣдовательныя затраты труда и капитала на одномъ и томъ же участкѣ возвращаются въ формѣ продуктовъ въ убывающей прогрессіи, 4) дѣленіе общества на извѣстные хозяйственные классы, 5) присущее этимъ классамъ стремленіе къ осуществленію лишь своихъ хозяйственныхъ интересовъ. Кромѣ того, для того чтобы изъ этихъ данныхъ вывесть законъ поземельной ренты необходимы еще нѣкоторыя положенія добытыя раньше въ другихъ частяхъ экономической теоріи— въ данномъ случаѣ имѣютъ важность положенія, что цѣнность вещей опредѣляется количествомъ затраченнаго на ихъ производство труда, что на одномъ рынкѣ неможетъ быть двухъ разныхъ цѣнъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ эти данныя, экономистъ не въ состояніи, на основаніи ихъ, вывести искомое явленіе сразу, однимъ актомъ мысли, но онъ

можетъ достигнуть этого только постепенно, путемъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ логическихъ выводовъ, имѣющихъ своею цѣлью выяснить роль каждой изъ причинъ участвующихъ въ процессѣ образованія поземельной ренты, при чемъ онъ старается по очередно опредѣлить роль однихъ причинъ, оставляя на время въ сторонѣ другія. Такъ сначала онъ попытается опредѣлить, каковы будутъ послѣдствія хозяйственныхъ стремленій трехъ классовъ лицъ заинтересованныхъ къ распредѣленіи поземельнаго дохода, если подъ обработкой будутъ находиться, земли различнаго плодородія, не обращая пока вниманія на то обстоятельство, что земли эти обыкновенно находятся въ различныхъ разстояніяхъ отъ рынка и что послѣдовательныя затраты труда и капитала на одномъ и томъ же участкѣ даютъ продуктъ въ убывающей прогрессіи. Принимая во вниманіе, при этомъ, положеніе, заключающееся въ теоріи цѣнности, экономистъ приходитъ къ тому выводу, что поземельная рента есть излишекъ цѣнности продукта, получаемаго съ участковъ высшаго плодородія сравнительно съ участками самого низшаго плодородія, находящимися подъ обработкой. Для того чтобы опредѣлить дѣйствіе всѣхъ другихъ факторовъ, образующихъ поземельную ренту, необходимо рѣшить слѣдующій рядъ теоремъ: 1) каковы были бы послѣдствія преслѣдованія хозяйственными классами своихъ интересовъ, если бы земли были одинаковаго плодородія, но находились въ разныхъ разстояніяхъ отъ рынка, 2) если бы, при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, къ этимъ землямъ прилагались капиталы разной величины, т. е. одни земли находились подъ интензивной, а другія подъ экстензивной культурой, 3) если бы, при этомъ, продуктъ распредѣлялся не между тремя классами общества, а двумя, или даже составлялъ цѣликомъ достояніе одного класса земледѣльцевъ-собственниковъ и, наконецъ, 4) какія измѣненія были бы внесены въ разсматриваемую теорему, если бы заинтересованный въ полученіи поземель-

наго дохода классъ землевладѣльцевъ почему нибудь отказался отъ чисто хозяйственнаго разсчета, уступая силѣ обычая, прямому предписанію закона, или даже чувству состраданія къ бѣдственному положенію фермеровъ (первый случай, въ особенности, имѣетъ мѣсто при чиншевомъ владѣніи, а второй, отчасти, въ ирландскомъ землевладѣніи)—во всѣхъ этихъ случаяхъ поземельная рента можетъ оставаться неизмѣнною, не смотря на повышеніе цѣнъ на землю и продукты земледѣлія. Рѣшивъ весь этотъ рядъ теоремъ, мы будемъ имѣть въ полномъ видѣ законъ поземельной ренты. Именно къ раньше выведенному опредѣленію, обнимающему одну часть явленій ренты (рента есть излишекъ цѣнности продукта, получаемаго съ участковъ высшаго плодородія, сравнительно съ участками свмого низшаго плодородія находящимися подъ обработкой), мы должны еще присоединить, что въ другихъ случаяхъ рента можетъ представлять изъ себя излишекъ цѣнности продукта, получаемаго отъ затраты цѣлаго рядя капиталовъ на одномъ и томъ же участкѣ, сравнительно съ цѣнностью продукта, получаемаго отъ затраты послѣдняго капитала, или же, наконецъ—излишекъ цѣнности продукта получаемаго съ участковъ ближе расположенныхъ къ рынку сбыта, сравнительно съ участками наиболѣе отдаленными. Но и въ этомъ видѣ опредѣленіе было бы неполно, если бы не были присоедины къ этому оговорки, что поземельная рента, въ однихъ случаяхъ, можетъ составлять достояніе одного земледѣльческаго класса, когда въ одномъ лицѣ соединяется званіе землевладѣльца и земледѣльца (при владѣніи крестьянъ-собственниковъ) а въ другихъ случаяхъ, когда въ распредѣленіи земледѣльческихъ продуктовъ участвуетъ три класса лицъ, рента принадлежитъ землевладѣльцамъ, а недѣлится между ними и фермерами [10]).

---

10) Наиболѣе наглядное объясненіе тѣхъ аналитическихъ пріемовъ, кото-

Экономическая дедукція по своей логической конструкціи представляетъ изъ себя силлогизмъ, котораго посылки могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи.—однѣ изъ нихъ выражаютъ собою факты неизмѣнные, взятые изъ отношеній людей къ природѣ (каковы вообще всѣ законы физіологическіе и законы внѣшней природы); другія же утверждаютъ факты вѣрные только для даннаго мѣста и времени—таковы всѣ факты взятые изъ современнаго хозяйственнаго быта, какъ-то: право частной собственности не землю и капиталъ, личная свобода всѣхъ классовъ общества, раздѣленіе общества въ хозяйственномъ отношеніи на три класса, организація промышленности по системѣ крупныхъ предпріятій и т. п. Посылки этой послѣдней категоріи мѣняются съ каждой новой фазой общественно-хозяйственнаго развитія и историческій характеръ этихъ посылокъ обусловливаетъ историческій характеръ самой экономической теоріи (см гл. II). Но какъ бы не модифицировались, по требованію задачи изслѣдованія, отмѣченныя нами посылки современной экономической теоріи, тѣмъ неменѣе двѣ изъ нихъ могутъ считаться основными и никогда нетеряющими окончательно своего значенія, а именно—исходныя положенія теоріи общественнаго хозяйства—что хозяйственный интересъ есть господствующій мотивъ хозяйственной дѣятельности и что государственное вмѣшательство не парализуетъ свободнаго проявленія этого мотива въ хозяйственномъ оборотѣ [11]). Если бы эти посылки, которыя формулируются, или же подразумѣваются въ политической экономіи при всѣхъ теоретическихъ построеніяхъ, перестали бы

рыми пользовались А. Смитъ, Рикардо и вообще вся классическая школа при дедуктивномъ объясненіи хозяйственныхъ явленій заключается въ сочиненіи Тюнена „Der Isolirter Staat in Beziehung auf Landwirhsbaft und Nationalokonomie“.

11) Подробное объясненіе методологическаго значенія этихъ двухъ посылокъ политической экономіи см. въ гл. 8.

отвѣчать дѣйствительности, если бы въ хозяйственномъ оборотѣ частная иниціатива и хозяйственный разсчетъ уступили бы мѣсто предписанію государства, руководствующагося другими мотивами, то въ современномъ народномъ хозяйствѣ не было бы уже мѣста той спеціальной сферѣ хозяйственныхъ отношеній, которую мы назвали общественнымъ хозяйствомъ и теоретическая экономія, разсчитанная на объясненіе только этой сферы явленій, представляла бы для насъ только историческій интересъ. Еслибы, напр. цѣны товаровъ не зависѣли больше отъ соперничества продавцовъ и покупателей, а предписывались бы государственнымъ закономъ, то современная теорія рыночныхъ цѣнъ не имѣла бы никакого научнаго значенія и экономическія явленія цѣны требовали бы прагматическаго, а не теоретическаго объясненія.

Разница между экспериментальнымъ и абстрактнымъ изслѣдованіемъ, не смотря на отмѣченное нами сходство обоихъ методовъ въ отношеніи нѣкоторыхъ общихъ имъ пріемовъ изслѣдованія, тѣмъ не менѣе настолько велика, что не можетъ быть рѣчи объ одинаковой точности результатовъ достигаемыхъ при помощи того и другаго метода. Въ то время какъ въ экспериментальномъ изслѣдованіи мы присутствуемъ при самомъ процессѣ образованія явленій и такимъ образомъ наглядно убѣждаемся въ вѣрности того или другаго полученнаго закона, при абстрактномъ изслѣдованіи хозяйственныхъ явленій вѣрность полученныхъ выводовъ не такъ очевидна. Мы видѣли, что экономическій законъ, выражая опредѣленную тенденцію, выведенную изъ данныхъ свойствъ человѣческой натуры, проявляющихся при данныхъ условіяхъ внѣшней природы, можетъ быть установленъ, если только будетъ доказано существованіе этихъ свойствъ и условій, а также доказано, что утверждаемая тенденція вытекаетъ, какъ необходимое послѣдствіе изъ этихъ данныхъ. Отсюда понятно, что въ случаѣ сомнѣнія въ достовѣрности дан-

наго ученія, принимаемаго за экономическій законъ, онъ можетъ быть опровергнутъ только тогда, когда будетъ показано, что данные принципы и условія логическимъ слѣдствіемъ которыхъ является этотъ законъ, въ дѣйствительности не существуютъ, или же что самая тенденція, существованіе которой этотъ законъ утверждаетъ, не вытекаетъ, какъ необходимая консеквенція изъ принятыхъ посылокъ. Но такъ какъ все изслѣдованіе при томъ ведется абстрактнымъ путемъ, то мы никогда не можемъ быть увѣрены, что всѣ обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ изслѣдуемое явленіе, приняты во вниманіе и что въ самомъ процессѣ вывода не сдѣлано опущенія, или ошибки. Въ виду всего этого экономисты пытались отыскать болѣе точныя гарантіи вѣрности выводимыхъ ими законовъ и въ результатѣ этихъ поисковъ появилось ученіе о необходимости особой третьей стадіи экономической дедукціи, задачу который должна составлять провѣрка экономическихъ законовъ.

Говоря о первыхъ двухъ стадіяхъ экономической дедукціи, мы излагали методологическое ученіе, относительно котораго не существуетъ разногласія среди методологовъ экономистовъ принимающихъ воззрѣнія Милля. Что касается ученія о провѣркѣ дедуктивныхъ выводовъ, то по этому вопросу существуютъ значительныя разногласія среди экономистовъ, принимающихъ дедуктивную теорію, а возрѣнія Милля по этому предмету заключаютъ въ себѣ немалыя противорѣчія. Милль, указавъ на критеріи достовѣрности экономическихъ законовъ, заключающіеся въ вѣрности и полнотѣ положенныхъ въ основаніи ихъ посылокъ и логической правильности сдѣланнаго изъ нихъ вывода, въ тоже время высказываетъ другое возрѣніе, по которому довѣріе къ дедуктивнымъ выводамъ должно считаться основательнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда эти выводы, по тщательномъ сравненіи, окажутся согласными съ результатами прямого наблюденія т. е. либо съ са-

мими конкретными явленіями либо съ ихъ эмпирическими законами, если таковые можно добыть [12]). Не очевидно ли что Милль, послѣ всей убѣдительной аргументаціи, которую онъ посвятилъ на разъясненіе различія между основными и эмпирическими законами, впадаетъ въ явное противорѣчіе, выражая требованіе, чтобы законы основные были провѣряемы наблюденіями и эмпирическими законами, и чтобы эти послѣдніе служили критеріями правильности первыхъ. Ибо если основные законы, полученные дедуктивнымъ путемъ, всегда могутъ быть, такъ сказать, скомпрометированы эмпирическими законами, то не проще ли было бы экономистамъ обращаться непосредственно къ изученію этихъ эмпирическихъ законовъ изъ прямого наблюденія надъ хозяйственною жизнью, минуя при этомъ всякіе дедуктивныя выводы, какъ это и рекомендуютъ нѣкоторые экономисты исторической школы? Въ чемъ же въ такомъ случаѣ цѣль и смыслъ экономическихъ законовъ, полученныхъ дедуктивнымъ путемъ, если вся сила экономическаго знанія заключается въ эмпирическихъ законахъ? Къ чему же послѣ этого служатъ всѣ разсужденія Милля о невозможности достигнуть познанія законовъ путемъ наблюденія и о необходимости дедуктивнаго метода?

Ученіе Милля о провѣркѣ основныхъ законовъ эмпирическими и вытекающее отсюда требованіе особой третьей стадіи дедукціи, кромѣ того, находится также въ противорѣчіи и съ его ученіемъ объ обратномъ дедуктивномъ методѣ или исторической дедукціи. Методъ обратной дедукціи, по ученію Милля, какъ извѣстно, представляется въ составѣ двухъ ча-

---

12) Д. С. Милль. Логика т. 1-й стр. 524—528; т. 2-й стр 473. Ученіе Милля о провѣркѣ раздѣляютъ, между прочими, слѣдующіе экономисты. Книссъ Pol. Oek. vom geschtlichen Standp. стр. 499, Вагнеръ Deutsche Staatswortерbuch Bluntschli und Bratter стр. 468; Его же рецензія на Schonbergs Handbuch der polit. Oekonomie. Zeitschrift fur gesammte Staatswissensc. 1883 г. 1 Heft. стр. 268—269. Wundt. Logik т. 2-й стр. 592.

стей. Первая часть обратной дедукціи составляется изъ эмпирическихъ законовъ т. е. извѣстныхъ обобщеній сдѣланныхъ чисто индуктивнымъ путемъ на основаніи наблюденій конкретныхъ явленій исторической жизни. Вторая часть обратной дедукціи заключается въ сопоставленіи эмпирическихъ законовъ съ болѣе общими законами природы, управляющими явленіями, находящимися въ самой тѣсной связи съ эмпирическими фактами, для которыхъ они служатъ временнымъ общимъ выраженіемъ или синтезомъ. Такое сопоставленіе или сличеніе имѣетъ цѣлью открыть причинную связь между этими двумя разрядами явленій—или, другими словами, показать, какимъ образомъ болѣе общія явленія, законъ которыхъ извѣстенъ и получилъ уже права гражданства въ наукѣ, производятъ болѣе частныя и спеціальныя явленія, связанныя между собою однимъ лишь эмпирическимъ обобщеніемъ. Всякій разъ, когда вслѣдствіе такого сличенія эмпирическій законъ является необходимымъ логическимъ послѣдствіемъ другаго, или другихъ болѣе общихъ законовъ природы т. е. слѣдовательно, всякій разъ какъ онъ можетъ быть выведенъ изъ нихъ чисто дедуктивнымъ путемъ, онъ теряетъ свой эмпирическій характеръ и получаетъ одинаковую съ ними степень доказанности. И такъ сопоставляя ученія Милля о прямой и обратной дедукціи, мы видимъ, что въ послѣдней провѣркой эмпирическихъ обобщеній служатъ основныя законы, тогда какъ въ первой основные законы должны провѣряться эмпирическими. Но развѣ провѣрка экономическихъ законовъ можетъ имѣть одинаковую цѣну, какъ въ томъ случаѣ, когда провѣркою служатъ законы точные, такъ и въ другомъ случаѣ, когда средствомъ такой повѣрки являются эмпирическіе законы. Отождествленіе научнаго достоинства обоихъ способовъ провѣрки, опять же, находится въ полномъ противорѣчіи съ тою характеристикою эмпирическихъ и точныхъ законовъ, которую представилъ намъ Милль. Далѣе, естественно напраши-

вается вопросъ, почему же обратная дедукція является въ составѣ двухъ частей, когда прямая дедукція, по Миллю, должна слагаться изъ трехъ частей? Ни въ своихъ философскихъ трактатахъ, ни въ своихъ экономическихъ сочиненіяхъ Милль не представилъ разрѣшенія тѣхъ противорѣчій, которыя связаны съ его ученіемъ о провѣркѣ основныхъ экономическихъ законовъ.

Единственнымъ правильнымъ исходомъ изъ этихъ противорѣчій должно служить воззрѣніе, что основныхъ законовъ явленій нельзя провѣрять конкретными явленіями, или ихъ эмпирическими законами. На эту точку зрѣнія въ послѣднее время сталъ Карлъ Менгеръ. Въ данномъ случаѣ, мы считаемъ правильнымъ воззрѣніе Менгера, который вполнѣ основательно видитъ въ требованіи провѣрки основныхъ законовъ эмпирическими смѣшеніе двухъ различныхъ родовъ изслѣдованія — эмпирико-реалистическаго и дедуктивнаго (экзактнаго), имѣющихъ въ виду совершенно различныя задачи. „Очевидно, говоритъ онъ, что прилагать къ оцѣнкѣ выводовъ экзактнаго изслѣдованія (такъ называетъ Менгеръ выводы полученные дедуктивнымъ путемъ изъ данныхъ индукцій) маштабъ эмпирико-реалистическаго изслѣдованія, значитъ не имѣетъ надлежащаго понятія о роли и сущности экзактнаго направленія въ наукѣ. Такая провѣрка была бы столь же не цѣлесообразна, какъ провѣрка положеній геометріи измѣреніями реальныхъ предметовъ, при существованіи явнаго несовпаденія между величинами, разсматриваемыми въ геометріи и измѣреніями конкретныхъ предметовъ, такъ какъ послѣдніе неизбѣжно заключаютъ въ себѣ элементы неточности. Эмпиризмъ по сравненію съ точнымъ изслѣдованіемъ не есть нѣчто высшее, но нѣчто отъ него совершенно отличное“ [13]). Еслибы, все таки, въ томъ

13) Menger Untersuch. стр. 30, 59. Воззрѣніе защищаемое Менгеромъ, которое въ сущности является послѣдовательнымъ выводомъ изъ ученія Милля объ экономической дедукціи, раньше его высказывалось и другими экономис-

или другомъ случаѣ, была примѣнена провѣрка экономическихъ законовъ, о которой говоритъ Милль, то въ дѣйстви-

---

стами. Проф. Гаттенбергеръ въ своемъ сочиненіи о Вѣнскомъ кризисѣ, указавъ на теорію, объясняющую причину кризисовъ несоразмѣрностью между производствомъ и потребленіемъ, раздѣляемою такими экономистами, какъ Рошеръ, Шефле, Максъ Вирть, замѣчаетъ, „что изслѣдованіе частныхъ причинъ того или другаго отдѣльнаго кризиса не можетъ служить провѣркою общей теоріи кризисовъ. Задача изслѣдованія заключающагося въ объясненіи причинъ происхожденія Вѣнскаго кризиса, сводится къ указанію ряда явленій, которыя могли произвести несоразмѣрность между созданіемъ и распредѣленіемъ кредитныхъ цѣнностей. Но такая работа не можетъ служить провѣркою существующей теоріи кризисовъ въ смыслѣ воззрѣнія Милля, потому что эта теорія есть теорія возможныхъ причинъ". (Вѣнскій кризисъ 1871 г. Спб. стр. 18, 19—20). Такъ же у Шторха мы находимъ слѣдующія строки. „Въ экономическихъ изслѣдованіяхъ, нужно отличать факты общіе или постоянные отъ фактовъ частныхъ или измѣняемыхъ Въ политической экономіи тотъ фактъ, по которому человѣкъ, руководимый желаніемъ улучшить свою судьбу, расположенъ дѣлать сбереженія т. е. уменьшать свои настоящія потребности для обезпеченія потребностей будущихъ, признается фактомъ всеобщимъ; если мы замѣчаемъ иногда людей дѣйствующихъ въ противоположномъ направленіи—то это фактъ частный, который нисколько не исключаетъ факта общаго, потому что во всѣхъ странахъ людей бережливыхъ и предусмотрительныхъ болѣе, чѣмъ расточительныхъ и неосмотрительныхъ. Частные факты не менѣе неоспоримы, какъ и общіе, даже тогда, когда они какъ бы противорѣчатъ симъ послѣднимъ; но только одни факты общіе служатъ основаніемъ для общихъ законовъ, тогда какъ частные составляютъ изъ нихъ одни лишь исключенія. Всякій новый частный фактъ, стоящій особнякомъ, если разумѣніе не открываетъ въ немъ связи съ дѣйствіями ему приписываемыми, не въ состояніи поколебать общаго факта, потому что остается сомнѣніе, не произвело ли разницы, замѣчаемой въ результатахъ одного и другаго факта, какое либо неизвѣстное обстоятельство. Я вижу легко, что перо качается и дѣлаетъ разныя движенія въ воздухѣ, прежде нежели падаетъ на землю Неужели заключить изъ этого, что сила тяготѣнія для него не существуетъ. Конечно нѣтъ. Въ политической экономіи фактъ соразмѣряемости между процентомъ на капиталъ и рискомъ заимодавца есть фактъ общій: заключу ли я что принципъ ложенъ, потому что иногда ссужаютъ деньгами за малый $^0/_0$? Заимодавецъ могъ незнать своего риска, признательность могла внушить ему сдѣлать пожертъованіе и общій законъ, нарушенный въ частномъ случаѣ, долженъ воспринять свою силу, какъ только причины его нарушенія перестанутъ дѣйствовать". (Курсъ пол. эк. 1881 г. стр. 10—15). „Ученіе, имѣющее своимъ предметомъ объясненіе закономѣрности хозяйственныхъ явленій, говоритъ Кэрнсъ, неможетъ быть ни построено ни отвергнуто на основаніи описанія этихъ явленій, несмотря на всю убѣдительность статистическихъ или другого рода документальныхъ данныхъ, въ которыхъ такое описаніе изображало бы намъ ходъ промышленныхъ дѣлъ". Cairnes. Log. Method. стр. 99. Тоже самое воз-

тельности она представляла бы ничто иное какъ превращеніе абстрактныхъ истинъ въ конкретныя, основныхъ экономическихъ законовъ въ эмпирическіе [14]).

Въ самомъ дѣлѣ, если бы всѣ ошибки въ существующихъ экономическихъ теоріяхъ можно было бы исправлять провѣркой ихъ наблюденіемъ конкретныхъ явленій, то тогда рѣ-

---

зрѣніе, почти буквально, высказываетъ Филипповичъ: см. Aufgabe und Methode стр. 54. примѣч. Достойно вниманія, что Давидъ Рикардо пользовавшійся съ неподражаемымъ мастерствомъ дедуктивнымъ методомъ въ своихъ экономическихъ изслѣдованіяхъ и обыкновенно весьма скупой на всякія методологическія объясненія, высказываетъ такое же воззрѣніе на провѣрку экономическихъ законовъ. „Въ политической экономіи, пишетъ онъ въ полемическомъ письмѣ къ Мальтусу, слишкомъ много сочетаній, слишкомъ много дѣйствующихъ причинъ, такъ что весьма опасно ссылаться на опытъ для доказательства какого либо ученія"... Въ другомъ мѣстѣ, оправдывая основную посылку своихъ экономическихъ построеній, заключающуюся въ презумціи, что въ хозяйственныхъ дѣлахъ люди руководствуются желаніемъ достигать возможно большихъ результатовъ посредствомъ возможно меньшого количества издержекъ, Рикардо говоритъ: „для меня небудетъ отвѣтомъ, если вы мнѣ скажите, ссылаясь на практическую жизнь, что люди незнаютъ лучшого и наиболѣе дешеваго веденія своихъ дѣлъ, потому что это вопросъ факта, а не науки и можетъ быть сдѣланъ противъ почти всѣхъ положеній политической экономіи". Lettres of D. Ricardo to Tomas Robert Maltus. Oxford. 1887. Цитир. по реферату г. Герценштейна Юрид. Вѣсти 1888 г. № 12. стр. 608. „Нападать на теорію политической экономіи, говоритъ Шербюлье, ссылаясь на факты встрѣчающіеся въ дѣйствительной жизни, которые кажутся противорѣчащими этой теоріи—это значитъ frapper l'aire avec un baton". Cherbulier. Sciens. econ. Paris 1862 г. стр. 12, 18. Въ томъ же смыслѣ высказывается швейцарскій экономистъ Leon Walras см. его Elements d'economie politique. Lausanne. 1875 г. стр. 32.

14) Такое превращеніе основныхъ законовъ въ эмпирическіе Вундтъ называетъ *детерминированіемъ*. Детерминированіе, по его опредѣленію, состоитъ въ томъ, что къ понятіямъ, полученнымъ путемъ предварительной абстракціи, прибавляются разные спеціальные признаки и такимъ образомъ получается понятіе, приближающееся къ конкретнымъ фактамъ, такъ напр. геометрическія понятія, добытыя путемъ абстракціи, могутъ быть совершенно преобразованы въ примѣненіи ихъ къ конкретнымъ формамъ предметовъ. Вундтъ различаетъ два рода детерминированія, соотвѣтствующіе двумъ родамъ абстракціи. Въ однихъ наукахъ абстракціи получаются путемъ изолированія извѣстнаго рода явленій отъ другихъ, въ другихъ—путемъ генерализированія отдѣльныхъ чертъ цѣлыхъ массъ подобныхъ явленій. Превращеніе перваго рода абстракцій Вундтъ называетъ коллегированіемъ, а превращеніе абстракція второго рода—спецификаціей. Logik B. 2. стр. 15.

шеніе труднѣйшихъ теоретическихъ вопросовъ, надъ которыми столько лѣтъ бьются экономисты, было бы чрезвычайно упрощено и многочисленные споры о цѣнности, о законахъ распредѣленія были бы примирины посредствомъ простой справки съ конкретными явленіями. Такой путь былъ бы простѣйшимъ исходомъ для разрѣшенія всѣхъ недоразумѣній и возраженій, которыя все еще вызываютъ—теорія трудовой цѣнности Маркса, теорія полезности Джевонса и новѣйшая теорія предѣльной цѣнности (Grenznutrung) Бемъ-Баверка. Большою несообразностью тогда представлялось бы то обстоятельство, что до сихъ поръ этому простѣйшему пути экономисты предпочитали трудный способъ абстрактнаго анализа для разрѣшенія подобныхъ вопросовъ, по поводу которыхъ теперь ведутся споры между различными учеными и школами, а превосходство остается за той стороной, которая успѣваетъ показать вѣрность своихъ посылокъ и правильность выводовъ, или же неправильность посылокъ и выводовъ своихъ противниковъ. Мы не только не можемъ считать критеріумомъ вѣрности основанныхъ законовъ ихъ согласіе съ конкретными фактами, но на основаніи того, что мы знаемъ о спеціальныхъ особенностяхъ обоихъ способовъ изслѣдованія, можемъ даже утверждать, что основные законы, вообще, завѣдомо не могутъ и не должны совпадать съ результатами эмпирическаго изслѣдованія. Послѣднее изображаетъ намъ индивидуальныя явленія, въ которыхъ элементы всѣхъ трехъ хозяйственныхъ состояній-частнаго, общественнаго и государственнаго хозяйства смѣшаны между собою, а явленія хозяйственныя соединены со всею массою явленій другихъ категорій явленій—политическихъ, моральныхъ и т. п., между тѣмъ какъ въ теоретической экономіи разсматривается опредѣленная категорія явленій народнаго хозяйства, выдѣленная изъ всей массы образующихъ его явленій путемъ предварительнаго анализа. Главнѣйшія ученія теоріи общественнаго хозяйства, основываются на презумціи,

что всѣ люди въ хозяйственной области слѣдуютъ лишь мотиву хозяйственнаго разсчета и что свобода ихъ хозяйственной дѣятельности не стѣснена государственнымъ вмѣшательствомъ. Такимъ образомъ въ самыхъ посылкахъ теоріи общественнаго хозяйства предопредѣлена та сфера хозяйственныхъ явленій, на объясненіе которыхъ она разсчитана. Эмпирическое изслѣдованіе можетъ показать намъ много случаевъ, въ которыхъ желаніе обладать хозяйственными благами не служило побужденіемъ къ систематической хозяйственной дѣятельности, но приводило къ обману, насилію и къ грабежу, а также случаи въ которыхъ частная инициатива и конкуренція предпринимателей ограничена, или же совсѣмъ устранена предписаніемъ государственной власти. И всѣ эти указанія наблюденія надъ конкретными явленіями представляютъ цѣнныя факты для описательнаго изображенія хозяйственнаго быта, составляющаго задачу хозяйственной исторіи и статистики, но они не имѣютъ рѣшающаго значенія въ сужденіяхъ о правильности теорій общественнаго хозяйства Поправка основныхъ законовъ конкретными явленіями, наблюдаемыми въ хозяйственномъ быту во многихъ случаяхъ приводила бы, 1) къ смѣшенію явленій народно-хозяйственныхъ съ явленіями частнаго хозяйства и 2) къ смѣшенію типическихъ формъ хозяйственныхъ явленій съ явленіями индивидуальными. Политическая экономія представляетъ немало примѣровъ такихъ теорій, ошибочность которыхъ вытекала изъ того, что экономисты въ своихъ изслѣдованіяхъ, имѣвшихъ предметомъ общественно хозяйственныя явленія, исходили изъ разсужденія объ отдѣльныхъ конкретныхъ явленіяхъ. Мы приведемъ здѣсь для примѣра только одно экономическое ученіе, невѣрность котораго происходила изъ этого источника —именно теорію, такъ называемаго, заработнаго фонда, въ свое время защищаемую Миллемъ, но отъ которой онъ впослѣдствіи отказался. Теорія эта утверждала, что заработная плата получается рабочими не изъ

цѣнности произведеннаго ими продукта, а изъ предварительнаго запаса капитала, которымъ обладаетъ всякій капиталистъ до начала того или другаго предпріятія Изъ этого положенія выводилась, какъ необходимое слѣдствіе, теорема, утверждавшая, что размѣръ рабочей платы получаемой всѣмъ вообще рабочимъ классомъ предопредѣляется величиною запаснаго капитала, или „заработнаго фонда", которымъ располагаетъ данная страна для уплаты вознагражденія за трудъ рабочихъ. Эта теорія, между прочимъ, служила для Мальтуса практическимъ аргументомъ, на которомъ онъ основывалъ свои возраженія противъ возможности поднятія уровня рабочей платы и связаннаго съ этимъ повышенія благосостоянія рабочихъ классовъ. Но цѣлый рядъ экономистовъ, доказывающихъ другое теоретическое положеніе, что рабочая плата получается изъ продукта, есть часть продукта произведеннаго въ тотъ періодъ времени, за который она уплачивается—именно Торнтонъ, Уокеръ (Walker), Родбертусъ, въ послѣднее время Джоржъ, указывали на то, что если сторонники противоположнаго воззрѣнія пришли къ другому заключенію поэтому предмету, то это произошло вслѣдствіе того, что они въ своихъ сужденіяхъ постоянно имѣютъ въ виду отдѣльное частное хозяйство. Если разсматривать отдѣльное частное предпріятіе, какъ независимую единицу, то мы дѣйствительно увидимъ, что каждый отдѣльный предприниматель, для того чтобы вести производство, долженъ имѣть запасъ денежныхъ знаковъ для уплаты вознагражденія рабочимъ и онъ дѣйствительно уплачиваетъ заработную плату раньше, чѣмъ продуктъ окончательно изготовленъ, или, покрайней мѣрѣ, раньше чѣмъ онъ проданъ. Но это же явленіе, говорятъ противники теоріи зароботнаго фонда, представится въ иномъ видѣ, если мы будемъ его разсматривать съ точки зрѣнія всего народнаго хозяйства т. е. того цѣлаго, которое образуетъ собою совокупность отдѣльныхъ частныхъ предпріятій. Эти отдѣльныя предпріятія вовсе непредставляютъ изъ себя независимыхъ

единицъ, они соединены между собою общественнымъ раздѣленіемъ труда, и производятъ—не продукты для собственнаго потребленія (по пословицѣ—пасѣчникъ меду неѣстъ, гробовщикъ изготовляетъ гробы не для себя), а цѣнности, содержащія въ себѣ эквиваленты всѣхъ тѣхъ предметовъ потребленія, необходимыхъ для предпринимателей и рабочихъ, которые получаются отъ другихъ производителей путемъ обмѣна. Очевидно, что если въ томъ или другомъ отдѣльномъ предпріятіи производится продуктъ, оплачиваемый на рынкѣ по стоимости его производства, то въ спеціальной формѣ даннаго продукта воспроизведена цѣнность и того, что необходимо для содержанія людей, трудившихся при его производствѣ. Далѣе, можетъ быть констатировано, какъ всеобщее явленіе вовсѣхъ предпрятіяхъ, что заработная плата уплачивается понедѣльно, мѣсячно, или поденно т. е. послѣ того когда рабочій создалъ уже своимъ трудомъ опредѣленную цѣнность, одну долю которой онъ и получаетъ въ видѣ заработной платы. Если при этомъ заработанная плата выдается раньше, чѣмъ продуктъ окончательно изготовленъ, или же когда онъ хотя изготовленъ, но не проданъ, то все таки съ народнохозяйственной точки будетъ совершенно правильно сказать, что заработная плата есть часть цѣнности уже́ произведеннаго продукта, уплачивается изъ продукта, а не изъ капитала. Правда, бываетъ иногда и такъ, что заработная плата уплачивается до начала работы, но въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ особый видъ заработной платы, осложненной кредитною сдѣлкою, т. е. конкретное явленіе, которое неопровергаетъ общаго факта. Противниками теоріи заработнаго фонда было также обращено вниманіе, что въ первобытномъ хозяйствѣ особенно наглядно выступаетъ тотъ фактъ, что содержаніе работника получается изъ цѣнности произведеннаго имъ продукта. Первобытной человѣкъ ѣстъ дикія ягоды, послѣ того какъ онъ ихъ найдетъ, носитъ звѣриную шкуру послѣ того какъ убьетъ звѣря. Ска-

зать же въ данномъ случаѣ, что дикарь получаетъ свое содержаніе изъ „запаснаго фонда“ —это значило бы утверждать, что пища утоляетъ его голодъ, а одежда грѣетъ раньше чѣмъ эти предметы имъ добыты. Явленіе наглядно выступающее въ первобытномъ хозяйствѣ дикаря (т. е. что содержаніе работника получается изъ цѣнности продукта текущаго труда) имѣетъ мѣсто и въ современномъ сложномъ мѣновомъ хозяйствѣ, но оно замаскировано общественно-хозяйственнымъ раздѣленіемъ труда, употребленіемъ денегъ, какъ платежнаго средства, а также кредитными сдѣлками часто соединяемыми съ заработной платой.

Ученіе, защищаемое Торнтономъ и Уокеромъ—что содержаніе рабочихъ получается изъ цѣнности продукта текущаго производства, а не изъ капитала—есть только одна изъ необходимыхъ консеквенцій общей теоріи распредѣленія, выведенной дедуктивнымъ путемъ, съ соблюденіемъ извѣстныхъ методологическихъ условій. Исправленіе этого ученія простымъ наблюденіемъ надъ конкретными явленіями было бы смѣшеніемъ двухъ качественно различныхъ порядковъ хозяйственныхъ явленій. Если бы этотъ способъ провѣрки получилъ всеобщее примѣненіе къ политической экономіи, то результатомъ этого было-бы извращеніе, имѣющихъ уже нѣкоторыя, такъ сказать, права гражданства, основныхъ экономическихъ ученій о цѣнности, капиталѣ, доходѣ и т. п. [15]). Но если конкретныя явленія и эмпирическіе законы не могутъ служить провѣркою основныхъ законовъ, полученныхъ въ результатѣ дедуктивнаго вывода, то они за то могутъ и должны служить незамѣнимымъ средствомъ контроля надъ правиль-

15) См. Зиберъ. „Теорія цѣнности и капитала“, въ новой переработкѣ подъ заглавіемъ „Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ“, 1885 г. Спб. стр. 12, гдѣ приведены ошибки въ разныхъ теоріяхъ цѣнности, произшедшія вслѣдствіе смѣшенія явленій частнаго хозяйства (наиболѣе конкретныхъ) съ народно-хозяйственными явленіями.

ностью самыхъ посылокъ, на основаніи которыхъ построенъ данный экономическій законъ — и это уже вполнѣ согласуется съ общимъ ученіемъ о роли индуктивныхъ изслѣдованій въ первой стадіи дедукціи. Если бы, напримѣръ, по отношенію къ теоріи поземельной ренты Рикардо были бы приведены взятые изъ наблюденія факты, показывающіе невѣрность агрономическаго закона возвращенія затратъ труда и капитала на одномъ и томъ же участкѣ, или же было дознано, что разстояніе земельныхъ участковъ отъ рынка и различіе въ плодородіи почвы вовсе не оказываютъ вліянія на образованіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, излишка цѣнности продуктовъ, сверхъ необходимаго на покрытіе затраты труда и капитала съ обыкновенною прибылью—то тѣмъ самымъ была бы доказана невѣрность всей теоріи поземельной ренты. Именно въ одномъ изъ этихъ пунктовъ старались опровергать Рикардовскую теорію ренты Кэри и Родбертусъ [16]), поэтому нападки этихъ экономистовъ на теорію Рикардо, независимо отъ убѣдительности представленныхъ ими аргументовъ, должны считаться съ методологической стороны совершенно правильными. Но если бы желая доказать несостоятельность той же теоріи стали ссылаться на единичные факты нахожденія подъ обработкой, такихъ земель, которыя не возвращаютъ ихъ воздѣлывателямъ и обыкновенной прибыли на затраченный капиталъ, то такая аргументація не имѣла бы никакой научной цѣны. Въ смыслѣ нами утверждаемомъ понимаетъ исправленіе выводовъ экономической дедукціи Кэрнсъ, говоря о тѣхъ поправкахъ, которыя Тукъ на основаніи своихъ историко-статистическихъ изслѣдованій внесъ въ господствовавшее въ его время ученіе о цѣнѣ и денежномъ обращеніи (Currency Theory) [17]).

---

16) См. Rodbertus-Jagetzow Zweite Brief an von der Kirchman.

17) Log. Method. стр. 91.

Изъ предыдущихъ очерковъ можно видѣть, что методологическіе вопросы теоретической экономіи не исчерпываются вопросомъ о роли индукціи и дедукціи въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ. Все что было нами сказано объ экономической дедукціи имѣетъ значеніе для характеристики теоретико-экономическихъ изслѣдованій по отношенію къ другимъ отраслямъ экономической науки (хозяйственной статистикѣ и исторіи, политикѣ и наукѣ о финансахъ). Тѣ болѣе частныя методологическія требованія, соблюденіе которыхъ служитъ условіемъ правильнаго примѣненія дедуктивной методы — въ предыдущемъ изложеніи были нами едва только намѣчены. Одно изъ важнѣйшихъ методологическихъ положеній, заключающееся въ требованіи строгаго разграниченія между двумя точками зрѣнія на хозяйственныя явленія — частно-хозяйственной и общественно-хозяйственной — прямо вытекаетъ, какъ необходимая консенвенція изъ того что нами было сказано о предметѣ теоретической экономіи, какъ наукѣ объ общественномъ хозяйствѣ. Послѣдовательное приведеніе этого требованія должно служить однимъ изъ важнѣйшихъ условій при рѣшеніи труднѣйшихъ экономическихъ проблемъ, относящихся къ теоріи распредѣленія и къ ученію капиталѣ, рентѣ и т. п. экономическихъ институтахъ.

Резюмируя содержаніе предыдущихъ очерковъ, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній относительно законовъ теоретической политической экономіи — ихъ характера, условій примѣненія къ объясненію хозяйственныхъ явленій и отношенія теоретическихъ ученій къ другимъ отраслямъ и направленіямъ экономическихъ изслѣдованій.

1) Теоретическія ученія политической экономіи суть законы одной части общественныхъ явленій, — они имѣютъ своимъ предметомъ выясненіе хозяйственныхъ формъ общественности. Этотъ характеръ теоретическихъ доктринъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ точно передается опредѣленіемъ политической

экономіи, какъ „науки изслѣдующей законы тѣхъ общественныхъ явленій, которыя проистекаютъ изъ соединеной дѣятельности людей, направленной на производство благъ, *насколько эти явленія не модифицируются преслѣдованіемъ другихъ какихъ либо цѣлей (пріобрѣтеніе путемъ обмана, деликта и т. п.* [18]).

2) Послѣ того, что нами было сказано объ историческомъ характерѣ теоретической экономіи и ея предметѣ (гл. II и III) само собою слѣдуетъ, что ея ученія или законы могутъ быть примѣнены только къ объясненію того хозяйственнаго состоянія изъ котораго они взяты. Или, другими словами, законы теоретической экономіи могутъ объяснить намъ явленія современнаго денежнаго хозяйства культурныхъ народовъ, и притомъ только явленія одной изъ трехъ сферъ народнаго хозяйства, прибавимъ, самой сложной и самой трудной для объясненія.

3) Теоретическая экономія есть наука *аналитическая*. Она изображаетъ хозяйственную жизнь, давая намъ законы ея господствующихъ факторовъ или тенденцій, которыя при наблюденіи конкретныхъ явленій бываютъ заслонены для глаза наблюдателя присутствіемъ второстепенныхъ обстоятельствъ. То что при такомъ изображеніи теряется въ детальности, восполняется обширностью кругозора, причемъ, получается воз-

---

18) См. I. I. Mill. Essays. стр. 140. Германскіе теоретики экономисты, характеризуя ученія теоретической экономіи, называютъ ихъ „законами хозяйственности“ (Wirtschaflichkeit), въ отличіе отъ эмпирическихъ законовъ. Это опредѣленіе едвали правильно. При такомъ опредѣленіи экономическіе кризисы, какъ крайнее проявленіе дурныхъ, невыгодныхъ для общества хозяйственныхъ явленій (Misswirtschaft) не должны были бы разсматриваться въ абстрактной теоретической экономіи, а между тѣмъ эти явленія вовсе не говорятъ еще о томъ, что заинтересованные въ данномъ случаѣ люди отступили отъ преслѣдованія своихъ чисто-хозяйственныхъ интересовъ, но они показываютъ только, что дѣятельность людей, при всемъ ихъ стараніи осуществить свои интересы, приводитъ иногда, вслѣдствіе условій общественно-хозяйственной организаціи, къ неудовлетворительнымъ результатамъ. Приведенное въ текстѣ опредѣленіе Милля не исключаетъ разсмотрѣнія и подобныхъ явленій, а потому оно правильнѣе

можность обозрѣнія всей хозяйственной структуры общества. Абстрактно-теоретическое направленіе въ политической экономіи можно сравнить съ пріемомъ практикуемымъ при топографическомъ изученіи страны. Когда требуется обозрѣть очертанія какой либо мѣстности, то изслѣдователь для этого поднимается на какую нибудь возвышенность, отъ этого онъ несомнѣнно много теряетъ, такъ какъ тѣ малые предметы, которые онъ, стоя внизу, могъ бы видѣть отчетливо, во всѣхъ подробностяхъ, становятся едва замѣтными и даже вовсе невидимыми, но за то онъ и много выигрываетъ: съ высоты изслѣдователю сразу открываются общія очертанія данной мѣстности, долины, лѣса, рѣки, озера и ихъ расположеніе. Въ теоретическомъ изслѣдованіи хозяйственной жизни многія подробности исторической дѣйствительности расчитано затушеваны, съ тѣмъ чтобы удобнѣе выяснить общій складъ народно-хозяйственныхъ отношеній. Но конечно было бы большею ошибкою переносить эти пріемы теоретическаго изслѣдованія и въ сферу историческаго и эмпирическаго изслѣдованія конкретныхъ явленій. Къ большей части теоретическихъ истинъ политической экономіи вполнѣ приложимы слѣдующія слова Бэджгота. „Всякая научная идея или представленіе есть ничто иное какъ конкретный фактъ, или рядъ конкретныхъ фактовъ — минусъ то что выбразывается или исключается изъ реальной дѣйствительности“... Беджготъ, поэтому, называетъ методъ теоретической экономіи „singl case method“, въ отличіе отъ историческаго, или статистическаго изслѣдованія конкретныхъ явленій, которое онъ обозначаетъ терминомъ „all case method“. Конечно тотъ родъ знанія, который представляетъ собою теоретическая экономія не можетъ замѣнить собою ни хозяйственной статистики, ни исторіи хозяйственнаго быта, ни равно системы ученій, составляющихъ предметъ хозяйственной политики, но всѣ эти отрасли экономическихъ знаній, являясь односторонними въ отдѣльности, составляютъ въ своей совокупности полную систему экономи

ческой науки. Такимъ образомъ къ изученію хозяйственной жизни народа можно приближаться не иначе, какъ сложнымъ путемъ, расчленяя задачи изученія и точки зрѣнія, съ которыхъ можно разсматривать хозяйственныя явленія. Факты, теоремы, правила — вотъ три класса положеній, изъ которыхъ слагается все экономическое знаніе. Дѣленіе исторической жизни на періоды, дѣленіе всей сложной организаціи народнаго хозяйства на отдѣльные сферы хозяйственныхъ отношеній, абстрагированіе однихъ сторонъ общественной жизни отъ другихъ, изученіе типовъ хозяйственныхъ явленій, на ряду съ изученіемъ конкретныхъ явленій, изученіе тѣхъ и другихъ съ точки зрѣнія общественной статики и динамики — таковы тѣ сложные пути и пріемы, которые ведутъ къ познанію хозяйственной жизни. Въ этомъ смыслѣ политическая экономія является сложною наукою преслѣдующею цѣлый рядъ различныхъ задачъ и пользующуюся разнообразными методами [19]).

---

19) Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести, для дополненія представленной нами характеристики теоретической экономіи, слѣдующія превосходныя замѣчанія талантливаго отечественнаго мыслителя, относительно общихъ критеріевъ научныхъ истинъ вообще, замѣчанія имѣющія особенную цѣну въ виду тѣхъ возраженій, которыя вызываютъ вышеизложенные пріемы теоретическаго изслѣдованія со стороны исторической школы. — „Наука изслѣдуетъ нецѣльный предметъ, въ его совокупности, въ его живой дѣйствительности, пишетъ покойный Кавелинъ, а только одни условія и законы его существованія и дѣятельности и обобщаетъ эти законы и условія въ общія формулы. Вслѣдствіе этого она вездѣ и всегда начинаетъ съ разложенія дѣйствительнаго живаго факта на его составныя части и получаетъ въ результатѣ уже нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ была дѣйствительность, подвергнутая научному анализу. Результатъ этотъ состоитъ въ обнаруженіи и пониманіи условій и законовъ дѣйствительной жизни. Оттого то выводы науки представляютъ совсѣмъ иныя комбинаціи, чѣмъ какія дѣйствительно существуютъ и вовсе на нихъ не похожія. Эти комбинаціи, когда они сдѣланы совершенно правильно, на основаніи всѣхъ характерныхъ явленій, суть несомнѣнныя истины, отвѣчающія дѣйствительности, но истины въ объясненномъ выше смыслѣ т. е *представляющія соотвѣтствіе нашего пониманія съ тѣми законами и условіями, которыя дѣйствительно управляютъ живыми явленіями.* Наука даетъ намъ, такимъ образомъ, знаніе того что есть, но съ особенной точки зрѣнія, съ извѣстной стороны, которая отвлечена отъ

Выполненіе же этихъ задачъ раздѣлено между рядомъ отдѣльныхъ наукъ о народномъ хозяйствѣ—теоретическихъ, историческихъ и прикладныхъ.

Историческая школа экономистовъ не признаетъ ни этого разграниченія задачъ экономической науки, ни тѣхъ методологическихъ основъ теоретическаго изслѣдованія въ политической экономіи, выясненію которыхъ были посвящены предыдущіе очерки. Возраженія, представленныя въ обоихъ отношеніяхъ историческою школою, въ свою очередь, основываются на особой системѣ методологическихъ воззрѣній этой школы, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и переходимъ[20]).

дѣйствительности и совсѣмъ иначе комбинируется въ нашемъ умѣ". Кавелинъ. Злоба дня. Посмертная статья въ „Русск. Мысли". 1888 г. Апрѣль.

20) Историческая школа экономистовъ, ставшая въ опозиціонное положеніе по отношенію къ методологіи, возникшей на почвѣ классической школы, распадается, въ настоящее время, на двѣ группы—германскихъ и англійскихъ экономистовъ. Въ то время какъ въ Германіи школа эта получила преобладаніе въ наукѣ и только въ самое послѣднее время вызвала противъ себя реакцію, въ Англіи она только начинаетъ завоевывать себѣ сторонниковъ, причемъ англичане, за немногими исключеніями, (Клифъ Лесли, Интремъ, Коннигамъ, Connigham) вовсе не раздѣляютъ крайностей и односторонностей исторической школы, заимствовавъ у нея то, что дѣйствительно представляетъ научную цѣну—ея склонность къ историческимъ и статистическимъ изслѣдованіямъ хозяйственнаго быта.

V.

Очеркъ воззрѣній исторической школы въ политической экономіи на задачи и методы этой науки.

Методологическія воззрѣнія исторической школы мы сводимъ къ слѣдующимъ тремъ категоріямъ, представляемымъ различными группами и оттѣнками этой школы. 1) Воззрѣніе на политическую экономію, какъ на науку чисто историческую, въ томъ смыслѣ, что изслѣдованіе явленій въ процессѣ ихъ развитія есть единственная точка зрѣнія, которая должна быть прилагаема въ политической экономіи. 2) Воззрѣніе на политическую экономію, какъ на науку этическую, или какъ на науку, изслѣдующую хозяйственныя явленія „какъ они должны быть“, съ точки зрѣнія хозяйственной политики. 3) Направленіе требующее изученія хозяйственныхъ явленій въ связи со всѣми явленіями общественной жизни политической, моральной, юридической и т. п. 4) Всѣ вышеназванныя системы методологическихъ воззрѣній сходятся между собою въ одномъ—въ отрицательномъ отношеніи къ теоретической экономіи англійской классической школы. Совокупность воззрѣній на эту теорію и ея методу образуетъ цѣлую критическую литературу, которая занимаетъ видное мѣсто въ методологическихъ воззрѣніяхъ исторической школы. По этимъ четыремъ пунктамъ мы и разсмотримъ воззрѣнія исторической школы. При чемъ въ виду нѣкоторой своеобразности этихъ воззрѣній, которая легко могла сгладиться, или утратиться при свободномъ изложеніи, мы предпочитаемъ передачу отдѣльныхъ воз-

зрѣній исторической школы близкую къ формѣ выраженій и подлиннымъ словамъ ихъ авторовъ—извѣстнаго рода грубый видъ реализма весьма умѣстный, какъ намъ кажется, въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится полемизировать съ чужими мнѣніями.

Воззрѣніе исторической школы на политическую экономію, какъ на науку историческую.

Сочиненіе Вильгельма Рошера „Grundriss zu Vorlesungen uber die Staatswirtschaft nach Geschichtlicher Methode", вышедшее въ Геттингенѣ, въ 1843 году, по общему признанію главнѣйшихъ представителей исторической школы, является трактатомъ, въ которомъ впервые изложены начала систематики и методологіи политической экономіи въ духѣ этой школы. Въ этомъ сочиненіи Рошеръ прямо задается цѣлью представить „систему экономической науки по историческому методу". Свои воззрѣнія на задачи политической экономіи и методъ, которымъ они могутъ быть рѣшены, Рошеръ формулируетъ въ видѣ слѣдующихъ краткихъ положеній. 1) Вопросъ о томъ, какимъ образомъ лучше всего можно содѣйствовать національному благосостоянію, конечно, есть главный вопросъ въ политической экономіи, но этотъ вопросъ не составляетъ ея исключительной задачи. Наука о народномъ хозяйствѣ, по существу, есть не только искуство сдѣлаться богатымъ, но она, въ то же время, является и политической наукой, въ которой идетъ рѣчь объ уясненіи существующихъ явленій. Этой послѣдней цѣли политическая экономія достигнетъ, въ томъ случаѣ, когда она намъ представитъ изображеніе того, что народы въ хозяйственномъ отношеніи думали и чувствовали, чего желали, къ чему стремились и чего достигали, почему они стремились и почему достигали; но такое изображеніе возможно для политической экономіи только въ тѣснѣйшей связи съ

другими науками о народной жизни, а въ особенности въ связи съ исторіей права и исторіей культуры. 2) Народъ, однако, не есть только масса теперь живущихъ индивидуумовъ, и изслѣдователь народнаго хозяйства не долженъ ограничиваться лишь наблюденіемъ современныхъ хозяйственныхъ отношеній. На ряду съ этимъ послѣднимъ, равную важность представляетъ изученіе хозяйственныхъ отношеній на болѣе раннихъ ступеняхъ развитія, которое помогаетъ уяснить хозяйственное состояніе современныхъ намъ народовъ. 3) Трудность извлечь изъ большой массы явленій существенное и закономѣрное настоятельно побуждаетъ насъ сравнивать между собою въ хозяйственномъ отношеніи всѣ народы, которые мы имѣемъ возможность изучать. Но современные народы, во всѣхъ моментахъ ихъ жизненныхъ отношеній, такъ тѣсно связаны между собою, что основательное изученіе каждаго народа въ отдѣльности невозможно безъ изученія остальныхъ. Въ особенности представляютъ для насъ много поучительнаго древніе народы, отжившіе свой вѣкъ, такъ какъ развитіе ихъ представляется нашему взору въ совершенно законченномъ видѣ. 4) Историческому методу вовсе не свойственно одобрять, или порицать тотъ или другой хозяйственный институтъ, потому что весьма немного существуетъ такихъ учрежденій, которыя для всѣхъ народовъ и на всѣхъ ступеняхъ развитія были бы одинаково благодѣтельны, или вредны. Помочи ребенка и палка старика не годятся для человѣка зрѣлыхъ лѣтъ. Поэтому главная задача науки заключается въ томъ, чтобы показать „какимъ образомъ и почему, цѣлесообразныя явленія постепенно преобразовывались въ нелѣпыя, а изъ благодѣянія дѣлалось бѣдствіе“ (wie und warum allmählig aus Vernunft Unsinn, aus Wohlthat Plage geworden.—) [1]). Въ своемъ „Конспектѣ лекцій политической экономіи, по историческому методу“, Рошеръ не

1) Grundriss стр. IV—V.

только спеціально для себя, въ данномъ случаѣ, ставитъ чисто историческія задачи изслѣдованія въ области народнаго хозяйства, но онъ считаетъ, при этомъ, историческую точку зрѣнія единственно научною точкою зрѣнія, съ которой должны быть, вообще, изслѣдуемы хозяйственныя явленія. „Политическая экономія, говоритъ онъ категорически, есть наука о законахъ развитія народнаго хозяйства". Въ такомъ же смыслѣ онъ понимаетъ и всѣ теоретическія общественныя науки—общую политику, административное право, международное право, представляя ихъ, какъ науки, которыя съ разныхъ сторонъ изображаютъ законы развитія государства [2]). Въ позднѣйшемъ изданіи „Основаній политической экономіи" мы встрѣчаемъ у Рошера то же самое опредѣленіе политической экономіи, какъ ученія о законахъ развитія хозяйственной жизни. Онъ называетъ также политическую экономію „философіей народно-хозяйственной исторіи" [3]).

Въ 1853 году Карлъ Книсъ издаетъ свою книгу: „Die politische Oekonomie vom Standtpuncte der Geschichtlichen Methode", которая до сихъ поръ остается самымъ капитальнымъ сочиненіемъ исторической школы по методологіи политической экономіи. Высокая и вполнѣ заслуженная ученая репутація К. Книса, какъ глубоко образованнаго экономиста, а вмѣстѣ съ тѣмъ, то большое вліяніе, которое его сочиненіе, какъ своими научными достоинствами, такъ и недостатками, оказало на весь складъ методологическихъ воззрѣній исторической школы, побуждаютъ насъ передать нѣсколько подробно ходъ заключающихся въ этомъ сочиненіи мыслей Книса „объ историческомъ методѣ".

Книсъ сначала останавливается на вопросѣ о томъ, какое мѣсто занимаетъ политическая экономія въ ряду другихъ на-

2) Тоже § 3 стр. 6.

3) W. Roscher. Grundlagen der Nationalokonomie. 10-е изд. 1873 года, стран. 30.

укъ. По этому поводу онъ приводитъ двѣ извѣстныя классификаціи наукъ—изъ которыхъ одна принадлежитъ Гельмгольцу, а другая Лотце; въ первой изъ нихъ всѣ науки, вообще, подраздѣлены на двѣ группы—науки о духѣ (Geisteswissenschaften) и науки естественныя,—а во второй вся область знанія подраздѣляется на науки естественныя и историческія. Не соглашаясь съ каждымъ изъ этихъ подраздѣленій въ отдѣльности, Книсъ камбинируетъ обѣ эти классификаціи и настаиваетъ на раздѣленіи всѣхъ наукъ на три группы: науки о природѣ, (естествознаніе), о духѣ (психологія, логика, философія) и науки историческія. Къ этой послѣдней группѣ онъ относитъ всѣ науки общественныя, въ томъ числѣ и политическую экономію. Въ политической экономіи Книсъ усматриваетъ сложную науку; онъ не только различаетъ въ ней науки о частномъ, общественномъ и финансовомъ хозяйствѣ, но старается провести точное разграниченіе между явленіями каждой изъ этихъ областей народнаго хозяйства.

Съ первыхъ страницъ своего трактата Книсъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на хозяйственной исторіи. Съ особенною настойчивостью онъ выдвигаетъ основанія въ пользу дальнѣйшаго диференцированія этой науки и расширенія ея области. Книсъ говоритъ о томъ, что хозяйственная исторія народовъ, при послѣдующей ея разработкѣ, должна обнять болѣе обширную область знанія, чѣмъ ту, которую ей до тѣхъ поръ отводили германскіе экономисты,—именно, въ составъ ея должна войти не только исторія экономическихъ ученій и практической дѣятельности государства въ области финансовой и народнохозяйственной политики, но также исторія хозяйственнаго быта различныхъ народовъ. Въ отношеніи собственно хозяйственной исторіи Книсъ указываетъ на необходимость строго разграничивать исторію экономическихъ ученій отъ исторіи хозяйственнаго быта. Само собою разу-

мѣется, что въ процессѣ историческаго развитія—явленія хозяйственной жизни и мысли взаимно между собою переплетаются и образуютъ одно органическое цѣлое—и это постоянно надо имѣть въ виду. Но чтобы правильно уяснить взаимодѣйствіе этихъ двухъ группъ хозяйственныхъ явленій необходимо предварителено изслѣдовать каждую изъ нихъ въ отдѣльности, въ противномъ случаѣ получилась бы спутанность двухъ различныхъ родовъ явленій, чему въ особенности способствуетъ употребленіе въ различныхъ значеніяхъ термина „политическая экономія". Противъ этого требованія, по мнѣнію Книса, погрѣшаетъ большинство сочиненій по исторіи политической экономіи [4]). Далѣе Книсъ обращаетъ вниманіе на то, что игнорированіе экономистами хозяйственной исторіи въ обоихъ ея отрасляхъ — исторіи хозяйственныхъ теорій и исторіи хозяйственнаго быта— оказываетъ самое вредное вліяніе на развитіе пол. экономіи, долженствующей постоянно опираться на изслѣдованія эмпирической дѣйствительности и которая т. е. полит. экон. сама себя должна разсматривать, какъ историческое развитіе [5]). При игнорированіи историческихъ наукъ о народномъ хозяйствѣ легко вкрадывается взглядъ на систему ученій, составляющихъ теоретическую экономію, какъ на абсолютныя истины одинаково приложимыя къ хозяйственнымъ состояніямъ народовъ, находящихся на различныхъ ступеняхъ хозяйственнаго развитія. Воззрѣнія нѣкоторыхъ экономистовъ, впадающихъ въ эту ошибку, Книсъ называетъ „космополитизмомъ и абсолютизмомъ теорій". Напротивъ изученіе экономич. теорій съ исторической точки зрѣнія приводитъ къ убѣжденію, что, подобно мѣняющимся хозяйственнымъ состояніемъ, переживаемымъ народами въ теченіи ихъ исторіи, и всякая экономическая теорія есть только результатъ историческаго развитія—она есть дитя

4) Pol. Oek. vom Stand Gesch. Method стр. 12—15
5) Idem стр. 23.

своего времени и имѣетъ только временное и мѣстное значеніе. Книсъ съ полнымъ одобреніемъ относится къ раздѣленію политической экономіи на три отдѣльныя отрасли: 1) теоретическую экономію или политическую экономію въ собственномъ смыслѣ 2) хозяйственную политику и 3) финансовую науку, какъособую отрасль хозяйственной политики, но при этомъ онъ обращаетъ вниманіе на то, что историческую точку зрѣнія нужно прилагать къ каждой изъ этихъ отраслей науки въ отдѣльности, между тѣмъ какъ до сихъ поръ германскіе экономисты обыкновенно говорили объ историческомъ характерѣ науки о финансахъ и хозяйственной политики, но вовсе игнорировали эту точку зрѣнія по отношенію къ теоріи политической экономіи, считая ея истины абсолютными т. е. имѣющими равное значеніе для всѣхъ народовъ, независимо отъ условій мѣста и времени [6]). Вслѣдствіе этого игнорированія историческаго характера экономическихъ теорій въ экономической литературѣ могло появиться воззрѣніе на законы теоритической экономіи, какъ на „естественные законы народнаго хозяйства“, по аналогіи съ законами естествознанія, рождающее ошибочное представленіе объ безусловной неизмѣнности и всеобщности законовъ политической экономіи. Такое представленіе находится въ явномъ противорѣчіи съ истиннымъ характеромъ доктринъ теоретической экономіи. Только одна часть—именно болѣе общая часть общей части теоретической экономіи, обнимающая отношенія людей къ внѣшнимъ благамъ природы, носитъ такой характеръ, но и въ этомъ отдѣлѣ экономической науки постоянное такъ часто исчезаетъ въ „перемѣнномъ“ и „человѣческомъ“, что всякая попытка выражать экономическія теоріи въ алгебраическихъ формулахъ не можетъ быть признана цѣлесообразною. Такъ какъ политическая экономія имѣетъ предметомъ своего изслѣдованія исторически об-

---

6) Idem стр. 37.

разовавшіяся явленія, то отсюда слѣдуетъ то прямое заключеніе, что она не должна быть чисто умозрительной наукой, въ которой всѣ ученія построялись бы въ видѣ логическихъ выводовъ изъ опредѣленныхъ общепризнанныхъ аксіомъ [7]). Затѣмъ Книсъ съ чрезвычайной обстоятельностью выясняетъ историческій характеръ явленій хозяйственнаго быта, ихъ связь со всѣми сторонами человѣческой культуры, при чемъ сопровождаетъ свое изложеніе многочисленными пояснительными примѣрами вліянія условій внѣшней природы, (географическаго положенія страны, строенія почвы и подпочвы, очертанія береговой линіи, направленіе рѣкъ и т. п.), а съ другой стороны правовыхъ и церковно-религіозныхъ отношеній и нравственныхъ понятій народа на складъ народнаго хозяйства. По отношенію къ народному хозяйству Книсъ констатируетъ тоже, что раньше было констатировано историческою школою относительно права, что оно не есть явленіе совершенно самостоятельное и изолированное, но находится въ органической связи со всею жизнью народа, интегральную часть которой оно составляетъ. При изученіи народнаго хозяйства рѣчь идетъ о народѣ и объ его хозяйственной дѣятельности, характеръ и формы которой находятся въ зависимости отъ всей совокупности условій, опредѣляющихъ бытъ народа въ данномъ мѣстѣ и въ данное время [8]).

Изложенные до сихъ поръ воззрѣнія Книса на предметъ политической экономіи и задачи историко-экономическихъ изслѣдованій, насколько намъ извѣстно никогда, ни съ чьей стороны не вызывали возраженій, а для своего времени (въ началѣ пятидесятыхъ годовъ), когда теоретическое направленіе въ политической экономіи было преобладающимъ, имѣли важное значеніе, такъ какъ въ нихъ Книсъ указывалъ

---

7) Idem стр. 162.
8) Idem стр. 141—142.

новыя стороны въ изученіи народнаго хозяйства, выставлялъ на видъ игнорировавшіяся до того времени задачи историческаго изслѣдованій хозяйственныхъ явленій. Спрашивается теперь, какія же послѣдствія вытекаютъ для экономической науки изъ сдѣланной Книсомъ характеристики народно-хозяйственныхъ явленій, ихъ историческаго развитія, ихъ связи и соотношенія со всѣми сопровождающими ихъ явленіями народной жизни? Какіе логическіе постуляты выводитъ Книсъ по отношенію къ задачамъ тѣхъ наукъ, между которыми онъ раньше подѣлилъ изученіе всей области хозяйственныхъ явленій? Какъ онъ примиряетъ пропагандируемую имъ историческую точку зрѣнія на хозяйственныя явленія съ спеціальными задачами каждой изъ трехъ намѣченныхъ имъ наукъ о народномъ хозяйствѣ, въ отдѣльности? Разъясненіе этихъ вопросовъ, разъ они были бы имъ поставлены съ надлежащею опредѣленностію, неизбѣжно привело бы къ такому или иному объясненію спеціальныхъ задачъ экономической теоріи и экономической политики, съ другой стороны, къ разграниченію этихъ двухъ отраслей науки отъ хозяйственной исторіи. Но вмѣсто этого, все вниманіе Книса, сначала до конца его книги, поглощаетъ другая сторона предмета, разъясненіе того, въ чемъ должно состоять приложеніе исторической точки зрѣнія въ политической экономіи [9]). Конечно, въ трактатѣ, посвященномъ систематическому обозрѣнію составныхъ частей и задачъ экономической науки должно занять опредѣленное мѣсто выясненіе исторической точки зрѣнія на экономическія теоріи, — но односторонность воззрѣнія Книса заключается въ томъ, что онъ часть смѣшиваетъ съ цѣлымъ, задачу историческаго изученія экономическихъ теорій отождествляетъ съ задачами экономической науки вообще, желая говорить о задачахъ теоретической экономіи, онъ, вмѣсто того, говоритъ объ

9) Idem стр. 254—255.

историческомъ изученіи теоріи или объ исторіи политической экономіи. Кромѣ того, комментируя историческую точку зрѣнія въ теоретической экономіи, Книсъ вездѣ имѣетъ въ виду только одну часть экономическихъ теорій, оцѣнивающихъ явленія современнаго хозяйства съ нравственно-политической точки зрѣнія т. е., другими словами, онъ постоянно смѣшиваетъ хозяйственную теорію съ хозяйственной политикой. Такъ, напримѣръ, развивая весьма подробно ту мысль, что въ основаніи каждой народно хозяйственной теоріи лежитъ политическое и нравственное мірозоззрѣніе данной эпохи, онъ указываетъ на тотъ общеизвѣстный фактъ, что для экономическихъ воззрѣній грековъ имѣли рѣшающее значеніе ихъ политическіе идеалы о всемогуществѣ государства. Именно изъ этого политическаго міросозерцанія вытекали слѣдующія черты хозяйственныхъ воззрѣній грековъ: второстепенное значеніе, придаваемое греками хозяйственной дѣятельности, признаніе безусловнаго права вмѣшательства государства въ частно-хозяйственныя отношенія и признаніе необходимости рабства, мотивированное тѣмъ, что граждане должны быть свободны для занятій дѣлами государственнаго управленія [10]). Книсъ, такимъ образомъ, касается здѣсь только тѣхъ хозяйственныхъ теорій древнихъ грековъ, которыя имѣли своею цѣлію опредѣлить, насколько существовавшія въ Греціи хозяйственныя отношенія между классами народа отвѣчали политическому мірозоззрѣнію грековъ. Но въ хозяйственныхъ теоріяхъ есть и другая сторона, это тѣ ученія, которыя не задаются цѣлію одобрять, или порицать существующія отношенія, а только изобразить ихъ, какъ они есть и на какихъ началахъ они основаны. Но и тамъ гдѣ Книсъ, по всѣмъ признакамъ, говоритъ объ историческомъ развитіи теоретической политической экономіи, онъ вездѣ разсматриваетъ одну сторону предмета — зави-

10) Idem стр. 256, 257—270.

симость теорій отъ фактовъ исторической дѣйствительности, составляющей ихъ фундаментъ. Онъ обращаетъ вниманіе на тѣ измѣненія въ теоріяхъ, которыя зависятъ отъ перемѣнъ въ складѣ самой хозяйственной жизни, гдѣ всякіе новыя факты, напримѣръ, техническія изобрѣтенія, возникновеніе крупной обработывающей промышленности и т. п. рождаютъ новыя задачи для теоретической экономіи. Но Книсъ вездѣ опускаетъ изъ виду другую важную сторону въ прогрессивномъ развитіи экономическихъ теорій, зависящую не отъ наблюденія вновь возникшихъ фактовъ, или же фактовъ, пропущенныхъ прежними изслѣдованіями, но отъ достоинства научныхъ пріемовъ объясненія тѣхъ хозяйственныхъ явленій, которыя остаются безъ перемѣны. Изъ того факта, что хозяйственныя явленія, должны разсматриватся какъ продукты историческаго развитія Книсъ выводитъ слѣдующій постулятъ для теоретической науки о народномъ хозяйствѣ. Задача политической экономіи, по воззрѣнію Книса, должна заключаться въ уясненіи закономѣрности хозяйственныхъ явленій, но эта задача не можетъ быть выполнена на основаніи изученія какой либо одной стадіи развитія народнаго хозяйства напр. той, которую мы наблюдаемъ въ наше время у культурныхъ народовъ Европы, но на основаніи наблюденія процесса развитія народнаго хозяйства въ теченіи всей его исторіи [11]). И такъ, по Кнису, теоретическая экономія должна быть построена на основаніи изученія всего предшеству-

11) Шмоллеръ, въ своихъ возраженіяхъ на книгу Менгера о методахъ политической экономіи, подобнымъ же образомъ понимаетъ задачи политической экономіи. Онъ упрекаетъ старую догматическую экономію англійской школы, что она занимается только современнымъ хозяйствомъ западной Европы. По его мнѣнію, классическая школа впала въ большія методологическія ошибки, потому что принимала науку относительно современнаго хозяйства за науку о народномъ хозяйствѣ вообще. Политическая экономія, по Шмоллеру, должна быть ничѣмъ другимъ, какъ теоріей развитія хозяйственныхъ учрежденій, построенной на основаніи изученія хозяйственной исторіи всѣхъ народовъ.

ющаго процесса хозяйственной исторіи народовъ [12]). Какимъ же образомъ можно примирить существованіе одной теоріи хозяйства, построенной на основаніи изслѣдованія всего процесса исторіи народнаго хозяйства, съ существованіемъ различныхъ историческихъ формацій хозяйственнаго быта? Самъ Книсъ констатируетъ въ исторіи народнаго хозяйства три характерныя фазы развитія—натуральное, денежное и кредитное хозяйство. Тогда каждой изъ этихъ фазъ соотвѣтствуетъ особый складъ общественныхъ и государственныхъ формъ жизни, поэтому теорія, которая, по Кнису, должна быть построена на основаніи всей хозяйственной исторіи человѣчества, непремѣнно представляла бы смѣшеніе качественно различныхъ хозяйственныхъ явленій различныхъ историческихъ эпохъ [13]). Недоразумѣніе, вызываемое разсужденіями Книса, о построеніи общей теоріи политической экономіи на основаніи всей исторіи хозяйственнаго развитія человѣчества, разрѣшается категорическимъ утвержденіемъ съ его стороны, что такая теорія политической экономіи должна быть ничѣмъ инымъ, какъ „теоріей развитія“ народнаго хозяйства или просто исторіей хозяйства [14]). Итакъ, въ конечномъ результатѣ изслѣдованій Книса единственной задачей экомической науки, во всемъ ея составѣ, должна быть та, которую обыкновенное пониманіе относитъ къ исторіи хозяйственнаго быта, а въ такомъ случаѣ между политической экономіей и исторіей народнаго хозяйства теряется всякое различіе. По видомости самъ Книсъ при послѣдующемъ пересмотрѣ своего сочиненія замѣтилъ допущенную имъ коренную ошибку, судя по нѣкоторымъ оговоркамъ во второмъ изданіи его книги. Въ этомъ послѣднемъ изданіи онъ счелъ необходимымъ прежъ-

12) Idem стр. 492.
13) Idem стр. 410.
14) Idem стр. 361, 364.

нее заглавіе книги „Die politische Oekonomie vom Standtpuncte der Geschichtlichen Methode“ замѣнилъ другимъ — „Die P. Oek. vom Geschichtlichen Standpuncte“, которое въ этотъ разъ представлялось ему болѣе соотвѣтствующимъ содержанію сочиненія. Прежнее заглавіе, говоритъ Книсъ, было бы вполнѣ правильно, если бы задача политической экономіи исчерпывалась однимъ лишь историческимъ изслѣдованіямъ и къ этому онъ прибавляетъ: „но въ какихъ бы обширныхъ размѣрахъ мы не опирались на исторію и съ какимъ бы особеннымъ удареніемъ не указывали на ея свидѣтельства, тѣмъ не менѣе ни въ какомъ случаѣ не должна быть смѣшиваема спеціальная задача, которую преслѣдуетъ исторія съ тою, которую имѣетъ въ виду политическая экономія“ [15]). Но, сдѣлавъ эту общую поправку въ предисловіи къ новому изданію своего сочиненія, Книсъ, тѣмъ не менѣе, въ самомъ текстѣ его оставилъ безъ всякой перемѣны свои прежнія воззрѣнія, несмотря на многія и обширныя дополненія, которыми онъ снабдилъ новое изданіе, состоящія, большею частью, изъ обозрѣній новѣйшей литературы по политической экономіи.

---

15) См. предисловіе къ изданію 1882 г. стр. VI—VII.

VI.

Этическое направленіе въ политической экономіи.

Въ германской экономической литературѣ впервые зашла рѣчь объ этическомъ направленіи и о необходимости особой этической точки зрѣнія на народное хозяйство—по поводу различныхъ неправильностей въ воззрѣніяхъ манчестерской школы. Здѣсь, поэтому, умѣстно припомнить, что въ ученіи этой школы заключались двѣ принципіальныя ошибки. Школа эта, во первыхъ, игнорировала характерныя черты отличія явленій общественной жизни отъ явленій физической природы и отождествляла законы народнаго хозяйства съ законами природы. Въ этомъ ученіи коренилось основаніе своеобразнаго воззрѣнія манчестерской школы на вмѣшательство государства въ хозяйственную жизнь; на акты государственнаго законодательства, издаваемые съ цѣлію улучшить тѣ или другія стороны хозяйственнаго быта народа, школа эта смотрѣла какъ на попытки нарушить естественныя законы народнаго хозяйства, установленные божественнымъ промысломъ на основаніяхъ столь же неизмѣнныхъ, какъ и законы природы, попытки эти, по мнѣнію школы, никогда не удадутся, такъ какъ волею людей невозможно измѣнить законовъ экономическихъ, но ихъ можно только извратить къ большему вреду для человѣческаго общества. Въ самой крайней формѣ доказывалъ этотъ принципъ Мальтусъ по отношенію къ принимавшимся въ его время мѣрамъ для поднятія уровня благосостоянія англійскихъ рабочихъ (см. его теорію народонаселенія); Коб-

денъ и Брайтъ защищали этотъ же принципъ по отношенію къ торговлѣ и промышленности. Это же воззрѣніе ставило всю школу въ систематическую опозицію противъ фабричнаго законодательства о рабочихъ, въ эпоху, такъ называемаго, движенія чартистовъ. Вторая принципіальная ошибка манчестерской школы состояла въ томъ, что она считала хозяйственное устройство, формы распредѣленія благъ и т. п. имѣвшія мѣсто въ Англіи 19 вѣка — общественно хозяйственнымъ идеаломъ для всѣхъ временъ и народовъ. Это послѣднее воззрѣніе, хотя оно никогда не было общепризнаннымъ въ Англіи, тѣмъ не менѣе имѣло многихъ весьма знаменитыхъ сторонниковъ.

Ошибки манчестерскаго ученія въ свое время вызвали рѣзкую критику со стороны представителей исторической школы и на почвѣ этого протеста противъ воззрѣній манчестерской школы образовалось особое „этическое направленіе“ въ политической экономіи, какъ одна изъ разновидностей исторической школы. Къ сторонникамъ этическаго направленія надо отнести всѣхъ тѣхъ экономистовъ исторической школы, которые, сосредоточивъ свое главное вниманіе на выясненіи роли психическихъ и этическихъ факторовъ въ хозяйственной жизни, въ то же время пытались найти въ психологіи, этикѣ и морали соотвѣтствующія исходныя начала для реформы не только ученія о хозяйственной политикѣ государства, но всей вообще политической экономіи, въ ея системѣ, задачахъ и методахъ. Воззрѣнія различныхъ писателей, заявившихъ, такъ или иначе, свою принадлежность къ этическому направленію, представляютъ столько существенныхъ отличій, что, минуя ихъ въ общей характеристикѣ, мы не дали бы надлежащаго представленія объ этическомъ направленіи въ политической экономіи. Въ виду этого мы постараемся изложить здѣсь, сначала, воззрѣнія отдѣльныхъ главнѣйшихъ представителей этическаго направленія и уже затѣмъ сдѣлать общую характеристику всей школы.

Еще Книсъ въ своемъ сочиненіи выше нами разсматриваемомъ посвятилъ нѣсколько страницъ характеристикѣ политической экономіи, какъ этической науки. Затѣмъ, Шмоллеръ написалъ цѣлое сочиненіе, посвященное выясненію вліянія права и морали на хозяйственный бытъ. Каутцъ въ своемъ сочиненіи „Политическая экономія какъ наука“, которое послѣ сочиненія Книса надо считать другимъ важнѣйшимъ трактатомъ исторической школы по методологіи политической экономіи, задается цѣлію представить „уясненіе того, по его мнѣнію, отраднаго явленія въ политической экономіи, которое удобнѣе всего обозначить названіемъ историко-этическаго направленія, внѣ котораго нельзя достигнуть никакихъ серьезныхъ результатовъ, ни въ области теоретическихъ изслѣдованій, ни въ области практическихъ нуждъ“ [1]). Наконецъ, Густавъ Конъ ставитъ прямою задачею своего трактата „Основанія политической экономіи“ — „представить въ систематической и цѣльной формѣ, что надо подразумѣвать подъ политической экономіей, какъ этической наукой“.

Мы начнемъ наше изложеніе съ воззрѣній Шмоллера. Процессъ историческаго развитія общественно хозяйственной жизни, говоритъ Шмоллеръ, выражается, между прочимъ, въ морализированіи общества, въ постепенномъ подчиненіи началамъ права и морали всѣхъ естественно сложившихся отношеній и неравенствъ. Такъ природа создала различія рассъ, крови, подчиненіе слабаго сильному, рабство и т. п., но право и мораль сглаживаютъ эти естественныя различія. Народное хозяйство, составляющее одну изъ сторонъ общественной жизни, имѣетъ дѣло съ формами этическихъ и правовыхъ направленій и отношеній. Посредствомъ „этоса“ [2]) человѣкъ

---

1) См. Kautz, Nationalokonomie, als Wissenschaft. Wienn 1858 года. Einleitung

2) Шмоллеръ пользуется двумя различными словами—Sitte и Etos для выраженія одного и того же понятія, слово Sitte на русскій языкъ не перево-

создаетъ свой второй, такъ сказать, параллельный міру физическому — міръ культуры, въ которомъ видное мѣсто занимаетъ народное хозяйство. Природный инстинктъ возбуждаетъ въ человѣкѣ голодъ, заставляетъ его гоняться за добычею, а человѣкъ создаетъ по этому поводу институтъ собственности съ его атрибутами—правами завѣщанія и наслѣдованія, въ силу котораго онъ является владѣльцемъ добытаго, и т. п. При отсутствіи извѣстной степени развитія „этоса“ не можетъ существовать ни рынковъ, ни обмѣна, ни денежнаго обращенія, ни раздѣленія труда, ни кастъ, ни рабовъ, ни государства. Ни въ одномъ состояніи общества, на какой бы ступени развитія оно не находилось, мы не встрѣчаемъ хозяйственныхъ отношеній, состоящихъ изъ чисто техническихъ процессовъ. Эти послѣдніе регулированы обычаями, нравами и правомъ [3]). Въ этомъ и заключается глубокая разница между естественною исторіею борьбы за существованіе въ животномъ мірѣ и исторіей человѣческой культуры. Поэтому и въ политическихъ наукахъ догматическія ученія о естественномъ неравенствѣ людей, о необходимости подчиненія общественныхъ отношеній этому естественному факту, должно, по мнѣнію Шмолера, уступить мѣсто другому ученію, утверждающему, что общественная организація, хотя и покоится на механическихъ основаніяхъ существующаго въ данное время неравенства людей, но тѣмъ не менѣе не остается навсегда неизмѣнною и что неравенства людей, какъ созданныя человѣческою культурою должны также измѣниться въ результатѣ дальнѣйшаго культурнаго развитія. Формы распредѣленія продуктовъ, семья, собственность, хотя и основываются въ извѣстной мѣ-

---

димо, а то что желаетъ сказать имъ Шм. лучше всего передаетъ греческое слово „Ethos“, обнимающее собою всѣ вообще нравственно одобрительные и неодобрительные акты человѣческой дѣятельности.

3) См Schmoller. Übereinige Frage des Rechtsund Nationalokonomie. стран 35.

рѣ на неизмѣнныхъ фактахъ, данныхъ отъ природы, но въ гораздо большей степени они являются продуктомъ нравственнаго развитія и прогресса и постоянно измѣняются подъ вліяніемъ новыхъ моральныхъ воззрѣній и новыхъ хозяйственныхъ отношеній [4]).

Комментируя, далѣе, основныя воззрѣнія своей школы, Шмоллеръ говоритъ, что обыкновенно различіе между этической и англійской абстрактной школой видятъ только въ томъ особенномъ положеніи, которое заняла этическая школа по отношенію къ хозяйственной роли государства. Такъ, нерѣдко подъ этическимъ направленіемъ разумѣютъ школу экономистовъ, настаивающихъ на необходимости вмѣшательства государства въ частно-хозяйственныя отношенія; въ этомъ смыслѣ этическое направленіе было бы простымъ противоположеніемъ теоріи „lessez faire, lessez passer". На самомъ же дѣлѣ указаніе на роль государства въ хозяйственной жизни сдѣланное этическою школою есть признакъ того, что школа эта пришла къ особымъ воззрѣніямъ на отношеніе народнаго хозяйства къ морали и праву, воззрѣніямъ отличающимся отъ общепринятыхъ. И это новое воззрѣніе на народное хозяйство въ его отношеніяхъ къ морали и праву называется этическимъ, хотя въ извѣстномъ смыслѣ, его также можно назвать психологическимъ. Психологическій элементъ въ народномъ хозяйствѣ есть въ сущности тоже самое, что и этическій; психологическіе мотивы суть факторы, продуктомъ которыхъ является „этосъ". Въ этомъ смыслѣ государство, какъ единство извѣстнаго рода политическихъ учрежденій, есть психологическій фактъ, представляющій собою въ конкретныхъ формахъ выраженіе этическихъ стремленій, понятій и представленій народа. Но въ основаніи тѣхъ связей, которыя соединяютъ отдѣльныя частныя хозяйства въ

4) Тоже, стр. 24, 28—29.

одно цѣлое — народное хозяйство, лежитъ не только общность политическая, но и общность чувствъ, стремленій, общность рѣчи, исторіи, воспоминаній, нравовъ и идей — словомъ общій „этосъ“, какъ греки обыкновенно обозначали кристализовавшееся въ нравахъ и правѣ общественное сознаніе [5]).

Шмоллеръ не признаетъ существованія особаго вида явленій, которыя можно было бы назвать хозяйственными, въ отличіе отъ явленій этическихъ, политическихъ и правовыхъ. То, что обыкновенно разумѣется подъ хозяйственными явленіями слагается изъ трехъ родовъ фактовъ: техническихъ, этическихъ и правовыхъ [6]). По его мнѣнію, Англійская школа ограничивала область политической экономіи исключительно изслѣдованіемъ технической стороны хозяйственныхъ явленій и вовсе игнорировала другой рядъ причинъ — значеніе нравовъ, права, моральныхъ чувствъ и культурныхъ идей, господствующихъ надъ всѣмъ народнымъ хозяйствомъ. Такимъ образомъ, явленія рабочей платы, прибыли, ренты, цѣны, процента, объясненіемъ которыхъ занималась классическая школа, съ точки зрѣнія Шмоллера, суть чисто техническіе факты. Слово экономія, говоритъ Шмоллеръ словами Дюнуаіе (Dunoyer), выражаетъ ничто иное, какъ идею порядка, закона и правила. Изъ этическихъ элементовъ слагается не только все содержаніе такихъ крупныхъ хозяйственныхъ институтовъ, которыми характеризуются отдѣльныя эпохи хозяйственной исторіи, какъ рабство, крѣпостничество, феодализмъ, цѣховая организація, та или другая аграрная система, но каждый мѣлкій фактъ хозяйственной жизни напр. спросъ на товаръ есть ничто иное, какъ частица конкретной исторіи этическихъ отношеній у даннаго народа, въ данный моментъ времени. Вопросы хозяйственой организаціи сводятся къ вопро-

---

5) Тоже, стр. 30—31.

6) Тоже, стр. 33 сопоставить съ 42.

су о томъ, какимъ образомъ основные психологическіе факторы у даннаго народа видоизмѣняются „этосомъ“ и правомъ [7]). Вопросы объ организаціи народнаго хозяйства т. е. важнѣйшіе и самые интересные вопросы нашей науки суть не только вопросы техники, но они также вопросы психологіи, права и этическаго порядка жизни. Надо замѣтять, что слово этическій Шмоллеръ употребляетъ въ двухъ совершенно различныхъ значеніяхъ. Мы только что видѣли, что словомъ „этическій“ онъ обозначалъ всѣ явленія психическія, независимо отъ того одобряются ли они, или считаются предосудительными съ точки зрѣнія существующей морали. Въ другихъ случаяхъ фактическія хозяйственныя отношенія, напр. существующія формы распредѣленія національго дохода, онъ противупоставляетъ нравственнымъ идеямъ, согласно которымъ должна быть реформирована хозяйственная жизнь [8]).

Всѣ предыдущія соображенія объ этическомъ характерѣ хозяственныхъ явленій и о процессѣ морализированія хозяйсвенныхъ отношеній по мѣрѣ успѣховъ человѣческой культуры, даютъ Шмоллеру основаніе требовать созданія особой „соціальной политики“, новаго хозяйственнаго „этоса“ или хозяйственнаго законодательства, которое должно распространиться на всѣ стороны хозяйственной жизни, какъ то: банковое дѣло, желѣзнодорожное хозяйство, фабричное производство, бытъ рабочихъ. Это хозяйственное законодательство должно поставить предѣлы личному произволу и многія хозяйственныя отношенія заключить въ рамки, быть можетъ, даже болѣе тѣсныя чѣмъ тѣ, которыя мы встрѣчаемъ въ цѣховомъ правѣ [9]). Шмоллеръ не представляетъ себѣ экономической теоріи иначе, какъ въ формѣ хозяйственной политики, которую онъ въ отличіе отъ „простого искуства“ называетъ „теоріей от-

7) Тоже стр. 37.
8) Тоже стр. 41.
9) Тоже стр. 50.

дѣльныхъ вопросовъ и составныхъ частей современнаго хозяйства“ а также „практической или прикладной экономіей“. Содержаніе проэктируемой имъ, взамѣнъ чистой теоріи хозяйства, прикладной экономіи заключается въ слѣдующемъ. Прикладная экономія должна намъ изобразить исторію хозяйства отдѣльныхъ народовъ, напр. исторію нѣмецкаго, французскаго, или англійскаго хозяйства послѣдняго столѣтія со стороны его аграрной, промышленной и торговой политики, включая сюда объясненіе причинъ и послѣдствій отдѣльныхъ мѣропріятій. Въ такомъ видѣ прикладная экономія явится системой „понятій, типовъ и отношеній“ заимствованныхъ изъ общей теоріи политической экономіи, но примѣненныхъ къ объясненію причинъ отдѣльныхъ явленій, которыя совершенно блѣднѣютъ и стушевываются на той картинѣ хозяйственныхъ отношеній, какую рисуетъ намъ, такъ называемая, общая экономическая теорія. Съ этой точки зрѣнія нѣтъ существеннаго различія въ методахъ прикладной и теоретической экономіи; по мнѣнію Шмоллера, оно только graduelle, а не fundamentale [10]). Въ позднѣйшихъ своихъ статьяхъ Шмоллеръ еще рѣшительнѣе высказывается за существованіе одной общей „философско-этической“ науки о народномъ хозяйствѣ т. е. одной прикладной экономіи, безъ чистой науки, при чемъ уже этой наукѣ онъ теперь даетъ названіе теоретической экономіи. Такая теоретическая экономія, по его мнѣнію „должна представлять ничто иное, какъ собраніе отдѣльныхъ знаній, разбросанныхъ въ ученіи о хозяйственной политикѣ и о финансахъ“ [11]).

Нѣкоторыя характерныя особенности представляютъ воззрѣнія Каутца на политическую экономію, какъ историко-этиче-

---

10) См. Schmoller. Zur Methodologie der Staats—und Socialwissenschaften. Iahrbuch f. Gesetzg. Verwalt. und Volkswirth. 1883 г. стр. 981—982.

11) См. редакціонныя примѣчанія Шмоллера къ статьѣ Hassbach. Uber das Studium Wirthschaftswissenschaften. Iahrbuch f. Gesetz und Volkswirth. 1887 года стр. 166, 169.

скую науку. Каутцъ считаетъ экономическія явленія особою категоріей явленій общественной жизни и говоритъ о вліяніи на складъ общественной жизни другихъ категорій явленій — правовыхъ, моральныхъ, религіозныхъ, и т. п [12]). Политическая экономіи, по Каутцу, есть наука историческая, о законахъ развитія народнаго хозяйства, и, въ то же время, этико-философская. Какъ историко-этическая наука, политическая экономія имѣетъ своей задачей служить пассивнымъ отраженіемъ существующей дѣйствительности, поэтому, имѣя дѣло только съ данными явленіями исторически сложившимися, она должна показать въ чемъ состоятъ эти явленія и какъ они образовались. Словомъ, историческая наука о народномъ хозяйствѣ не имѣетъ ничего общаго съ требованіями, предъявляемыми къ общественной жизни въ силу тѣхъ или другихъ нравственныхъ идеаловъ, въ качествѣ же этико-философской науки, политическая экономія занимается изслѣдованіемъ того, что еще не осуществлено въ данный историческій моментъ въ хозяйственномъ быту народовъ, но что, по требованію нравственнаго сознанія, должно быть осуществлено. Если въ качествѣ исторической науки политическая экономія является отраженіемъ дѣйствительности (Abbild), то въ качествѣ науки этической она является прообразомъ (Vorbild) того, что должно со временемъ сдѣлаться достояніемъ исторической дѣйствительности. По совокупности этихъ двухъ характерныхъ чертъ политической экономіи Каутцъ называетъ ее вообще этико-философскою опытною наукою (Etisch-philosophischen Erfahrungswissenschaft) [13]), но онъ того мнѣнія, что обѣ эти задачи, кореннымъ образомъ различающіяся между собою, — т. е. изображеніе общественно-хозяйственныхъ отношеній, какъ они есть и какъ они должны быть—могутъ и должны соста-

---

1) Kautz, Nationalokonomie, als Wissenschaft. 1858 года стр. 136; стр. 219, 221.

13) Тоже, стр. 305—318.

вить предметъ только одной нераздѣльной науки о народномъ хозяйствѣ. Политическая экономія, по его воззрѣнію, это не только анатомія и физіологія, но, въ тоже время, гігіена и терапія, не только паталогія, но и народно-хозяйственная діететика. Теорія и искуство – это два органически связанные между собою элемента, выступающіе во всякой проблемѣ политической экономіи. Отдѣленіе политическихъ вопросовъ отъ практическихъ въ такой наукѣ какъ политическая экономія, въ которой рѣчъ идетъ объ общественныхъ, этическихъ и политическихъ отношеніяхъ, органически между собою связанныхъ — можетъ привести къ крайне несовершеннымъ результатамъ [14]). Каутцъ, поэтому, считаетъ нецѣлесообразнымъ, и трудно выполнимымъ раздѣленіе политической экономіи на, такъ называемую, теоретическую, разсматриваемую народно-хозяйственную жизнь независимо отъ государственнаго вліянія и практическую политическую экономію, изслѣдующую дѣятельность государства въ области народнаго хозяйства [15]). При такомъ строгомъ отдѣленіи соціально-экономической отъ государственно-административной стороны народнаго хозяйства невозможно было бы строго научное изученіе процесса развитія и строя народно-хозяйственной жизни, которая сама по себѣ не есть нѣчто изолированное, но находится въ тѣснѣйшей связи и взаимодѣйствіи со всѣми условіями правовой, этической и государственной жизни народа. Но Каутцъ, въ то же время, признаетъ, что эти двѣ стороны экономической науки, хотя и тѣсно между собою связаны въ одной дисциплинѣ, тѣмъ не менѣе весьма различны по задачамъ ими преслѣдуемымъ, а также и по источникамъ познанія. Въ то время какъ для теоріи источникомъ познанія служитъ наблюденіе хозяйственной жизни

14) Тоже стр. 337.
15) Тоже стр. 259.

въ ея прошломъ и настоящемъ, для практической части политической экономіи такимъ источникомъ познанія служитъ „этико-практическій“ умъ и созданные имъ идеалы соціальной и хозяйственной жизни. Источникъ познанія для этой послѣдней части экономической дисциплины лежитъ внѣ дѣйствительности и ея реальныхъ фактовъ. Эта часть задачи экономической науки относится къ тому, чего еще не представляетъ дѣйствительность, что не существовало ни въ прошломъ ни въ настоящемъ и чего нельзя ожидать отъ себѣ самому предоставленнаго хода развитія хозяйственной жизни и въ будущемъ (безъ вмѣшательства государства) [16]). Этическая сторона хозяйственной науки является выраженіемъ безостановочнаго прогрессивнаго движенія человѣка къ усовершенствованію формъ государственной и общественной жизни. Безъ этого элемента политическая экономія была бы только внѣшнимъ дагеротипнымъ отраженіемъ существующаго склада жизни, была бы построена на безплодномъ принципѣ діагносцирующаго созерцательнаго квіетизма [17]). Указывая на „этико-практическій“ человѣческій разумъ, какъ на источникъ познанія желательныхъ цѣлей, Каутцъ поясняетъ, что исторія и опытъ сами по себѣ не имѣютъ безусловно рѣшающаго значенія относительно того, что должно составлять цѣль человѣческихъ стремленій и что можетъ служить подготовленіемъ лучшаго будущаго [18]). Тѣмъ не менѣе политическая экономія въ своей прикладной части не должна игнорировать историческаго опыта. Въ основѣ прикладной экономіи должно лежать изученіе исторически сложившихся отношеній, преобразованіе и усовершенствованіе которыхъ составляетъ ея задачу. Въ изученіи законовъ историческаго развитія прикладная

16) Тоже стр. 397.
17) Тоже стр. 398.
18) Тоже стр. 273.

экономія черпаетъ указанія на средства болѣе совершеннаго достиженія соціально политическихъ цѣлей. Первое научное требованіе, которому должна отвѣчать практическая экономія, заключается въ томъ, что она должна отказаться отъ построенія такихъ плановъ, которые претендовали бы на безусловное примѣненіе ко всѣмъ возможнымъ состояніямъ общества, независимо отъ степени развитія народа и его индивидуальныхъ особенностей. Практическая экономія должна устанавливать лишь такія цѣли, достиженіе которыхъ желательно въ данномъ народномъ хозяйствѣ, примѣнительно къ спеціальнымъ условіямъ мѣста, времени и степени развитія народа; кромѣ того, требованія отъ извѣстныхъ хозяйственныхъ идеаловъ не ограничиваются тѣмъ, чтобы предлагаемое ими представляло собою нѣчто весьма полезное и желательное съ точки зрѣнія прогресса и этики, но сами эти цѣли и идеалы должны еще быть своевременны и умѣстны, выполнимы и достижимы [19]). Совокупность всѣхъ этихъ чертъ, которымъ должны отвѣчать научные выводы практической экономіи Каутцъ обозначаетъ однимъ словомъ „относительность“ (Relativität)—положеній и хозяйственныхъ идеаловъ, рекомендуемыхъ хозяйственной политикой. „Принципъ относительности имѣетъ полное примѣненіе ко всей политической экономіи, какъ къ прикладной, такъ и той ея части, которую обыкновенно называютъ общею, въ которой разсматриваются законы народнаго хозяйства. Принципъ относительности въ политической экономіи выражается въ томъ, что она можетъ признавать одни и тѣ же мѣропріятія и учрежденія, благодѣтельными для одного народа и для даннаго времени и гибельными и ошибочнымъ для другаго народа и для другого времени. Такова „физіолого-теропія“ и „этико-историческая наука“ о народномъ хозяйствѣ, по воззрѣнію Каутца.

---

19) Тоже, стр. 402—404.

Третій видный представитель этическаго направленія въ политической экономіи Густавъ Конъ въ своемъ трактатѣ, посвященномъ, по его собственнымъ словамъ, выясненію того что слѣдуетъ понимать подъ политической экономіей, какъ этической наукой, даетъ сначала характеристику хозяйственныхъ явленій, какъ особого вида этическихъ явленій. и изъ этой характеристики черпаетъ извѣстные данные для построенія экономической науки на принципахъ этической школы.

Вотъ, въ краткомъ видѣ, содержаніе воззрѣній Кона Факты хозяйственной жизни или, иначе, дѣйствія людей, вытекающія изъ преслѣдованія хозяйственныхъ цѣлей, обусловливаются психо-физическими мотивами присущими человѣческой натурѣ. Стало быть, они относятся къ области этики, но они составляютъ только одну ея область, соподчиненную другимъ областямъ этическихъ явленій, которыя, въ своей совокупности, составляютъ предметъ искуства, религіи, науки о государствѣ и цѣлаго ряда другихъ наукъ. Каждое явленіе въ человѣческой жизни относится одновременно ко всѣмъ этимъ областямъ, хотя въ каждой изъ нихъ разсматривается съ особой точки зрѣнія. Дѣйствіе, произведенное какимъ нибудь актомъ грубаго насилія, напр. грабежъ, убійство, кража, имѣетъ самыя разнообразныя послѣдствія для разныхъ сторонъ человѣческой жизни и причиняемый имъ вредъ можетъ быть разсматриваемъ съ различныхъ точекъ зрѣнія — моральной, экономической, религіозной и т. п. Но всѣ эти категоріи явленій, не смотря на ихъ спеціальныя особенности, относятся къ одной нераздѣльной области этики, составляютъ „этическій матеріалъ“. Это единство всѣхъ этическихъ явленій человѣческой жизни обыкновенно забывается. Обыкновенно явленія этическія, какъ совокупность нравственныхъ цѣлей, достиженіе которыхъ желательно въ современномъ быту, противупоставляютъ фактамъ дѣйствительности, тогда какъ послѣднія въ сущности представляютъ собою, также, результатъ нравственныхъ стремленій

прошлыхъ эпохъ, но только стремленій уже осуществленныхъ въ формахъ человѣческаго общежитія. Свободу рабочаго класса, напримѣръ, въ той формѣ какъ она существуетъ въ настоящее время (свобода личности, свобода выбора занятій)— обыкновенно разсматриваютъ, какъ нѣчто естественное, нравственно безразличное, напротивъ обязанности хозяевъ, общинъ и государства, по отношенію къ рабочимъ, которыя еще не осуществлены, но осуществленіе которыхъ должно составить задачу будущаго хозяйственнаго законодательства, считаютъ выраженіемъ этическихъ стремленій общества. Подобнымъ образомъ, современную свободу промысловъ, которую обыкновенно называютъ системой свободной конкуренціи, тоже считаютъ нравственно безразличнымъ явленіемъ хозяйственнаго оборота, тогда какъ современныя требованія объ устраненіи путемъ государственнаго законодательства фальсификаціи произведеній, разсматриваютъ, какъ этическую задачу по отношенію къ системѣ конкуренціи. Такое противопоставленіе, по мнѣнію Кона, неправильно. Оно только указываетъ на то, что этическій характеръ явленій для обыденнаго воззрѣнія становится незамѣтнымъ съ того момента, когда этическія стремленія въ хозяйственной области принимаютъ форму реальныхъ фактовъ, но что этотъ „этическій элементъ“ гораздо яснѣе преставляется нашему усмотрѣнію, когда онъ выступаетъ въ формѣ поставленія цѣлей и нравственныхъ требованій ожидающихъ своего осуществленія въ будущемъ [20]). Мы ясно видимъ этическія начала, лежащія въ основаніи проэкта освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но совершенно незамѣчаемъ ихъ, когда они получили свое осуществленіе въ современномъ быту крестьянскаго сословія. На основаніи предъидущихъ объясненій, говоритъ Конъ, легко разрѣшается вопросъ о томъ, на сколько въ задачу политической

20) Gustav Cohn Grundlegung der Politischen Oekonomie. 1888 стр. 71—74.

экономіи входитъ уясненіе законовъ того, „что есть“ и того, „что должно быть“ Такъ какъ нравственно-мотивированныя цѣли одинаково лежатъ, какъ въ основаніи всѣхъ актовъ хозяйственной дѣятельности людей, такъ и въ основаніи всѣхъ общественно-хозяйственныхъ идеаловъ и различныхъ плановъ реформъ, то обѣ эти категоріи хозяйственныхъ явленій (факты и идеалы) одновременно относятся къ области того, „что есть“ и къ области того „что должно быть“. По этому было бы совершенно неправильно, какъ это многіе дѣлаютъ, ограничивать міръ этическихъ явленій въ хозяйственной сферѣ кругомъ поставленныхъ, но еще не осуществленныхъ хозяйственныхъ идеаловъ и разсматривать ихъ въ видѣ противоположности данному хозяйственному быту, какъ то, что должно быть—къ тому что есть [21]). Стоитъ только обратиться къ хозяйственной исторіи и тогда все то, что теперь разсматривается, какъ то „что есть“, какъ нѣчто естественное, въ прежнія эпохи существуетъ въ видѣ стремленій и плановъ, не получившихъ еще осуществленія въ дѣйствительности. То, что мы понимаемъ подъ существующими хозяйственными явленіями есть пріобрѣтенный капиталъ въ области этики—та часть долженствующаго быть (seinsollenden), которая перешла въ общее убѣжденіе. А потому всѣ явленія хозяйства, какъ существующія въ дѣйствительности, такъ и тѣ, которыя не вышли еще изъ области стремленій и идеаловъ, должны изучаться съ этической точки зрѣнія „съ точки зрѣнія того, „какъ должно быть“. Въ каждомъ вопросѣ хозяйственной жизни отдѣленіе того „что должно быть“ отъ того „что есть“ также невозможно, какъ невозможно раздѣленіе на двѣ части сплошного теченія быстро текущей рѣки. Какое бы явленіе изъ современнаго быта мы не изучали, мы непремѣнно должны коснуться и его этической стороны.

---

21) Тоже, стр. 75.

Напримѣръ, изслѣдованіе хозяйственнаго раздѣленія труда не можетъ быть проведено такъ, чтобы притомъ некоснуться, какъ полезныхъ, такъ и вредныхъ, сторонъ его вліянія на здоровье и нравственное состояніе рабочихъ. Всякія изслѣдованія, задающіяся лишь цѣлью изученія причинъ существующихъ хозяйственныхъ явленій неизбѣжно сопровождаются и нравственною оцѣнкой этихъ явленій, ихъ отношенія къ благу людей [22]). Говоря объ этической точки зрѣнія, какъ единственно научной, съ которой только и должны быть изучаемы хозяйственныя явленія, Конъ утверждаетъ, что это не только можетъ быть выставляемо, какъ научное требованіе, но что такое научное требованіе и въ дѣйствительности выполнялось во всѣхъ экономическихъ изслѣдованіяхъ.

Мы представили три различныя редакціи воззрѣній на политическую экономію, какъ на этическую науку, принадлежащія тремъ самымъ авторитетнымъ представителямъ этическаго направленія. Мы можетъ теперь констатировать, что различіе въ воззрѣніяхъ этихъ трехъ экономистовъ этическаго направленія выражаются въ двухъ пунктахъ во 1) въ дѣлаемой ими характеристикѣ хозяйственныхъ явленій, какъ явленій этическихъ и 2) въ постулятахъ, которые они выводятъ изъ этой характеристики по отношенію къ системѣ, задачамъ и методамъ политической экономіи. Что касается характеристики хозяйственныхъ явленій, какъ явленій, въ тоже время, этическихъ, то мы видѣли, что Густавъ Конъ считаетъ хозяйственныя явленія *однимъ изъ видовъ этическихъ явленій*, на томъ основаніи, что всѣ акты хозяйственной дѣятельности людей являются продуктами сознательной воли человѣка, а люди всегда руководствуются извѣстными на-

---

22) Тоже. 176, 192.

мѣреніями, цѣлями и различнаго рода психологическими мотивами. Въ этомъ смыслѣ, по Кону, всѣ хозяйственныя явленія суть, въ тоже время, и этическія, окрашены, такъ сказать, въ этическую краску, независимо отъ того будутъ ли они, при этомъ, нравственно-одобрительныя, или предосудительныя. И по мнѣнію Шмоллера эпитетъ „этическій", усвоиваемый имъ за явленіями экономическими, въ такой же мѣрѣ долженъ относиться и къ явленіямъ правовымъ, политическимъ и религіознымъ—это есть родовой признакъ всѣхъ вообще явленій духовной жизни человѣка, а въ частности и ея спеціальныхъ проявленій въ формѣ общественныхъ отношеній людей между собою. Можно оспаривать оригинальность и новизну воззрѣній Кона и Шмоллера на этическій характеръ хозяйственныхъ явленій, но нельзя непризнать большой важности заключающагося въ этомъ воззрѣніи напоминанія о связи естественныхъ явленій съ явленіями психологическими и моральными, игнорированіе которой можетъ быть источникомъ многихъ методологическихъ ошибокъ въ политической экономіи. Но въ то время какъ Конъ высказанное имъ воззрѣніе систематически проводитъ черезъ все свое сочиненіе, Шмоллеръ потому же предмету выражаетъ еще другое воззрѣніе, вовсе непримѣряющееся съ первымъ. Онъ вовсе отрицаетъ существованіе хозяйственныхъ явленій, какъ особой категоріи общественныхъ явленій. Содержаніе экономическихъ явленій, по его мнѣнію, слагается „изъ явленій права и морали, нравственныхъ мотивовъ и культурныхъ идей, господствующихъ надъ всѣмъ народнымъ хозяйствомъ". Всѣ явленія хозяйственнаго оборота, цѣна, процентъ, прибыль, рабочая плата, кредитъ, которыми занимается политическая экономія—не могутъ быть признаны, по мнѣнію Шмоллера, хозяйственными явленіями—они относятся къ одной технической сторонѣ хозяйственной жизни. Но если допустить вмѣстѣ съ Шмоллеромъ, что содержаніе экономическихъ явленій состав-

ляютъ господствующія въ данное время формы права, морали и нравовъ, то въ такомъ случаѣ въ чемъ же отличіе экономическихъ явленій отъ правовыхъ, моральныхъ и т. п.? У Шмоллера, наконецъ, можно подмѣтить еще и третье воззрѣніе на этическій характеръ хозяйственныхъ явленій. Высказавъ мнѣніе о томъ, что несуществуетъ самостоятельной области хозяйственныхъ явленій, Шмоллеръ, тѣмъ неменѣе, постоянно противопоставляетъ исторически сложившіяся формы хозяйственныхъ отношеній, особенно въ области распредѣленія благъ, въ основѣ которыхъ лежатъ лишь „фактическія отношенія силъ“ — началамъ права и морали „какъ этическому элементу“, долженствующему видоизмѣнить существующія отношенія. Вообще, относительно этой части воззрѣній Шмоллера можно считать вполнѣ правильною ту оцѣнку, которую сдѣлалъ Книсъ, резюмировавъ свой взглядъ въ слѣдующемъ краткомъ замѣчаніи. „Въ сочиненіи посвященномъ выясненію отношенія хозяйства къ праву и морали, говоритъ Книсъ относительно разсматриваемаго нами сочиненія Шмоллера, отдѣльныя мѣста остаются темнымъ, важность другихъ факторовъ, наряду съ правомъ, умалена и, кромѣ того, многое разнородное невсегда разграничено“ [23]).

Коренныя ошибки сторонниковъ этическаго направленія заключаются въ тѣхъ постулятахъ, которыя они выводятъ изъ характеристики хозяйственныхъ явленій по отношенію къ системѣ и задачамъ экономической науки. Такъ, Шмоллеръ требуетъ построенія особой этической экономіи, задача которой должна состоять въ изученіи вліянія права и морали на складъ хозяйственныхъ отношеній; конечною цѣлію такого изученія, въ свою очередь, должно быть созданіе на новыхъ этическихъ началахъ системы хозяйственной политики. Каутцъ желаетъ сдѣлать изъ политической экономіи, преслѣдующей, по его собствен-

---

23) K. Knies, Politische Oekonomie vom Gesch. Standpunct. стр. 134.

ному признанію, двѣ кореннымъ образомъ различающіяся задачи (изслѣдованіе того, что есть и что должно быть) одну науку „анатомо-терапію“. Противъ этого воззрѣнія говорятъ всѣ тѣ вышеизложенные доводы самого Каутца, въ которыхъ онъ наглядно показалъ коренное различіе въ задачахъ, источникахъ познанія и методахъ двухъ различныхъ экономическихъ дисциплинъ — теоріи и хозяйственной политики, противъ него, наконецъ, говоритъ и употребленное имъ сравненіе политической экономіи съ анатомо-терапіей, противорѣчащее принятой классификаціи медицинскихъ наукъ. Какъ извѣстно, въ медицинѣ несуществуетъ анатомо-терапіи, а есть только терапія и анатомія - двѣ отдѣльныя и самостоятельныя науки, каждая со своими особыми задачами и методами. Нецѣлесообразность превращенія политической экономіи въ систему знанія, аналогичную анатомо-терапіи, на нашъ взглядъ, убѣдительно доказывается на практикѣ, системою изложенія, принятою въ сочиненіи Каутца. Стараясь постоянно представить политическую экономію, какъ одну нераздѣльную этическую науку, онъ ее характеризуетъ тѣми чертами, которыя принадлежатъ ей, какъ хозяйственной политикѣ, вовсе опуская изъ виду тѣ ея особенности, въ которыхъ она должна выступать какъ теорія. Это только показываетъ, насколько неудобна и трудно выполнима проэктируемая Каутцомъ система одной экономической науки, долженствующей совмѣстить къ себѣ двѣ совершенно различныя категоріи познаній о томъ „что есть“ и „что должно быть“.

Въ то время какъ Каутцъ говоритъ о соединеніи въ одной системѣ двухъ различныхъ экономическихъ дисциплинъ, Конъ идетъ гораздо дальше. Основываясь на этическомъ характерѣ хозяйственныхъ явленій, онъ, какъ мы видили, утверждаетъ, что въ политической экономіи вовсе не можетъ быть рѣчи о различіи двухъ точекъ зрѣнія: отдѣленіе вопросовъ хозяйственной теоріи отъ вопросовъ хозяйственной по-

литики онъ считаетъ невыполнимымъ. Поэтому, онъ въ конечномъ результатѣ сходятся съ мнѣніемъ Каутца, что изслѣдованіе въ области хозяйственныхъ явленій „того что есть“ и того „что должно быть“ можетъ быть представлено только въ одной нераздѣльной дисциплинѣ. Къ этому же воззрѣнію приближается и Шмоллеръ, но онъ въ проектированной имъ одной цѣльной экономической наукѣ, которая будетъ носить названіе прикладной экономіи (Praktische Nationalökonomie), совершенно устраняетъ теоретическіе вопросы политической экономіи.

Выраженное этими тремя экономистами требованіе созданія одной экономической науки, совмѣщающей въ себѣ разсмотрѣніе вопросовъ хозяйственной теоріи и политики можетъ имѣть свои резонныя основанія по отношенію къ одной части экономической науки — именно къ наукѣ о финансахъ или государственномъ хозяйствѣ. Ибо въ теоріи государственнаго хозяйства и въ ученіи о финансовой политикѣ рѣчь идетъ объ одномъ и томъ-же — о хозяйственныхъ задачахъ государства, его органахъ и функціяхъ, а посему отдѣлить вопросы финансовой политики отъ теоріи государственнаго хозяйства было бы трудно и, въ нѣкоторой степени, нецѣлесообразно. Въ параллельной съ наукою о государственномъ хозяйствѣ—области государственнаго права такое раздѣленіе, также, съ полнымъ основаніемъ оспаривается [24]). Но легко себѣ представить, какая путаница понятій произошла-бы, если-бы экономисты разучились отличать теоретическіе вопросы отъ вопросовъ хозяйственной политики въ области политической экономіи, въ которой выдѣленіе факторовъ общественнаго хозяйства отъ роли государства служитъ непремѣннымъ условіемъ уясненія законовъ хозяйственныхъ явленій. Относительно политической экономіи можно констатиро-

24) Сергѣевичъ. Задачи и методы государственныхъ наукъ, стр. 27.

вать, какъ фактъ, что главнѣйшія ея успѣхи начались съ тѣхъ поръ, какъ А. Смитъ, впервые, отдѣлилъ вопросы теоріи отъ вопросовъ хозяйственной политики. Его торжество надъ меркантилистами, съ которыми онъ полемизируетъ почти по всѣмъ главнѣйшимъ вопросамъ политической экономіи, выражалось въ томъ, что онъ въ явленіяхъ народнаго хозяйства открывалъ извѣстные общественные законы, тогда какъ меркантилисты разсматривали хозяйственныя явленія со стороны ихъ зависимости отъ предписаній законодательной власти. Благодаря этому пріему А. Смитъ, между прочимъ, показалъ, что цѣнность денегъ опредѣляется общественнымъ закономъ, независимо отъ воли правительства, и отъ того, какія бы оно не давало названія выпускаемой ими монетѣ, или бумажнымъ деньгамъ соотвѣтствующаго наименованія.

При сопоставленіи этической точки зрѣнія съ теоретическою можно говорить, вопреки воззрѣнію Кона, только о противоположности, а не о единствѣ двухъ различныхъ задачъ экономическаго знанія [25]). На существующихъ системахъ разныхъ экономическихъ школъ можно съ полной наглядностью

---

25) Лучшею критикою только что приведеннаго воззрѣнія этической школы служатъ слѣдующія замѣчанія Вундта относительно общественной этики. „Противоположность двухъ задачъ обществовѣдѣнія теоретической и практической отличаетъ эту науку отъ естествознанія. Въ естествознаніи практическая область носитъ, въ тоже время, характеръ конкретныхъ явленій. Въ обществовѣденіи, напротивъ, теоретическія отрасли знанія относятся только къ конкретнымъ явленіямъ, а практическія отрасли обществовѣденія не только отличаются иногда отъ конкретныхъ фактовъ, но поставляютъ требованія и истины, которыя не были осуществлены, ни въ прошломъ, ни въ нѣстоящемъ, но которыя должны быть осуществлены въ будущемъ. То, что для всякой теоріи должно считаться компроментирующимъ ея научное значеніе (ея несогласіе съ дѣйствительностью) въ прикладной части обществовѣденія является необходимымъ условіемъ, которому должны отвѣчать ея истины. Словомъ практическія отрасли обществовѣденія не состоятъ изъ наукъ изслѣдующихъ, но изъ наукъ нормирующихъ. Одобреніе или неодобреніе тѣхъ фактическихъ хозяйственныхъ отношеній, которыя констатируетъ политическая экономія, не стоитъ по отношенію къ прикладной ея части ни въ какой принципіальной зависимости; рав-

убѣдиться, что между теоретическими воззрѣніями и соціально-политическими планами вовсе не существуетъ такого соотвѣтствія, чтобы по характеру теоретическихъ воззрѣній данной школы можно было бы съ вѣроятностью заключать объ ея воззрѣніяхъ въ области хозяйственной политики. Зная, напр., что тотъ или другой ученый раздѣляетъ извѣстныя воззрѣнія на законъ рабочей платы, прибыли и т. п, мы, на основаніи этого, не можемъ предугадать каковы соціально-политическія воззрѣнія этого ученаго на желательныя измѣненія, и преобразованія во взаимныхъ отношеніяхъ рабочихъ и предпринимателей. Школа Рикардо, съ одной стороны, и соціалистическая школа Маркса, съ другой, приблизительно одинаково понимаютъ законы распредѣленія благъ въ современныхъ хозяйствахъ цивилизованныхъ народовъ и, вообще, одинаково представляютъ себѣ фактически сложившіяся хозяйственныя отношенія, но въ то время, какъ первая является сторонницей свободы конкуренціи и политики невмѣшательства въ народно-хозяйственную жизнь, вторая требуетъ кореннаго преобразованія всего склада хозяйственной жизни во всѣхъ сферахъ общественныхъ, государственныхъ и частныхъ отношеній. Если бы Аристотель со всѣмъ своимъ греческимъ складомъ этическихъ воззрѣній призванъ былъ судить о народномъ хозяйствѣ современной Европы, то, для того чтобы отдать себѣ отчетъ въ строѣ общественно-хозяйственныхъ отношеній у европейскихъ народовъ, онъ съ удобствомъ могъ бы примкнуть къ теоретическимъ ученіямъ современныхъ эконо-

---

нымъ образомъ и характеръ требованій или цѣлей, которыя могутъ быть установлены прикладной экономіей, не зависитъ отъ теоретическихъ доктринъ, утверждающихъ существованіе тѣхъ или другихъ фактовъ. Въ основаніи знаній, составляющихъ предметъ прикладной экономіи, стоятъ требованія соціальной этики, а въ основаніи теоретическихъ знаній—исторически сложившіяся явленія. Предметомъ первыхъ служитъ добро, благо (gutes) предметомъ вторыхъ истина (wahres)". Wund Logik. B. 2, стр 583.

мистовъ о кредитѣ, о заработной платѣ, прибыли, о производствѣ и распредѣленіи благъ, но въ своихъ политическихъ идеалахъ, онъ, оставаясь въ душѣ грекомъ, стоялъ бы за необходимость рабства, предоставленіе всѣхъ хозяйственныхъ занятій одному классу рабочихъ и за монополизированіе умственнаго труда и политической дѣятельности высшими сословіями. Отстаивали же институтъ рабства просвѣщенные янки сѣверо-американскихъ штатовъ въ эпоху борьбы за освобожденіе, хотя въ своихъ воззрѣніяхъ на существовавшій порядокъ вещей они могли быть сторонниками теорій Рикардо и Смита. Все предыдущее разсмотрѣніе ученія объ этическомъ направленіи политической экономіи приводитъ насъ къ заключенію, что рѣчь объ этическомъ направленіи можетъ быть только въ хозяйственной политикѣ, но за то въ ней, какъ и вообще въ прикладныхъ отдѣлахъ обществовѣденія, не можетъ быть рѣчи ни о какомъ другомъ направленіи, кромѣ этическаго [26]). Именно это этическое направленіе, какъ система политики признаетъ положительной задачей государства поддержку слабыхъ въ борьбѣ за существованіе и созданіе такого хозяйственнаго порядка, въ которомъ этическія требованія участія всѣхъ, въ особенности низшихъ слоевъ народа, въ благахъ культуры нашло бы свое исполненіе. Требованіе же особаго этическаго направленія въ теоретической экономіи, на которомъ настаиваетъ историческая школа, несовмѣстно съ задачей теоретическаго изслѣдованія и противорѣчитъ элементарнымъ понятіямъ научной систематики. Вмѣстѣ съ Карломъ Менгеромъ, мы легко можемъ себѣ представить такое научное направленіе познанія, которое имѣетъ цѣлью изслѣдованіе отношенія между правомъ и моралью, съ одной стороны, и хозяйствомъ, съ другой, но объ этическомъ направленіи въ

---

26) Ср. Bischof. Lehrbuch der Nationalökonomie und Volkswirthschaftspolitik. 1878, стр. 13.

теоретической экономіи можно говорить не съ большимъ основаніемъ, чѣмъ объ экономическомъ направленіи въ этикѣ [27]).

Соціологическое воззрѣніе на политическую экономію.

Среди представителей этическаго направленія существуетъ цѣлая группа писателей, которые, не удовлетворяясь современнымъ состояніемъ теоретической экономіи, предполагаютъ реформировать эту науку превращеніемъ ея въ соціологію. Самыми энергическими представителями этого направленія заявили себя — германскій ученый Шелль (Scheel) и, въ особенности, англійскій экономистъ Ингрэмъ. Въ глазахъ Шееля высшая фаза развитія для науки о народномъ хозяйствѣ наступитъ тогда только, когда она совершенно исчезнетъ, какъ самостоятельная наука о матеріальныхъ и хозяйственныхъ интересахъ и превратится въ соціологію т. е. науку, разсматривающую общество со всѣхъ сторонъ его жизни — политической, юридической, религіозной, экономической и т. п. Ингрэмъ, защищая туже мысль, мотивируетъ необходимость такого превращенія экономіи въ соціологію „тѣмъ что въ исторіи человѣчества отдѣльныя части общественной жизни представляются не самостоятельными и изолированными одна отъ другой областями, совершающими каждая свой самостоятельный процессъ развитія, но развитіе ихъ обусловливается всѣмъ складомъ общественной жизни". Такъ, напримѣръ, современное хозяйственное состояніе каждого изъ европейскихъ народовъ въ отдѣльности есть результатъ самыхъ разнообразныхъ условій, между которыми довольно значительная часть не хозяйственнаго характера. Образованіе формъ хозяйственнаго быта народа зависитъ отъ его научныхъ, этическихъ, религіозныхъ и политическихъ воззрѣній и учрежденій. Но

27) K Menger. Untersuchung стр. 291. Его же, Die Irthumer des Historismus in der deutschen Nat. Oekonomie. 1884 г. стр. 51—64.

если эти причины обусловливаютъ историческій ходъ развитія хозяйственнаго быта, то они же должны опредѣлять и его современный складъ, поэтому современный складъ хозяйственныхъ отношеній должно объяснять не одними только хозяйственными причинами, но и другими факторами общественной жизни [28]). Основываясь на этихъ соображеніяхъ, Ингрэмъ считаетъ невозможнымъ построеніе раціональной теоріи народнаго хозяйства отдѣльно отъ теоріи другихъ сторонъ жизни общества. Кромѣ того, „такъ какъ хозяйственные факторы общественной жизни находятся въ процессѣ постояннаго измѣненія“, то Ингрэмъ полагаетъ, что соотвѣтственно съ этимъ и соціальная экономія должна быть наукою не статическою, а динамическою, она должна превратиться въ теорію „премственнаго развитія фазъ хозяйственнаго быта“ [29]). Послѣдовательное проведеніе воззрѣнія Ингрема по отношенію ко всѣмъ отдѣльнымъ наукамъ объ обществѣ—прововѣденію, морали, политикѣ, ведетъ къ тому, что ни одна изъ этихъ наукъ не должна имѣть, ни своей спеціальной точки зрѣнія на общественныя явленія, ни своего особаго предмета изслѣдованія. Ибо, если политическая экономія будетъ изучать хозяйственныя явленія не иначе, какъ въ ихъ связи и взаимодѣйствіи съ явленіями политическими, правовыми, моральными и точно также и всякая другая изъ общественныхъ наукъ, въ свою очередь, будетъ слѣдовать тому же пріему, то, такимъ образомъ, въ системѣ обществѣденія не останется мѣста для отдѣльныхъ наукъ объ обществѣ, а будетъ существовать одна общественная наука,

---

28) См. Предисловіе Шееля къ нѣмецкому переводу рѣчи читанной Ингремомъ въ статистическомъ отдѣленіи британской ассоціаціи: „The present position und Prospect of. political ekonomy“—вышедшей на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ Die nothwendiges Reform der Volkswirtschaftlehre. Iena 1879 г. стр. IV, VII, 11.

29) Ingram A History of Political economy. Edinburgh. 1888 г. стр. 199.

которая одновременно будетъ изучать общественныя явленія со всѣхъ сторонъ Ингрэмъ не останавливается передъ этими крайними консеквенціями, неизбѣжно вытекающими изъ его воззрѣнія. Современное развѣтвленіе науки объ общественныхъ явленіяхъ на отдѣльныя отрасли,—на науки юридическія, экономическія, политическія – онъ считаетъ признакомъ того, что наука объ обществѣ находится еще на ранней ступени развитія. Высшею стадіею развитія общественныхъ наукъ, по мнѣнію Ингрэма, будетъ уничтоженіе этихъ отдѣльныхъ отраслей обществовѣденія. Ингрэма не смущаетъ и то, что принципъ раздѣленія знанія на отдѣльныя отрасли лежитъ не только въ основѣ общественныхъ наукъ, но, также и наукъ естественныхъ. И въ естествознаніи онъ желаетъ видѣть одну біологію, безъ ботаники и зоологіи, какъ въ обществовѣденіи – одну соціологію, безъ этики, экономіи и политики [30]).

Не говоря уже о томъ, что въ основѣ всѣхъ этихъ соображеній Ингрэма лежитъ невѣрно понятое имъ отношеніе между исторіей вообще и теоретическими общественными науками, между статическимъ и динамическимъ изученіемъ общественныхъ явленій, особенно неудачною должна считать-

---

30) Nothwend. Reform d. Pol. Oec. 10 Предлагая въ небольшой брошюрѣ, состоящей всего изъ тридцати пяти страницъ, коренную реформу сложившагося дѣленія наукъ въ естествознаніи и обществовѣденіи, Ингрэмъ, въ тоже время, какъ въ этомъ сочиненіи, такъ и въ своемъ позднѣйшемъ курсѣ исторіи политической экономіи, плохо разбирается въ противникахъ и сторонникахъ исторической школы. Онъ считаетъ напримѣръ, сторонниками исторической школы Сиджвика, Бэджіота, Фаусета и Джевонса (A History of p. economy, стр: 221—235)—несомнѣнныхъ теоретиковъ и, вовсякомъ случаѣ, такихъ экономистовъ, которые не относятся отрицательно къ „изслѣдованію хозяйственныхъ явленій въ ихъ изолированномъ видѣ“. Одинъ изъ этихъ, предполагаемыхъ Ингрэмомъ, сторонниковъ исторической школы—Сиджвикъ прямо таки отрицательно относится къ соціологическимъ воззрѣніямъ самого Ингрэма и къ его реформаторскимъ планамъ въ области политической экономіи. См. H. Sidgwigk. The Scope and Method. стр. 43—47.

ся мысль реформировать политическую экономію превращеніемъ ея въ соціологію—доктрину, которая сама находится въ еще болѣе несовершенномъ состояніи, чѣмъ политическая экономія [31]).

---

31) Вовремя печатанія этой главы нами была получена вступительная лекція молодого ученаго и сторонника исторической школы Франца Бергговъ-Изинга (Berghoff-Ising), изданная отдѣльной брошюрой, подъ заглавіемъ „Über die Historisch-etischen Richtung in der Nationalokonomie“ 1889. Leipzig. Брошюра эта, заключая въ себѣ изложеніе воззрѣній Шмоллера, Книса и Кона, непредставляетъ ничего новаго, ни въ отношеніи принциповъ защищаемыхъ ея авторомъ, ни въ отношеніи аргументаціи за методологическія воззрѣнія исторической школы. Раздѣляя эти воззрѣнія, Бергговъ-Изингъ, тѣмъ неменѣе, не рѣшается окончательно порвать нить связующую современную политическую экономію съ классическою школою. По его мнѣнію, „классическій методъ долженъ быть сохраненъ въ наукѣ, въ виду того, что онъ даетъ возможность достигнуть надлежащей оцѣнки накопленныхъ историко-хозяйственными и статистическими изслѣдованіями матеріаловъ, а ошибки абстрактныхъ выводовъ можно устранить посредствомъ справокъ съ конкретными явленіями и реальною дѣйствительностью“. Бергговъ-Изингъ ищетъ средины между методами классической и исторической школы, но такъ онъ, въ тоже время, нежелаетъ отказаться ни отъ одного изъ основныхъ методологическихъ воззрѣній послѣдней, то эта средина оказывается пространствомъ между двумя стульями (см. стр. 6—7; 34—36)

VII.

Критика англійской классической теоріи и ея метода историческою школою.

Въ тотъ періодъ научной разработки политической экономіи, когда еще историко-статистическія изслѣдованія хозяйственнаго быта не получили значительнаго развитія и теорія политической экономіи англійскаго происхожденія была единственной отраслью экономическаго знанія, которую разработывали ученые экономисты,—эти послѣдніе могли преувеличивать значеніе англійской экономической теоріи. Къ этому времени исключительнаго господства теоретическаго направленія въ политической экономіи относится появленіе воззрѣнія на англійскую теорію, какъ на универсальную теорію хозяйства, годную для объясненія явленій хозяйственнаго быта всѣхъ временъ и народовъ и всѣхъ стадій историческаго развитія. Это воззрѣніе въ особенности раздѣляла одна группа англійскихъ экономистовъ изъ сторонниковъ, такъ называемой, манчестерской школы, занимавшихся не столько теоретическими проблемами, сколько разными современными вопросами экономической политики. Прилагаемый этими экономистами по отношенію къ ученіямъ буржуазной экономіи эпитетъ „законы природы“ разсчитанъ былъ на то, чтобы придать больше авторитетности, въ глазахъ парламентскихъ партій, аргументамъ, черпаемымъ манчестерскою школою изъ экономическихъ ученій Смита и Рикардо для доказательства теоріи свободы торговли и государственнаго невмѣшательства. Предпринятыя германскими экономистами, начиная съ

половины нынѣшняго столѣтія, статистическія и историческія изслѣдованія въ области хозяйственнаго быта выдвигали, такимъ образомъ, рядъ новыхъ задачъ для экономической науки, открывали новыя точки зрѣнія на хозяйственныя явленія. Работы германскихъ экономистовъ исторической школы не прошли безслѣдно и для англійскихъ экономистовъ-теоретиковъ. Для послѣднихъ самъ собою возникалъ вопросъ, какое же положеніе должна занять чистая экономическая теорія, въ виду тѣхъ областей экономическаго знанія, на разработку которыхъ исключительно направлялись всѣ усилія исторической школы. И мы видимъ, что въ Англіи выступаетъ цѣлый рядъ экономистовъ-теоретиковъ, по складу своего образованія, но, въ тоже время, высоко цѣнившихъ значеніе историко-статистическихъ изслѣдованій въ области народнаго хозяйства,—Бэджготъ, Роджерсъ, Сиджвикъ, Тойнби, Джевонсъ и, отчасти, Кэрнсъ,—которые, въ виду этихъ новыхъ направленій изслѣдованій, значительно расширявшихъ прежнія рамки экономической науки, задаются цѣлію точнѣе опредѣлить задачи теоретической экономіи и ея отношеніе къ новымъ областямъ экономическаго знанія. Воззрѣнія этихъ писателей на роль теоріи англійской школы въ системѣ политической экономіи формулированы ими въ слѣдующемъ рядѣ положеній. 1) Писатели эти согласны въ томъ, что „нельзя отрицать англійской теоретической экономіи и ея владѣнія должны быть за нею сохранены, но границы этихъ владѣній слѣдуетъ точнѣе опредѣлить“. Относительно фактическаго значенія англійской теоріи всѣ эти экономисты сходятся въ признаніи того факта, что она есть лишь теорія хозяйства современнаго коммерческаго періода [1]). 2) Теорія англійской школы, по ихъ мнѣнію, не есть полная философія соціальной и даже экономической жизни и, на ряду съ задачами, кото-

1) Bagehot, Economie Studies стр. 17, 40, 80. Toynbee, Lectures on the Industrial revolution in England стр. 29.

рыя ставитъ себѣ теорія, существуетъ еще другой рядъ задачъ экономическаго знанія, которыя входятъ въ компетенцію исторіи хозяйства и статистики. Поэтому, поле научнаго изслѣдованія, на которомъ до сихъ поръ всецѣло господствовала чистая теоретическая экономія, теперь необходимо подѣлить между нею и другими вновь возникшими отраслями экономическихъ изслѣдованій — исторіей хозяйственнаго быта и хозяйственной политикой [2]). 3) Относительно методовъ политической экономіи названные здѣсь писатели согласны въ томъ, „что между историческимъ методомъ, съ одной стороны, и правильно понимаемымъ дедуктивнымъ методомъ англійской школы, съ другой, не существуетъ ни антагонизма, ни противорѣчія“ [3]). „Тщательныя дедуктивныя изслѣдованія, которыми занимаются экономисты, имѣютъ громандную важность для историка, а умственный навыкъ, пріобрѣтаемый отсюда, имѣетъ даже большую цѣну, чѣмъ знаніе самыхъ принциповъ, получаемыхъ въ результатѣ этихъ изслѣдованій, такъ какъ при помощи теоріи историкъ получаетъ возможность легче оріентироваться среди фактовъ, которые, иначе, подавляли бы его своею массою. Кажущееся иногда противорѣчіе между дедуктивною экономіею и историческою методою возникаетъ вслѣдствіе неправильнаго примѣненія дедукціи. Неправильное же пользованіе дедедукціей можетъ заключаться, или въ недостаточно тщательномъ изслѣдованіи посылокъ, лежащихъ въ основаніи заключеній политической экономіи, или же въ погрѣшностяхъ, допущенныхъ въ самомъ логическомъ процессѣ вывода. Погрѣшности въ самыхъ положеніяхъ, полученныхъ въ результатѣ такого рода небрежныхъ изслѣдованій, происходятъ отъ недостаточнаго комбинированія дидукціи съ индукціей, но злоупотребленія методомъ не говорятъ еще о его ложности“ [4]).

---

2) Toynbee, стр 3.

3) Bagehot, стр 15; Toynbee, стр 29.

4) Toynbee, стр. 28; Bagehot, стр. 13—15.

Что касается обширныхъ статистическихъ и историческихъ изслѣдованій, предпринятыхъ представителями исторической школы, то появленіе этихъ изслѣдованій было привѣтствуемо съ полнымъ восторгомъ англійскими теоретиками. Вотъ какъ напр. отзывается о нихъ одинъ изъ крайнихъ послѣдователей абстрактнаго направленія въ политической экономіи—Джевонсъ. „Лавеле и Клифъ-Лесли, пишетъ Джевонсъ въ одномъ изъ своихъ блестящихъ этюдовъ по теоретической экономіи, оказали такую же услугу политической экономіи, какую Мэнъ оказалъ юриспруденціи, показывая, что тотъ или другой фактъ, обычай или законъ, есть продуктъ историческаго прошлаго или давно забытаго. Но сдѣланныя Мэномъ научныя открытія въ области соціальной исторіи вовсе не давали ему повода отрицать полезность абстрактной юриспруденціи. Клифъ-Лесли и Лавеле могутъ обработывать новую любопытную отрасль экономической науки, но знанія, пріобрѣтенныя въ другой ея отрасли—въ теоретической экономіи—не теряютъ отъ этого своего значенія. Выдѣленіе одной отрасли политической экономіи въ самостоятельную науку является, въ глазахъ Джевонса, весьма утѣшительнымъ фактомъ, показывающимъ, что раздѣленіе труда проникло въ широкихъ размѣрахъ въ разработку политической экономіи. Появленіе новой отрасли политической экономіи (т. е. исторіи хозяйственнаго быта) не уменьшаетъ, но увеличиваетъ цѣну раньше пріобрѣтеннаго [5]). „Между школами Рикардо и Рошера, говоритъ Сиджвикъ, не существуетъ фундаментальнаго различія относительно метода изученія исторіи хозяйственнаго быта. Самые крайніе приверженцы дедукціи среди англійскихъ экономистовъ не заходили такъ далеко, чтобы утверждать возможность конструировать apriori исторію хо-

5) Jevons, Fortenightly Review 1876 г. vol. XX стр. 223; см. также, стр. 264 и др.

зяйственной науки, какъ и вообще какую бы то нибыло отрасль исторіи“ [6]). Въ вышеизложенныхъ воззрѣніяхъ цѣлой серіи англійскихъ экономистовъ-теоретиковъ, признавшихъ высокую важность историко-статистическихъ изслѣдованій хозяйственнаго быта, можно, по справедливости, удивляться тому чувству мѣры, которое эти писатели, въ моментъ всеобщаго увлеченія историческою школою, проявили при оцѣнкѣ значенія историко-статистическихъ изслѣдованій, оставаясь, при этомъ, вѣрными представителями той характерной англійской традиціи, которая, во имя новаго, не позволяетъ небрежнаго отношенія къ старинѣ. Въ виду широкаго развитія историко-хозяйственныхъ изслѣдованій, названные экономисты, не вступая на путь огульнаго отрицанія старой доктрины, обратились къ спокойной и тщательной оцѣнкѣ того, что раньше было достигнуты наукою, въ другомъ направленіи и иными путями.

Совсѣмъ иное положеніе заняли въ отношеніи классической экономіи германскіе корифеи исторической школы, Шмоллеръ, Книсъ, Брентано, Густавъ Конъ, а также ихъ послѣдователи, англичане, Ингрэмъ, Клифъ-Лесли, Бонами-Прейсъ. Эта группа писателей, имѣющая своихъ весьма многочисленныхъ сторонниковъ на кафедрѣ и въ литературѣ, смотритъ на труды Рикардо, Милля, Кэрнса, Джевонса, Тюнена, включая сюда и теоретическія главы въ сочиненіяхъ Ад. Смита и Рау, съ такимъ же снисходительнымъ пренебреженіемъ, какъ напр. современные естествоиспытатели смотрятъ на метафизическіе трактаты средневѣковыхъ схоластовъ.

---

6) Sidgwick, The scope and Method of. ec. scinc. стр. 32. Bagehot и Toynbee сами были авторами историко-статистическихъ трактатовъ, въ особенности заслуженною извѣстностью пользуется сочиненіе перваго изъ нихъ—„Lombard Street“, (1873 г.). Въ какой мѣрѣ они близко стояли къ этого рода изслѣдованіямъ, оставаясь въ тоже время теоретиками, можно отчасти судить потому, что, какъ мы выше указывали, Ингремомъ они прямо отнесены къ представителямъ исторической школы въ политической экономіи въ Англіи, хотя совершенно неправильно. A History of P. Economy, стр 221—235.

Мы уже видѣли раньше (гл. V, VI), что самые знаменитые представители исторической школы отрицаютъ всякую цѣлесообразность теоретическаго изслѣдованія хозяйственныхъ явленій (въ смыслѣ аналитическаго изученія этихъ явленій въ ихъ изолированномъ видѣ), мы видѣли также, что въ тѣхъ случаяхъ, когда они говорятъ объ особенной ими проэктированной теоретической экономіи, то всегда разумѣютъ подъ этимъ названіемъ, или сравнительно историческія изслѣдованія хозяйственнаго быта, или, даже, хозяйственную политику и прикладную экономію. Но характеристика методологическихъ воззрѣній исторической школы была бы неполна, если бы мы не присоединили къ вышесказанному также изложенія критическихъ воззрѣній писателей этой школы на англійскую классическую теорію политической экономіи. Приступая теперь къ изложенію этихъ критическихъ воззрѣній исторической школы, мы, для удобства обозрѣнія и оцѣнки этихъ воззрѣній, раздѣляемъ ихъ на двѣ группы: къ первой группѣ мы относемъ всѣ воззрѣнія, имѣющія своимъ предметомъ критику научныхъ результатовъ классической школы, а ко второй —воззрѣнія, направленныя на критику самого метода этой школы. Такое разграниченіе, конечно, является нѣсколько искуственнымъ, потому, что критика метода классической экономіи и критика достигнутыхъ посредствомъ этого метода научныхъ выводовъ органически между собой связаны и взаимно опираются одна на другую. Признавая важность этого соображенія, мы, тѣмъ не менѣе, считаемъ цѣлесообразнымъ отдѣльное изложеніе этихъ двухъ сторонъ критики классической школы, по другому основанію, Дѣло въ томъ, что критика воззрѣній классической школы, въ смыслѣ указанія на ея недостатки и промахи, не составляетъ еще отличительной, черты того отношенія, въ которое стала къ этой школѣ школа историческая. Цѣлая масса критическихъ замѣчаній и поправокъ къ теоріямъ классической школы дѣлалось и дѣ-

лается цѣлымъ рядомъ экономистовъ-теоретиковъ, которые никогда и не считали современное состояніе теоретическихъ ученій политической экономіи близкимъ къ полному совершенству, но они не отрицали самой теоріи, какъ особой отрасли экономическаго знанія и ея метода. Если теоретики экономисты могутъ во многихъ пунктахъ сходится въ своихъ воззрѣніяхъ съ представителями исторической школы въ критикѣ недостатковъ и даже въ признаніи полной невѣрности отдѣльныхъ теорій современной политической экономіи, то отрицаніе самыхъ задачъ и цѣлесообразности метода теоретической экономіи, на которомъ такъ настаиваютъ многіе выдающіеся представители исторической школы, составляетъ характерную особенность только этой послѣдней школы.

Останавливаясь сначала на первой сторонѣ критики классической теоріи, мы начнемъ съ изложенія самыхъ крайнихъ воззрѣній въ этомъ отношеніи. Изъ всѣхъ германскихъ экономистовъ въ самой рѣзкой оппозиціи противъ классической школы стоитъ все тотъ же Шмоллеръ Онь утверждаетъ, что англійская школа вовсе занималась общественно-хозяйственными явленіями, но ограничивалась изслѣдованіемъ только технической стороны этихъ явленій. Шмоллеръ весьма опредѣленно говоритъ, что въ его глазахъ всѣ изслѣдованія англійской школы о цѣнѣ, рабочей платѣ, прибыли, кредитѣ, деньгахъ, обмѣнѣ и т. п. явленіяхъ хозяйственнаго оборота относятся къ вопросамъ чисто техническимъ. Это обвиненіе, съ которымъ, впрочемъ, согласны только очень немногіе сторонникъ исторической школы, весьма понятно въ устахъ Шмоллера, для котораго политическая экономія должна исчерпываться изслѣдованіемъ „вліянія обычаевъ, права, морали и господствующихъ въ обществѣ культурныхъ идей на народное хозяйство“ [7]). Впрочемъ у Шмоллера для критики

---

7) Schmoller, Uber einige Grundfrage .. стр. 42—43. Его же Zur Metho-

англійской теоріи едва ли имѣется что либо большее, кромѣ нѣсколькихъ презрительныхъ эпитетовъ, которыми онъ надѣляетъ эту школу. Изъ чтенія его многочисленныхъ библіографическихъ замѣтокъ, въ которыхъ онъ обличаетъ англійскихъ теоретиковъ [8]), выносятся впечатлѣніе, что онъ никогда ихъ серьезно не изучалъ; такъ онъ не дѣлаетъ никакого различія между школами теорегиковъ въ самой Англіи — для него Мальтусъ и А. Смитъ, Милль и Кернсъ всѣ одинаково фрайгендлеры и экономисты-техники. Обвиненія, которыя Шмоллеръ направляетъ противъ англійской школы, слишкомъ своеобразны и, какъ мы сказали, представляютъ совершенно исключительное явленіе въ ряду возраженій, дѣлаемыхъ противъ англійской теоріи другими представителями исторической школы.

Болѣе общепринятыми среди представителей исторической школы можно считать тѣ обвиненія противъ англійской теоріи, которыя развиваетъ Ингрэмъ въ своей извѣстной рѣчи, сказанной имъ въ Британской Ассоціаціи. Дедуктивное изслѣдованіе хозяйственныхъ явленій, исходящее изъ немногихъ посылокъ, говоритъ онъ относительно англійской теоріи, должно привести къ установленію единственнаго и разъ навсегда опредѣленнаго порядка хозяйственныхъ явленій,

---

dologie der Socialwissenschaften Iahrbuch fur Gesetzg und Volkswirth. 1883, стр. 244.

8) Какую, однако, цѣну имѣютъ всѣ эти фрагментарные нападки Шмоллера на англійскихъ теоретиковъ въ глазахъ самого автора можно судить потому, что всѣ библіографическія замѣтки, въ которыхъ они разбросаны, были тщательно имъ собраны и подъ общимъ заглавіемъ „Zur Literaturgeschichte der Staats und Socialwissenschaften“ (1888 г. Leipzig) — изданы отдѣльною книгою, въ видѣ юбилейнаго дара В. Рошеру, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія его профессорской дѣятельности. „Теперь, говоритъ Шмоллеръ, во введеніи къ этому изданію, наши политико экономы, какъ и наши генералы безспорно признаны первыми во всѣмъ мірѣ“. Не отрицая высокой компетентности нѣмецкихъ экономистовъ и генераловъ, мы можемъ только замѣтить, что если бы тактическіе пріемы послѣднихъ походили на тѣ аргументы, съ помощью которыхъ Шмоллеръ атакуетъ теоретическую экономію англійской школы, то едва ли германская армія считала бы за собою столько побѣдъ·

тогда какъ дѣйствительная хозяйственная жизнъ представляетъ постоянную смѣну однихъ организацій другими. Вмѣстѣ съ формами мѣняются и самыя коренныя основы хозяйственной организаціи обществъ. Какимъ же образомъ можно примирить задачу дедуктивной экономіи—установленіе одного порядка явленій для всѣхъ временъ и народовъ,—(какъ это будто бы дѣлаетъ классическая теорія) съ тѣмъ несомнѣннымъ фактамъ, что человѣческое общество проходитъ въ своемъ развитіи цѣлый рядъ историческихъ періодовъ, существенно отличающихся между собою. Какимъ образомъ теоріей, построенной на основаніи современныхъ хозяйственныхъ формъ и частной собственности, можно объяснять хозяйственныя явленія того періода, когда господствующею была форма общинной собственности [9])? Распредѣленіе благъ, говоритъ другой экономистъ исторической школы, измѣняется въ различныя эпохи и на различныхъ стадіяхъ соціальнаго развитія, а этотъ фактъ никоимъ образомъ не можетъ быть примѣренъ съ ученіями абстрактной политической экономіи [10]). Послѣ положеній, развитыхъ въ первой части этого сочиненія, не представляется затрудненія въ отвѣтѣ на эти общія возраженія противъ экономической теоріи. Если нѣкоторые экономисты и пріувеличивали область примѣненія англійской теоріи, считая эту теорію одинаково удобною для уясненія явленій всѣхъ историческихъ періодовъ хозяйства, то это не означаетъ, что она не пригодна для объясненія явленій современнаго хозяйственнаго оборота. То, что для Ингрэма и Клифъ-Лесли кажется трудно примиримымъ, весьма просто примиряется однимъ изъ наиболѣе осторожныхъ и вдумчивыхъ экономистовъ исторической школы—Бруно Гильдебрандтомъ. Въ одномъ мѣстѣ его сочиненія, уже раньше нами ци-

---

9) Ingram. Nothwendige Reform. стр. 22.

10) Cliff. Lesly, On the philosophical Method of Political economy. стр. 242.

тированномъ, мы читаемъ: „экономическая школа Адама Смита существенно отличается отъ школы Канта и Руссо тѣмъ, что она выходила не изъ философскихъ началъ, какъ физіократы, но скорѣе она построяла свою систему на совокупности наблюденій и фактовъ практической жизни. Система А. Смита выдавала себя за всеобщее ученіе о человѣческомъ хозяйствѣ, *а на самомъ дѣлѣ она была лишь выраженіемъ денежнаго хозяйства, которое только что успѣло упрочить свое господство въ Европѣ*“ [11]).

Отъ этихъ общихъ возраженій противъ англійской экономической теоріи мы перейдемъ теперь къ обозрѣнію возраженій противъ отдѣльныхъ ученій этой теоріи. Среди экономистовъ исторической школы наиболѣе систематическую критику отдѣльныхъ ученій классической экономіи представили Клифъ-Лесли [12]) и, въ самое послѣднее время, Брентано. Клифъ-Лесли категорически заявляетъ, что отвѣты, даваемые этою школою на вопросы о законахъ производства, обмѣна и распредѣленія благъ представляютъ только кажущіееся рѣшеніе задачи, самая же задача отъ нея ускользаетъ и лежитъ несравненно глубже [13]). Абстрактная теорія англійскихъ экономистовъ, вопервыхъ, не выясняетъ природы богатства. Теорія эта опускаетъ изъ виду, что существуетъ огромное разнообразіе различныхъ родовъ благъ и каждый изъ нихъ различается по своимъ экономическимъ функціямъ. Земля, дома́, предметы питанія, одежда, домашняя утварь, оружіе, животныя, монета, статуи и книги—все это суть различные роды богатства, которые, въ свою очередь

---

11) Политическая экономія настоящаго и будущаго. Руск. пер. стр. 274.

12) См. собраніе его сочиненій подъ общимъ заглавіемъ „Essys in political and moral philosophie. 1879. Его статьи: On the philosaphical Method of Political economy“. „Political economy of A. Smith“. „Economy Science and Statistics“. Political economy and Sociology. и др.

13) On the ptilosoph Method стр 217.

представляютъ большое разнообразіе видовъ. О такомъ разнообразіи благъ можно говорить по отношенію къ хозяйственному быту всякой современной страны, но характеръ народнаго богатства измѣняется съ каждою новою стадіею общественнаго развитія и одна изъ наиболѣе важныхъ отраслей хозяйственной исторіи должна состоять въ изслѣдованіи процесса развитія новыхъ видовъ хозяйственныхъ благъ и того глубокаго вліянія, какое они оказываютъ, какъ на матеріальное, такъ и на моральное состояніе націй. Блага временъ Юлія Цезаря въ Римѣ стольже отличаются по своей природѣ отъ благъ среднихъ и новыхъ вѣковъ, насколько различны историческія условія каждой изъ этихъ эпохъ. Можно констатировать, также, глубокое различіе въ томъ, что является богатствомъ для современнаго европейца и восточнаго человѣка. Для послѣдняго, какъ извѣстно, оно представляется исключительно въ видѣ золота, драгоцѣнныхъ камней и т. п. сокровищъ... Теоретическая экономія, продолжаетъ далѣе Клифъ-Лесли, которая рѣшаетъ всѣ эти вопросы при помощи гипотезы „желанія богатства“ (desir of wealth) есть безсодержительная абстракція, такъ какъ богатство въ общей формѣ не существуетъ, а существуютъ только индивидуальныя богатства и, такъ сказать, субъективныя. Абстрактная теорія, разсматривающая хозяйственныя блага исключительно со стороны ихъ мѣновой стоимости, совершенно невыясняетъ намъ различныхъ перемѣнъ въ состояніи народнаго богатства, ни тѣхъ общественныхъ законовъ и законовъ соціальной эволюціи, которые ими управляютъ. Желаніе богатства есть общее названіе для громаднаго разнообразія стремленій, чувствованій и потребностей, весьма различныхъ по своему экономическому характеру и дѣйствію на народное благосостояніе. Поэтому въ политической экономіи, претендующей имѣть реальное значеніе, общая гипотеза „желанія богатства“ должна уступить мѣсто подробному изслѣдованію мотивовъ хо-

зяйственной дѣятельности, въ томъ видѣ, какъ они проявляются у отдѣльныхъ индивидовъ, у различныхъ народовъ и въ разныхъ состояніяхъ общества. Далѣе, какъ будто желая начертить программу историческаго изслѣдованія народнаго хозяйства, Лесли продолжаетъ. Въ историческомъ порядкѣ хозяйственнаго развитія голодъ и жажда суть первыя мотивы „стремленія къ богатству". Желаніе обладать скотомъ (A desir for cattle) есть главная форма стремленія къ богатству на самой ранней ступени соціальной жизни, желаніе обладать землею (a desir for land) является мотивомъ стремленія къ богатству въ послѣдующій земледѣльческій періодъ. Но и желаніе обладать землей есть само по себѣ названіе для самыхъ различныхъ чувствъ, цѣлей и преоставленій весьма измѣнчивыхъ въ разные вѣка, въ разныхъ странахъ, у различныхъ классовъ и индивидумовъ. Во Франціи и въ Англіи страстное желаніе къ пріобрѣтенію поземельной собственности служитъ причиною поднятія цѣнъ на землю въ этихъ странахъ гораздо выше ея доходности, но эта страсть къ земельному пріобрѣтенію навсегда составляла національную особенность обоихъ народовъ и она можетъ исчезнуть, если вызванное ею поднятіе цѣнъ достигнетъ слишкомъ высокой степени, наконецъ, страсть эта всеобща у французовъ, тогда какъ у англичанъ она распространена сравнительно въ ограниченномъ кругу населенія [14]).

Указывая на недостаточность и невѣрность всѣхъ вообще посылокъ, на которыхъ экономическая теорія основываетъ свои выводы, Клифъ-Лесли останавливается на особенно подробномъ разсмотрѣніи извѣстнаго положенія теоретической экономіи, что прибыль и заработная плата въ разныхъ занятіяхъ стремятся къ одному уровню. Онъ допускаетъ, что эта посылка, изъ которой исходятъ главныя заключенія те-

14) Тоже, стр 220—221.

оріи распредѣленія и обмѣна, приблизительно вѣрна только для той переходной экономической стадіи, которою А. Смитъ опредѣленно ограничилъ ея примѣненіе. Но и для этого періода она терпитъ значительныя ограниченія по отношенію къ занятіямъ, требующимъ долгой и спеціальной подготовки, также по отношенію къ тѣмъ занятіямъ, на которыя не оказываетъ вліянія спекуляція и другія причины колебанія цѣнъ, а между ними — главная эмиграція; другими словами, вышеуказанная посылка можетъ быть приложена въ сужденіи о весьма небольшомъ числѣ промышленныхъ занятій, находящихся въ стаціонарномъ состояніи. Разсмотрите, говоритъ Лесли, всю сложность причинъ, которыя въ современномъ коммерческомъ мірѣ вліяютъ на цѣну какого либо единичнаго товара и судите о возможности опредѣленія относительной прибыли мануфактуриста, или торговца какимъ нибудь товаромъ. Если фабриканту ситцевъ требуется рѣшить, поднимется ли въ ближайшій сезонъ цѣна на хлопокъ, то ему для этого, необходимы слѣдующіе данные. Вопервыхъ онъ долженъ узнать размѣръ запаса хлопка у другихъ мануфактуристовъ и торговцевъ своей страны, а также у иностранныхъ и колоніальныхъ торговцевъ. Далѣе составивъ себѣ представленіе о приблизительномъ размѣрѣ спроса на ситецъ, ему надо опредѣлить, ожидаютъ ли другіе купцы паденія или возвышенія цѣнъ. По торговымъ бюллетенямъ въ Ливерпулѣ онъ долженъ, также, справиться о состояніи биржевой спекуляціи на хлопокъ, о размѣрахъ запаса этого товара и ожидаемыхъ грузахъ изъ за океона. Кромѣ того, онъ долженъ еще узнать состояніе цѣнъ на хлопокъ въ Новомъ Орлеанѣ и другихъ портахъ и имѣть свѣдѣнія о предполагаемомъ размѣрѣ урожая хлопка въ Индіи, Египтѣ и Соединенныхъ Штатахъ. Какъ ни многочисленны собранныя имъ данныя и они окажутся недостаточными для разрѣшенія поставленной задачи, акъ какъ фабриканту ситцевъ необходимо еще знать состо-

ніе валюты, денежнаго рынка, размѣры потребленія ситца, которые, въ свою очередь, зависятъ отъ цѣнъ и спроса на другіе роды тканей. Клифъ-Лесли даетъ понять, что если столь сложная масса причинъ опредѣляетъ такую простѣйшую вещь, какъ паденіе или возрастаніе цѣны въ одинъ фартингъ на фунтъ пряжи, въ теченіи мѣсяца, то мыслимо ли при помощи простѣйшаго приложенія абстрактной доктрины о равенствѣ прибыли и рабочей платы придти къ опредѣленію законовъ весьма сложныхъ явленій въ области распредѣленія благъ. Признавъ положеніе о равенствѣ прибыли въ разныхъ занятіяхъ, говоритъ Лесли, мы, дабы быть послѣдовательными, должны быть готовымъ признать также, весьма далекое отъ дѣйствительности, положеніе, что каждый промышленникъ, или рабочій способенъ дѣлать подобнаго рода разсчеты относительно преимуществъ различныхъ занятій и что предприниматели способны также вычислить относительную разницу въ прибыли въ различныхъ отрасляхъ производства, что также далеко отъ дѣйствительности. К. Лесли считаетъ также мало основательными и неоправдываемыми дѣйствительностью всѣ тѣ ограниченія, которыми Д. Ст. Милль и Беджготъ обставили ученіе о равенствѣ прибыли и рабочей платы въ разныхъ занятіяхъ. Они придали такую форму этому ученію, что прибыль и заработная плата, хотя фактически неравны во всѣхъ занятіяхъ, но постоянно стремятся приблизиться къ равенству, при чемъ это стремленіе выражается постояннымъ перемѣщеніемъ труда и капитала отъ занятій менѣе выгодныхъ къ занятіямъ болѣе выгоднымъ. Однако и въ такой редакціи тезисъ о равенствѣ прибыли, по мнѣнію Клифъ-Лесли, весьма далекъ отъ истины, ибо если бы была доказана его вѣрность, то было бы также доказано, что эмиграція изъ Европы въ Америку давно должна была бы уравнять рабочую плату въ обоихъ этихъ странахъ, чего, однако, въ дѣйствительности ненаблюдается. Не соглашаясь ни съ одной изъ

редакціи, въ которой разные экономисты старались представить посылку теоретической экономіи о равенствѣ прибыли и заработной платы, Лесли приходитъ къ слѣдующему заключительному выводу, на которомъ, по его мнѣніи, должна остановится политическая экономія. Высота прибыли и рабочей платы такъ измѣнчива въ различныхъ занятіяхъ, что нѣтъ возможности знать, каковъ дѣйствительно уровень прибыли въ разныхъ занятіяхъ въ данный моментъ времени. Поэтому трудно вообразить себѣ, какъ даже банкиры и маклера могутъ опредѣлить существующую прибыль въ разныхъ занятіяхъ, а еще труднѣе представить себѣ, чтобы они были въ состояніи предвидѣть высоту ожидаемой прибыли въ разныхъ занятіяхъ [15]). На основаніи всѣхъ этихъ критическихъ замѣчаній относительно англійской классической теоріи политической экономіи Клифъ Лесли считаетъ доказаннымъ два положенія: 1) что абстрактный и апріорный методъ въ политической экономіи недаетъ намъ объясненія законовъ, отъ которыхъ зависитъ величина народнаго богатства и его распредѣленіе и 2) что философскій методъ, посредствомъ котораго дѣйствительно достигается познаніе экономическихъ законовъ долженъ быть методомъ историческимъ и задача этого метода должна состоять въ изученіи хозяйственной исторіи въ связи со всѣми другими сторонами народной жизни [16]).

Въ самое послѣднее время мы встрѣчаемъ полное повтореніе возраженій Клифа-Лесли противъ ученій классической школы, съ нѣкоторыми незначительными воріантами, въ сочиненіи другаго выдающагося противника этой школы Луйо Брентано [17]). Его главное возраженіе противъ англійской теоріи, также какъ и Лесли, это то, что всѣ ея поло-

15) Clitte Leslie. On the plilos. Method стр. 233—234.

16) Тоже, стр. 241.

17) См: Lujo Brentano, Die Klassische Nationalokonomie. Leipzig. Dunker und Humblot. 1888 г. Вступительная рѣчь, читанная въ Вѣнскомъ университетѣ.

женія находятся въ противорѣчіи съ индивидуальными явленіями хозяйственной дѣйствительности. Одинъ изъ главныхъ предметовъ его нападокъ все таже посылка о стремленіи прибыли и азработной платы въ разныхъ занятіяхъ къ равенству. „Въ дѣйствительной жизни, которую я изучалъ въ Германіи и Англіи, говоритъ Брентано, я видѣлъ, что каждое ремесло, каждая отрасль промышленности имѣетъ своихъ рабочихъ, заработокъ которыхъ часто не представляетъ ни малѣйшаго соотвѣтствія съ заработками въ другихъ занятіяхъ. Я видѣлъ, что въ годы кризиса силезскій ткачъ вовсе не бросалъ своего ремесла, а выбивался изъ силъ и не спалъ ночей, чтобы выколотить изъ себя и своихъ дѣтей тѣ гроши, которые ему нужны для пропитанія. Сапожникъ, по большей части, остается сапожникомъ на всю жизнь и не превращается въ прядильщика, хотя бы заработокъ послѣдняго представлялъ въ данное время гораздо больше выгодъ“. Другимъ примѣромъ для доказательства несостоятельности абстрактныхъ теорій объяснить хозяйственныя явленія, въ глазахъ Брентана служитъ извѣстная теорія поземельной ренты Андерсена и Рикардо. Ученіе о рентѣ, какъ излишкѣ цѣнности продукта получаемаго на участкахъ высшаго плодородія по сравненію съ участкомъ самаго низшаго плодородія, находящагося подъ обработкой, по его мнѣнію, находится въ полномъ противорѣчіи съ хозяйственной дѣйствительностью прошлаго вѣка. При опредѣленіи, въ эпоху отживающаго феодальнаго строя, играло роль не только различіе въ плодородіи, или въ положеніи участковъ, но въ гораздо большей мѣрѣ, цѣлая масса субъективныхъ причинъ, заключающихся во взаимныхъ отношеніяхъ крѣпостныхъ къ господамъ. Слѣдствіемъ этого было то, что участки меньшаго плодородія могли давать большую ренту, сравнительно съ участками большаго плодородія, могли также давать ренту участки почти вовсе неплодородные. „Все это съ точки зрѣнія классической теоріи должно было счи-

таться невозможнымъ". (стр. 14—15). Но и въ современную намъ эпоху, когда уже слѣды феодализма исчезли, наблюдается такое-же несовпаденіе теоріи съ фактами дѣйствительности. Изслѣдованія современнаго положенія англійскаго землевладѣнія показываютъ намъ, что продажныя цѣны на землю и арендная плата не находятся въ безусловномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительною доходностью земли. Въ особенности это наблюдается относительно мелкихъ арендъ. Мелкіе арендаторы не съ тою цѣлью и нанимаютъ землю, чтобы получить правильную прибыль. Они ищутъ въ нанимаемомъ участкѣ помѣщенія для труда, не находящаго другаго занятія. По этому они довольны и тѣмъ, что получаютъ обыкновенную заработную плату и сверхъ того небольшую долю прибыли, хотя и не полную прибыль, которую потребовалъ-бы капиталистъ. Тоже самое бываетъ и съ покупными цѣнами на мелкіе участки. Брентано приходилось нерѣдко видѣть въ Эльзасѣ, что эти цѣны превышаютъ на 50% капитализированную цѣнность годичнаго продукта, получаемаго съ этихъ участковъ. Но классическая экономія знаетъ только стремленіе къ наибольшей выгодѣ, но не къ независимому источнику дохода, кромѣ того ея субъектъ стремящійся къ наибольшей выгодѣ есть капиталистъ, а не крестьянинъ. А между тѣмъ ошибки теоріи вели къ печальнымъ результатамъ для практики; при организаціи кредита и при наслѣдованіи цѣны на земли опредѣлялись по капитализаціи чистаго дохода и этимъ путемъ создавалась крайняя задолженность мелкой собственности. Другая ложная теорія, тѣсно связанная съ недостатками абстрактнаго метода, — это ученіе о, такъ называемомъ, заработномъ фондѣ, утверждающее, что высота заработной платы предопредѣляется размѣрами капитала, предназначеннаго для содержанія рабочаго класса. Теорія эта въ одно время сдѣлала господствующимъ въ самомъ законодательствѣ принципъ о безуспѣшности и даже вредѣ прави-

тельственнаго содѣйствія улучшенію участи рабочихъ классовъ.

Убѣдившись на основаніи предшествующаго ряда соображеній въ неудовлетворительномъ состояніи современной экономической теоріи, Брентано, подобно К.-Лесли, видитъ единственное средство для поднятія ее на надлежащую научную высоту въ историко-статистическихъ изслѣдованіяхъ хозяйственнаго быта, которыя одни въ состояніи дать намъ отвѣты на вопросы такъ неудовлетворительно рѣшаемые классической теоріей. „*Теорія народнаго хозяйства*, по мнѣнію Брентано, *должна быть замѣнена исторіей хозяйства*“ [18]).

Обозрѣвая всю эту критику теоріи классической школы, мы, съ своей стороны, считаемъ достаточнымъ относительно ея ограничиться слѣдующими замѣчаніями:

1) Одна часть тѣхъ хозяйственныхъ явленій, на которыя Клифъ-Лесли и Брентано указываютъ, какъ на противорѣчащія положеніямъ классической теоріи, по нашему мнѣнію, удобно объясняется этою же самою теоріей. Это мы, въ особенности, можемъ сказать относительно тѣхъ явленій хозяйственнаго оборота, которыя Брентано приводитъ, какъ противорѣчащія теоріи ренты Рикардо. Что Рикардо и его послѣдователи не думали прилагать свою теорію къ объясненію явленій феодальнаго хозяйства, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, какъ несомнѣнно и то, что Рикардо не могъ быть неизвѣстенъ тотъ фактъ, что участки низшаго плодородія, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ давать бо́льшую ренту, сравнительно съ участками высшаго плодородія, и что могутъ давать ренту даже участки почти вовсе не плодородные. Всѣ эти факты не могли быть неизвѣстны Рикардо по той

18) C Lesly. On the Philosoph. Method, стр. 239; Brentano, Classische Nationaloekonomie, стр. 29.

простой причинѣ, что они предвидены въ самой его теоріи ренты. Рента по теоріи Рикардо есть экономическій фактъ, вытекающій изъ соотношенія слѣдующаго рода причинъ: 1) относительнаго плодородія почвы разныхъ участковъ земли, 2) разности въ разстояніи земельныхъ участковъ отъ рынка сбыта 3), а при одинаковомъ разстояніи отъ рынка, разности въ степени дешевизны и удобства путей сообщенія (шоссе, обыкновенныя дороги, желѣзныя дороги, вліяніе тарифовъ), 4) степени культуры самой земли (система хозяйства, степень ея интензивности). По отношенію къ данному поземельному участку одни изъ этихъ причинъ могутъ одновременно дѣйствовать въ направленіи увеличивающемъ ренту, другія—уменьшающемъ, и въ конечномъ результатѣ логически возможно, а фактически бываетъ такое соотношеніе между дѣйствіями всѣхъ этихъ причинъ, при которомъ участки меньшаго плодородія даютъ ренту, а участки высшаго плодородія ее не дають, какъ напр. въ томъ случаѣ, когда эти послѣдніе весьма удалены отъ рынка, или же соединены съ нимъ первобытными путями сообщенія: въ такомъ именно положеніи находится хлѣбородная область нашей Сибири по отношенію къ англійскимъ и голландскимъ хлѣбнымъ рынкамъ. Только невѣрное, или же, по крайней мѣрѣ, одностороннее пониманіе теоріи Рикардо могло привести Брентано къ заключенію, что поземельная рента есть исключительно излишекъ цѣнности продукта, получаемаго съ участковъ высшаго плодородія, по сравненію съ участками низшаго плодородія, находящимися подъ обработкой. Также безусловно нельзя согласиться съ возраженіями, которыя К. Лесли и Брентано дѣлаютъ противъ положенія теоріи о тенденціи прибыли и заработной платы къ равенству. Конечно ткачъ не оставляетъ своей спеціальности при первомъ пониженіи заработной платы въ этой отрасли производства, но разъ это пониженіе сдѣлается хроническимъ, то, если не сами ткачи, то ихъ сыновья и дѣти постараются

обратиться къ такимъ занятіямъ, въ которыхъ заработная плата, въ силу экономической конъюнктуры, стремится къ повышенію, или же, по крайней мѣрѣ, находится на обыкновенномъ уровнѣ.

2. Другая часть аргументовъ К. Лесли и Брентано заключается въ цѣломъ рядѣ поправокъ къ теоріямъ классической школы. Таковы замѣчанія Брентано относительно ренты получаемой съ мелкихъ участковъ и покупной цѣны этихъ участковъ. Эти поправки, почерпнутыя изъ наблюденій фактовъ хозяйственной жизни, охотно могли бы быть приняты къ свѣденію теоретиками, еслибъ они гораздо раньше не были сдѣланы Д. С. Миллемъ [19]) (въ 1848 г.) и цѣлымъ рядомъ другихъ экономистовъ-теоретиковъ, которые, въ виду этихъ замѣченныхъ ими ошибокъ, вовсе, однако, не думали отрицать цѣлесообразности абстрактнаго и теоретическаго направленія въ хозяйственныхъ изслѣдованіяхъ. Что касается указанія на ошибочность теоріи заработнаго фонда, въ которой повинна классическая школа, то ея ошибочность была доказана такими чистыми теоретиками, какъ Торнтонъ, Родбертусъ, и Брентано, въ данномъ случаѣ, достаточно было только сослаться на этихъ экономистовъ. Вообще же относительно частныхъ ошибокъ, допущенныхъ классическою теоріей, надо имѣть въ виду, что отъ такихъ ошибокъ не можетъ быть гарантированъ ни одинъ родъ научнаго изслѣдованія, въ томъ числѣ и имѣющія такую высокую цѣну въ глазахъ Лесли и Брентано, историко-статистическія изслѣдованія хозяйственнаго быта, а потому совершенно несправедливо дѣлать заключеніе на основаніи такого рода частныхъ ошибокъ о несостоятельности цѣлаго направленія въ наукѣ.

---

19) См. Д. С. Основанія политической экономіи. Русск. пр. 2-е изд. I т. Выясненіе вліянія соперничества, обычая и другихъ фактовъ на ренту и цѣны предметовъ въ гл. IV и XVI. См. также соотвѣтствующія разъясненія у Кэрнса въ его „Some Leading Principles of Political economy. 1873 г I. Part. Chap. III, IV Part. ch I.

3. Ставя въ вину экономической теоріи, что она не объясняетъ вліянія на складъ хозяйственныхъ отношеній, въ различныя эпохи, разныхъ формъ богатства и тѣхъ или другихъ національныхъ особенностей даннаго народа, а также господствующихъ моральныхъ настроеній, сословныхъ стремленій и т. п., К. Лесли и Брентано предъявляютъ, тѣмъ самымъ, такія требованія къ теоріи, выполненіе которыхъ составляетъ прямую задачу хозяйственной исторіи и статистики. Они опускаютъ изъ виду, что „абстрактная теорія“ по существу своей задачи не претендуетъ представить полную и детальную картину хозяйственнаго быта, потому что она изслѣдуетъ хозяйственныя явленія съ одной спеціальной точки зрѣнія—со стороны ихъ типическихъ формъ. Оба автора, предписывая для теоретической экономіи программу чисто историческихъ изслѣдованій хозяйственнаго быта (какъ, напр. изслѣдованіе исторически смѣнявшихся формъ богатства), очевидно смѣшиваютъ задачи экономической теоріи съ задачами хозяйственной исторіи и бытоописанія, оба сходясь въ томъ воззрѣніи, что „теорія хозяйства должна быть замѣнена исторіей хозяйства“

Критика англійской теоріи политической экономіи историческою школою, не смотря на многія преувеличенія, въ которыя впадали при этомъ представители этой школы, была, тѣмъ не менѣе, во многихъ отношеніяхъ плодотворна для дальнѣйшаго развитія теоретической экономіи. Это, въ особенности, мы должны сказать о разъясненіяхъ сдѣланныхъ экономистами-историками относительно связи хозяйственныхъ явленій со всѣмъ складомъ общественной жизни даннаго времени. Разъясненія эти были приняты во вниманіе послѣдующимъ поколеніемъ теоретиковъ и на основаніи ихъ сдѣланы соотвѣтствующія поправки въ классической теоріи и самое

значеніе теоретической экономіи было сведено въ надлежащія границы; при этомъ выяснился ея, до нѣкоторой степени, временный и мѣстный характеръ, хотя въ смыслѣ отличномъ отъ того, въ какомъ себѣ это представляли экономисты исторической школы [20]). Но на этомъ пути критики погрѣшностей экономической теоріи—экономисты исторической школы могли идти рука объ руку съ экономистами-теоретиками, такими, какъ Милль, Кернсъ, Германъ, Сиджвикъ, которые, также, во многихъ отношеніяхъ исправляли и дополняли экономическую теорію, унаслѣдованную ими отъ предшествующаго поколенія экономистовъ. Можно было указывать ошибки, отрицать отдѣльныя выводы теоріи, какъ это и дѣлали названные экономисты, не отрицая при этомъ исходныхъ моментовъ самой теоріи, какъ особаго рода научнаго изслѣдованія и тѣхъ методологическихъ пріемовъ, безъ которыхъ не мыслимо самое существованіе этого рода изслѣдованій. Но историческая школа выступила именно на этотъ послѣдній путь и отнеслась безусловно отрицательно къ самому методу теоретической экономіи.

Отрицательное отношеніе къ методу классической теоріи выражется въ томъ, что историческая школа считаетъ въ корнѣ ошибочною мысль о возможности примѣненія конкретно—дедуктивнаго метода къ изслѣдованію хозяйственныхъ явленій, того метода, на которомъ основано построеніе теоретической экономіи. Критика дедукціи, какъ метода теоретическаго изслѣдованія въ политической экономіи, не отличается однако обиліемъ аргументовъ и такою обстоятельностію, которая обнаружена историческою школою въ критикѣ отдѣльныхъ ученій классической теоріи. Для того чтобы мнѣніе исторической школы о несостоятельности дедуктивного метода въ политической экономіи могло претендовать на научный авто-

---

20) См. выше приведенныя методологическія воззрѣнія Бодріота и Тойнби

ритетъ, оно должно было бы опираться на такое или иное рѣшеніе соотвѣтствующей проблемы изъ теоріи познанія— (какой научный методъ болѣе всего отвѣчаетъ спеціальнымъ свойствамъ народно-хозяйственныхъ явленій?)—такимъ именно путемъ шелъ Д. С. Милль, защищая противоположное воззрѣніе о необходимости дедуктивнаго метода въ политической экономіи. Конечно, дедуктивный методъ фактически примѣнялся въ экономическихъ изслѣдованіяхъ гораздо раньше, чѣмъ онъ получилъ санкцію отъ экономистовъ методологовъ, имъ въ широкихъ размѣрахъ пользовались физіократы, А. Смитъ и Рикардо, но англійскіе экономисты-методологи признали его права гражданства только послѣ предварительнаго рѣшенія цѣлаго ряда проблемъ изъ теоріи познанія, въ примѣненіи ея къ изслѣдованію общественныхъ явленій и спеціальнаго вида этихъ явленій—экономическихъ. Слѣдуя этимъ путемъ, Д. С. Милль, въ своей „Логикѣ", доказалъ, что чрезвычайная сложность общественныхъ явленій дѣлаетъ невозможнымъ суммарное изученіе ихъ во всей совокупности, и что для изслѣдователя не остается другого выбора, какъ обратиться къ аналитическому изученію общественныхъ явленій по отдѣльнымъ ихъ категоріямъ и по отдѣльнымъ сторонамъ общественной жизни. Милль былъ весьма далекъ отъ мысли выдавать законы одной части общественныхъ явленій (хозяйственныхъ) за законы всей общественной жизни, но онъ доказалъ, что только аналитическимъ путемъ изслѣдованія законовъ отдѣльныхъ категорій явленій, изъ которыхъ слагается жизнь современнаго общества, можно достигнуть познанія законовъ, управляющихъ дѣятельностью всего сложнаго общественнаго организма. Остановившись, затѣмъ, спеціально на хозяйственной жизни общества, Милль выяснилъ какіе мотодологическіе пріемы вытекаютъ изъ самой задачи изолированнаго изслѣдованія этой важной стороны соціальной жизни, онъ показалъ какъ неудовлетворительны резуль-

таты получаемыя при помощи индукціи и почему дедукція и, въ часности, спеціальный ея видъ, конкретно-дедуктивный методъ—долженъ имѣть широкое примѣненіе при рѣшеніи вопросовъ теоретической экономіи.

Историческая школа въ своей критикѣ экономической дедукціи неоказалась на высотѣ предстоявшей ей задачи. Эта критика вовсе не отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыя налагались на представителей исторической школы современнымъ положеніемъ ученія о дедуктивномъ методѣ, въ томъ видѣ какъ оно формулировано Д. Ст. Миллемъ, Кэрнсомъ и другими ихъ сторонниками. Недостаточно сказать, что методологическія ученія Милля и его школы—историческою школою не опровергнуть, но къ этому надо еще прибавить, что среди выдающихся представителей исторической школы мы не встрѣчаемъ даже надлежащаго знакомства съ этими ученіями, которыя они просто или отрицаютъ, или игнорируютъ.

Воззрѣнія разныхъ представителей исторической школы на дедукцію въ политической экономіи представляютъ всѣ степени отрицательнаго отношенія къ ней, начиная съ извѣстнаго условнаго признанія значенія этого метода (въ ученіи Книса) и оканчивая полнымъ отрицаніемъ (Шмоллеръ, Брентано и другіе). Книсъ, представляющій среди экономистовъ исторической школы счастливое исключеніе своимъ обстоятельнымъ знакомствомъ съ методологическимъ ученіемъ Милля, признаетъ значеніе за дедуктивными ученіями политической экономіи на столько, на сколько они оправдываются индивидуальными фактами дѣйствительной жизни, другими словами, онъ видитъ силу и значеніе конкретно-дедуктивнаго метода и, такъ сказать, центръ тяжести въ его третьей стадіи—въ процессѣ повѣрки. Ингрэмъ признаетъ значеніе дедукціи для теоретическихъ изслѣдованій уже въ меньшей степени, чѣмъ Книсъ. По воззрѣнію Ингрэма чрезвычайная сложность общественно-хозяйственныхъ явленій служитъ

достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы отводить ей роль второстепеннаго и вспомогательнаго способа изслѣдованія по отношенію къ наблюденію. Примѣненіе дедукціи къ экономическимъ изслѣдованіямъ должно состоять не въ провѣркѣ наблюденіемъ выводовъ, полученныхъ дедуктивнымъ путемъ, а наоборотъ. Законы строенія и развитія народнаго хозяйства должны изучаться путемъ наблюденія, какъ современныхъ, такъ и прошлыхъ хозяйственныхъ состояній, а назначеніе дедукціи состоять въ провѣркѣ результатовъ индукціи выводами изъ основныхъ свойствъ человѣческой натуры и законовъ внѣшней природы. Словомъ, отрицая цѣлесообразность прямаго дедуктивнаго метода Милля, Ингрэмъ настаиваетъ на примѣненіи обратно дедуктивнаго метода, въ видѣ дополненія къ наблюденію и выводамъ, полученнымъ индуктивнымъ путемъ. „Законъ, по его выраженію, есть генерализированіе факта, а наука—построеніе цѣлой системы—этихъ законовъ“ [21]). Относительно предпочтенія оказываемаго Ингремомъ обратной дедукціи передъ прямою—мы можемъ только замѣтить, что это воззрѣніе находится въ тѣсной связи съ его пониманіемъ задачи политической экономіи, которую, какъ мы видѣли, онъ смѣшиваетъ съ задачами исторіи и соціологіи. Какъ извѣстно, Д. С. Милль, представившій, въ своей „Системѣ Логики“, подробный анализъ обратно-дедуктивнаго метода, ограничиваетъ его примѣненіе областью историческихъ изслѣдованій. Конечно, вопросъ о примѣненіи этого метода къ рѣшенію проблемъ теоретической экономіи заслуживаетъ того, чтобы сдѣлаться предметомъ спеціальнаго изслѣдованія, но Ингремъ, какъ и Брентано, раздѣляющій тоже воззрѣніе, не представили другихъ основаній своей мысли, кромѣ того, которое заключается въ приведенныхъ фразахъ. Крайнюю лѣвую въ отрицаніи пригодности вообще

21) Ingram, Die Nothwend Reform. der Volkswirthschaftslehre, стр. 5, 20, 21.

дедуктивнаго метода въ политической экономіи составляютъ Шмоллеръ, Клифъ Лесли, Брентано, Гасбахъ. Они считаютъ индукцію единственнымъ цѣлесообразнымъ методомъ изслѣдованія законовъ народнаго хозяйства, причемъ иногда называютъ этотъ методъ историческимъ [22]). Наблюденіе и только одно наблюденіе, по мнѣнію Шмоллера, должно служить и основаніемъ и провѣркою ученій политической экономіи. Шмоллеръ рѣшительно не согласенъ съ однимъ изъ элементарныхъ положеній научной методологіи, что наблюденіе въ сферѣ общественныхъ явленій приводитъ къ установленію законовъ эмпирическихъ, а неточныхъ, такъ какъ оно недаетъ никакой гарантіи, въ томъ, что вѣрное для наблюдаемаго случая, вѣрно и для всѣхъ подобнаго рода случаевъ. Онъ держится другого мнѣнія „что разъ наблюденіе даннаго явленія, какъ въ колиственномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, произведено правильно, то необходимо допустить, что повтореніе одинаковыхъ качественно и количественно причинъ будетъ вызывать одни и тѣже, разъ наблюденныя, слѣдствія. На этомъ законѣ нашего мышленія, полагаетъ онъ, должна быть построена вся теоретическая наука о народномъ хозяйствѣ“ [23]). Но опять же и Шмоллеръ, кромѣ этихъ краткихъ замѣчаній, не приводитъ другихъ основаній своей мысли о возможности въ области народнаго хозяйства, посредствомъ „правильныхъ въ количественномъ и качественномъ отношеніи наблюденій“ прійти къ познанію основныхъ законовъ хозяйственныхъ явленій. Именно эту то возможность и отрицаетъ Д. С. Милль, возражая противъ мнѣній крайнихъ индуктивистовъ, придающихъ большое значеніе количе-

22) L Brentano. Arbeiterversicherungszwang. Deutsche Zeit-und Streit-Frage 1881 г. стр. 20—23. Hassbach. Рецензія на сочиненіе Э Сакса „Aufgabe und Method d Pol Oek“ Jahrbuch f. Gesetz. Verwalt. und Volkswirth. 1885.

23) G. Schmoller. Jahrbuch. f Gesetz .. Zur Methodologie der Staats—und Socialwissenschaft стр. 978.

ству наблюдаемыхъ случаевъ. „Ненаучные изслѣдователи, говоритъ онъ, склонны весьма много полагаться на число случаевъ. Въ большинствѣ людей степень увѣренности въ заключеніяхъ соразмѣряется только съ массою опытовъ, на которыхъ эти заключенія, повидимому, основываются. Эти люди несоображаютъ, что если къ прежнимъ случаямъ прибавляются новыя того же рода т. е. отличающіеся лишь въ обстоятельствахъ признанныхъ несущественными, то къ достовѣрности заключенія не прибавляется ничего“ [24]). А между тѣмъ наблюденіе общественныхъ явленій побольшей части поставлено въ такого рода неудобныя условія, подрывающія значеніе индукціи, какъ орудія изслѣдованія законовъ хозяйственныхъ явленій. (См. гл. IV). Конечно, индукція есть незамѣнимый методъ для полученія законовъ статистики и исторіи, и по этому совершенно послѣдовательною является защита исключительнаго господства этого метода въ обществовѣденіи тѣми экономистами исторической школы, которые отождествляютъ политическую экономію съ хозяйственной исторіей и политикой, но эти экономисты необъяснили и непоказали какимъ образомъ изъ наблюденія конкретныхъ историко-хозяйственныхъ явленій, путемъ индукціи, можно прійти къ познанію основныхъ общественно-хозяйственныхъ законовъ — законовъ типическихъ формъ хозяйственныхъ явленій.

Обычныя ссылки представителей исторической школы на авторитетъ Бэкона въ подтвержденіе своего мнѣнія объ исключительной роли индукціи въ общественно-хозяйственныхъ изслѣдованіяхъ едвали имѣютъ какое нибудь основаніе въ дѣйствительныхъ воззрѣніяхъ Бэкона на значеніе этого метода. Мнѣніе объ исключительномъ преклоненіи Бэкона передъ индукціей, по меньшей мѣрѣ, преувеличено. Бэконъ,

---

24) См. также R. Whately. Introductory Lectures on political-economy. 1855 г. London. стр. 156.

которому индуктивный методъ изслѣдованія обязанъ тѣмъ значеніемъ, какое онъ получилъ въ наукѣ у народовъ новаго времени, никогда не считалъ индукцію универсальнымъ методомъ изслѣдованія. На ряду съ индукціей онъ придавалъ равное значеніе и абстрактному изслѣдованію[25]). Онъ только обусловливаетъ, чтобы спекулятивныя изслѣдованія основывались не на произвольныхъ аксіомахъ, а на истинахъ, почерпнутыхъ путемъ предварительной индукціи изъ наблюденія. Бэконъ возстаетъ противъ схоластической спекулятивной философіи, которая исходила изъ разныхъ метафизическихъ положеній (субстанція, качество, дѣйствіе, рѣдкость и т. п.), но не противъ силлогизма вообще, какъ способа научнаго изслѣдованія. Напротивъ, въ силлогизмѣ онъ видитъ средство экономизировать силы изслѣдователя; этотъ пріемъ мышленія, въ глазахъ Бэкона, даетъ возможность выводить изъ извѣстныхъ фактовъ неизвѣстное. Назначеніе же индукціи, по Бэкону, должно состоять, между прочимъ, въ приготовленіи аксіомъ или принциповъ, которые затѣмъ служатъ основою силлогизма. Такимъ образомъ можно констатировать близкое сродство въ основныхъ воззрѣніяхъ Бэкона и Д. С. Милля на роль обоихъ методовъ—дедукціи и индукціи—въ научныхъ изслѣдованіяхъ.

---

25) „Человѣкъ въ своей двойной роли интерпретатора природы и существа, подчиняющаго природу своимъ цѣлямъ, уясняетъ и реализируетъ свои умственныя концепціи въ той лишь мѣрѣ, на сколько онъ успѣваетъ открыть порядокъ господствующій въ природѣ *путемъ наблюденія и абстрактнаго мышленія*—больше этого онъ не въ силахъ сдѣлать; ибо онъ не располагаетъ силою, которая могла бы прервать цѣпь причинъ, связующихъ явленія, онъ не можетъ побѣждать натуру иначе, какъ ей повинуясь, такимъ образомъ двѣ цѣли—знаніе и подчиненіе природы своимъ цѣлямъ совпадаютъ между собою въ однихъ и тѣхъ же пунктахъ и если онъ не достигаетъ значительныхъ результатовъ, то именно вслѣдствіе незнанія причинъ явленій. Oevres des Francois Bacon. Французъ. переводъ Lassal. Dijon. 1790 г. Введеніе стр. 70. Томъ 4-й стр. 45—50; 78—80 стр. и др.

Мы здѣсь почти некасались характеристики тѣхъ, собственно, полемическихъ пріемовъ, которыми Шмоллеръ, К. Лесли, Ингрэмъ и др., защищая индикцію, пользуются для дискредитированія воззрѣній своихъ противниковъ, мы только отмѣтимъ тотъ фактъ, что на ненаучность этихъ пріемовъ указывали даже болѣе безпристрастные изъ экономистовъ исторической школы. „Экономисты исторической школы, говоритъ одинъ изъ ея сторонниковъ, склонны защищать индукцію въ высшей степени ненаучнымъ способомъ, поверхностно и притомъ съ крайней нетерпимостью по отношенію къ своимъ противникамъ“ [26]).

---

[26]) Bella Wiss Zu Logik der Nationalökomie Zeitschr. für. gesamte Staatwissensch. 1875 г. стр. 527.

VIII.

Эгоизмъ, какъ основная посылка теоретической политической экономіи и вопросъ о мотивахъ хозяйственной дѣятельности.

Какъ мы видѣли, историческая школа параллельно съ нападками на дедуктивный методъ въ политической экономіи ведетъ отдѣльную атаку противъ нѣкоторыхъ основныхъ посылокъ, на которыхъ построена система ученій классической экономіи. На сколько критическія замѣчанія представителей исторической школы направлены противъ отдѣльныхъ посылокъ классической теоріи, хотя бы и съ цѣлію доказать ихъ полную невѣрность, то здѣсь уже рѣчь идетъ не объ общей нецѣлесообразности дедуктивною метода, а о томъ, въ какой мѣрѣ правильно пользовались дедукціей классическіе экономисты. Представители исторической школы, полемизируя и противъ дедуктивнаго метода и противъ основныхъ посылокъ классической теоріи, желаютъ этимъ показать, что, если даже допустить пригодность чистой дедукціи для теоретическаго изслѣдованія, то все таки выводы классической школы ложны, потому что они основаны на ошибочныхъ посылкахъ. Возраженія исторической школы противъ вѣрности посылокъ классической экономіи переносятъ вопросъ на ту почву, на которой ведутся споры между самими послѣдователями дедуктивнаго метода. Понятно, что сужденія, имѣющія цѣлью указать неточность, или, даже, совершенную невѣрность положеній служащихъ посылками для той или другой экономической теоріи, должны имѣть особенную важность въ глазахъ теоретиковъ-экономистовъ.

Раньше мы уже встрѣчались съ отдѣльными возраженіями исторической школы противъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ положеній, лежащихъ въ основѣ классической теоріи. Намъ остается еще разсмотрѣть критику одной изъ самыхъ важныхъ посылокъ, на которой возведено зданіе теоретической экономіи — „посылки эгоизма“. Роль этой посылки въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ первостепенной важности; разъ была бы доказана фактическая невѣрность той мысли, что эгоизмъ есть основной мотивъ хозяйственной дѣятельности и одинъ изъ главныхъ устоевъ хозяйственнаго оборота, то все зданіе теоретической экономіи классической школы было бы поколеблено, тогда какъ доказанная невѣрность, напр., положенія о стремленіи прибыли и заработной платы во всѣхъ отрасляхъ приложенія труда и капитала, къ равенству повела бы только къ нѣкоторымъ, хотя и существеннымъ, поправкамъ въ теоріи политической экономіи. Разсужденія исторической школы по вопросу объ эгоизмѣ, какъ основной посылкѣ классической теоріи и о мотивахъ хозяйственной дѣятельности вообще, заслуживаютъ особеннаго вниманія еще и потому, что они относятся къ психологіи хозяйственныхъ отношеній — т. е къ той сторонѣ хозяйственныхъ явленій, которую всегда старалась выдвинуть на первый планъ въ своихъ изслѣдованіяхъ эта школа, создавшая даже особое этическое или психологическое направленіе въ политической экономіи. Вопросъ о мотивахъ хозяйственной дѣятельности и о роли эгоизма въ хозяйственныхъ отношеніяхъ въ особенности, — вовсе небылъ затронутъ съ методологической стороны писателями классической школы. Тюрго, Ад. Смитъ, Рикардо, создавая научную конструкцію теоретической экономіи, молча исходили изъ „посылки эгоизма“, вовсе не объясняя тѣхъ основаній, по которымъ они принимали эту посылку за исходный пунктъ своихъ выводовъ. Поэтому, при послѣдующемъ пересмотрѣ классической теоріи

возникалъ цѣлый рядъ вопросовъ относительно того, есть ли эгоизмъ единственный мотивъ хозяйственной дѣятельности, въ состояніи ли привесги ничемъ нестѣсненное господство этого мотива въ хозяйственныхъ отношеніяхъ къ обезпеченію ингересовъ всѣхъ лицъ и всѣхъ классовъ общества, не находится ли, наконецъ, теорія политической экономіи, основанная на предположеніи господства этого мотива въ хозяйственной жизни въ противорѣчіи съ дѣйствительностью? Эти и тому подобные вопросы ставились и разсматривались представителями двухъ различныхъ направленій въ политической экономіи. Ученію о мотивахъ хозяйственной дѣятельности и выясненію методологическаго значенія „посылки эгоизма“ въ политико-экономическихъ изслѣдованіяхъ посвятили достаточно вниманія теоретики-экономисты Д. С. Милль и Кэрнсъ, а въ послѣднѣе время, Вагнеръ, Шеффле, Сиджвикъ, Дитцель, Саксъ и Даргюнъ. Въ свою очередь и экономисты исторической школы, Книсъ, Шмоллеръ, К. Лесли, Брентано и др., критиковавшіе классическую теорію, также отводили много мѣста подробной критикѣ „теоріи эгоизма“, представивъ, при этомъ, свою особую систему воззрѣній на психологію хозяйственныхъ отношеній. Критическія замѣчанія исторической школы относительно „посылки эгоизма“ оказали несомнѣнно благотворное вліяніе на дальнѣйшее направленіе теоретическихъ изслѣдованій въ политической экономіи. Тѣмъ не менѣе, если только, при современномъ состояніи экономической науки, можетъ быть рѣчь объ особенной категоріи знаній, которую можно было бы назвать „психологіей общественно-хозяйственныхъ отношеній“, то должно признать, что установленіе нѣкоторыхъ изъ положеній относящихся къ этой области составляетъ заслугу группы экономистовъ-теоретиковъ, а отнюдь не представителей исторической школы. Неудовлетворительность результатовъ достигнутыхъ въ области „хозяйственной психологіи“ историческою школою, сравнительно да-

же съ тѣмъ немногимъ, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи школою англійскихъ и германскихъ теоретиковъ-экономистовъ, по нашему мнѣнію, находитъ свое объясненіе въ неправильности, какъ общихъ методологическихъ воззрѣній исторической школы на задачу теоретической экономіи, такъ, и въ частности, неправильности тѣхъ пріемовъ, которые были примѣняемы ею при анализѣ мотивовъ хозяйственной дѣятельности.

1. Правильной оцѣнкѣ различныхъ категорій хозяйственныхъ явленій въ отношеніи психологическихъ мотивовъ, изъ которыхъ они вытекаютъ, а также надлежащей оцѣнкѣ „посылки эгоизма“ въ политической экономіи, мѣшало обычное у исторической школы смѣшеніе теоретической точки зрѣнія съ прикладною. Дѣло въ томъ, что вопросъ о роли эгоизма или хозяйственнаго разсчета, выражающагося въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній стремленіемъ достигать возможно большихъ результатовъ посредствомъ затраты возможно меньшаго количества труда,—заключаетъ въ себѣ двѣ совершенно различныя проблемы, изъ которыхъ одна относится къ теоріи политической экономіи и другая къ хозяйственной политикѣ. Въ данномъ случаѣ теоретическое изслѣдованіе должно было рѣшить вопросъ о томъ, дѣйствительно ли на эгоизмѣ основаны тѣ акты хозяйственной дѣятельности, которыя разсматривала классическая теорія и, если да—то дѣйствительно ли тѣми именно послѣдствіями выражается эгоистическая дѣятельность людей въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній какія констатировала классическая школа въ своихъ ученіяхъ о производствѣ, распредѣленіи и обращеніи благъ. Въ задачу теоретическаго изслѣдованія вовсе не входило одобреніе, или осужденіе эгоизма, какъ мотива хозяйственной дѣятельности, оно должно было только признать, или не признать его фактическою силою, на которой основанъ хозяйственный оборотъ. Но желательны ли тѣ послѣд-

ствія, къ которымъ приводитъ эгоизмъ въ области хозяйственныхъ отношеній, что лучше обезпечиваетъ хозяйственные интересы и благосостояніе общества эгоизмъ, или альтруизмъ, какія сферы въ интересахъ общаго блага всего цѣлесообразнѣе подчинить извѣстнаго рода предписаніямъ, основаннымъ на началѣ альтруизма—все это вопросы, относящіеся къ соціальной политикѣ и къ прикладной, а не къ теоретической экономіи. Историческая школа этихъ двухъ сторонъ вопроса неотдѣляла одну отъ другой и результатомъ этого смѣшенія фактической роли эгоизма въ хозяйственныхъ отношеніяхъ съ соціально-политическимъ идеаломъ было неправильное пониманіе этою школою тѣхъ экономическихъ системъ, которыя въ теоретической части основывались на „посылкѣ эгоизма“. Это надо сказать относительно двухъ экономическихъ системъ, весьма рѣзко отличающихся между собою и являющихся предметомъ постоянной критики исторической школы,— системѣ А. Смита и—соціалистовъ. Систему А. Смита историческая школа, иначе, называла „системой эгоизма и индивидуализма“, или „системой естественнаго права“. При этомъ историческая школа недѣлала никакого различія между воззрѣніемъ А. Смита на фактическую роль эгоизма съ сферѣ хозяйственныхъ отношеній и тѣми его воззрѣніями, въ которыхъ онъ старается согласовать положеніе вещей, вытекающее изъ самому себѣ предоставленнаго хозяйственнаго оборота, съ требованіями морали, общественнаго блага и государственными интересами. А Смитъ дѣйствительно, и въ своихъ теоретическихъ ученіяхъ, и въ своихъ соціально-политическихъ планахъ, исходилъ изъ предположенія объ эгоистическомъ образѣ дѣйствій людей въ области народнаго хозяйства. Но въ обоихъ случаяхъ отношеніе А. Смита къ эгоизму далеко неодинаковое. Въ тѣхъ частяхъ своего трактата, гдѣ онъ анализируетъ явленія хозяйственнаго оборота и старается формулировать законы ими управляющіе, А Смитъ

придерживается того воззрѣнія, что основнымъ факторомъ хозяйственной дѣятельности, подъ вліяніемъ котораго слагаются такія явленія, какъ цѣна, рента, прибыль, денежное обращеніе и т. п., — служитъ личный интересъ или эгоизмъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ хозяйственныхъ классовъ. Что же касается прикладной части трактата А. Смита и его этическихъ воззрѣній на современныя ему хозяйственныя отношенія, то позднѣйшія весьма обстоятельныя изслѣдованія его міровоззрѣнія, основанныя на тщательномъ изученіи текста его сочиненій, недопускаютъ сомнѣнія въ томъ, что А. Смитъ небылъ такимъ безусловнымъ панегиристомъ индивидуализма, какимъ представляетъ его историческая школа, начиная съ Фридриха Листа и оканчивая ея современными представителями. А. Смитъ вовсе несчитаетъ лучшею экономической политикою для всѣхъ народовъ и вовсѣ историческіе моменты — предоставленіе всѣхъ хозяйственныхъ отношеній свободной игрѣ личнаго интереса или эгоизма. Правда, онъ многократно говоритъ: „что считается благоразумнымъ въ дѣятельности каждаго отдѣльнаго лица то неможетъ быть безразсуднымъ въ образѣ дѣйствія всего народа“. Но къ этому аргументу онъ прибѣгаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ желаетъ доказать выгоды свободы торговли и свободы хозяйственной дѣятельности для Англіи, т. е. той системы политики, которая въ ту пору дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ отвѣчала національнымъ интересамъ его отечества. А. Смитъ думалъ, что въ этихъ предѣлахъ личный интересъ отдѣльныхъ лицъ вполнѣ совпадаетъ съ благомъ всего общества. Но, что А. Смитъ не думалъ выдавать политику свободы торговли и невмѣшательства за лучшую политику для всѣхъ временъ и народовъ, это видно изъ его энергической защиты полезности для своего времени Кромвелевскаго акта о мореплаваніи. Во всякомъ случаѣ, по отношенію къ соціальной политикѣ А Смитъ не доходилъ до отождествленія интере-

совъ личности съ интересами общества [1]). Весьма справедливо замѣчаетъ относительно прикладной части сочиненія А. Смита Сиджвикъ, что „приписывать А. Смиту догматическую теорію естественнаго права абсолютной независимости личности въ промышленной жизни, какъ это дѣлаютъ въ послѣднее время германскіе писатели — это значитъ строить исторію экономическихъ ученій изъ своего разума, а не на основаніи фактическаго содержанія, представляемаго этими ученіями“ [2]). Какъ бы то ни было, но характеризуя ученія А. Смита, какъ „систему индивидуализма и эгоизма“, историческая школа доказывала только несостоятельность извѣстныхъ принциповъ хозяйственной политики. Но доказанная невѣрность и теоріи „lessez faire“ и индивидуализма, какъ принципа соціальной организаціи, ничего неговоритъ еще о вѣрности, или ложности „посылки эгоизма“, въ теоретическомъ изслѣдованіи хозяйственныхъ явленій. Между этими двумя частями доктрины А. Смита несуществуетъ органической зависимости. А потому и послѣ этой критики принциповъ хозяйственной политики въ ученіи А. Смита, оставался открытымъ вопросъ о томъ, насколько правильно поступалъ онъ, исходя изъ предположенія объ эгоистическомъ образѣ дѣй-

---

1) У него мы читаемъ самыя энергическія выраженія, говорящія объ антогонизмѣ между отдѣльными хозяйственными классами. „Ничто болѣе непримиримо съ званіемъ правителя, говоритъ онъ, какъ качества купца. Какъ правитель онъ имѣетъ тѣже интересы, какъ и вся страна, но, какъ купецъ, онъ со своими интересами стоитъ въ полномъ антагонизмѣ съ интересами всего народа“. „Интересы предпринимателя въ какой либо отдѣльной отрасли торговли, или производства совершенно отличны и противоположны интересамъ общества“. См. А. Смитъ „О богатствѣ народовъ“. Рус, пер. 2 ч. стр. 280, 573 и др. Мѣста въ сочиненіяхъ А. Смита, подрывающія воззрѣніе на него, какъ на сторонника безусловной свободы торговли, тщательно собраны и освѣщены въ соч. проф. И. И Янжула „Англійская свободная торговля“ 1876 г. стр. отъ 174 по 182 и Onken. „A. Smith und J. Kant“, 1877 г. стр. 131—134; 209 по 228. Knies. P. Oek. vom gesch. Stand. стр 223—227.

2) Sidgwick, The Scope and Meth. стр. 7. H. Dietrl, Beitrage zue. Methodik. стр. 28—29.

ствій людей въ своихъ теоретическихъ объясненіяхъ такихъ явленій хозяйственнаго оборота, какъ цѣна, денежное обращеніе, рента, заработная плата, процентъ и т. п.

Что признаніе эгоизма фактической силою, двигающею механизмъ современныхъ хозяйственныхъ отношеній не означаетъ еще одобренія съ соціально-политической точки зрѣнія послѣдствій проявленія этой силы въ условіяхъ нестѣсняемаго внѣшними предписаніями хозяйственнаго оборота, какъ это бываетъ въ случаѣ господства въ широкихъ размѣрахъ политики невмѣшательства—въ этомъ наглядно можно убѣдиться на системѣ соціалистовъ Такъ, представители соціализма Марксъ и Ротбертусъ во всѣхъ своихъ теоретическихъ ученіяхъ исходили изъ „посылки эгоизма“, фактическую роль эгоизма въ хозяйственной жизни они даже преувеличивали; но они отрицали его пригодность въ качествѣ принципа соціальной политики и вовсе не отводили ему никакого мѣста въ своихъ планахъ хозяйственной организаціи общества, которую они разсчитывали построить исключительно на началѣ альтруизма.

2. Не смотря на тѣ методологическія ошибки, которыя допускала историческая школа въ своихъ воззрѣніяхъ на „хозяйственный эгоизмъ“, въ общей массѣ того, что было написано на эту тему историческою школою—ею было высказано не мало сужденій, которыя относятся къ изслѣдованію теоретической части вопроса о мотивахъ хозяйственной дѣятельности. Въ сужденіяхъ этихъ было много вѣрного. А именно, представители исторической школы справедливо утверждали, что эгоизмъ не есть единственный мотивъ хозяйственной дѣятельности, что въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній имѣютъ мѣсто всѣ тѣ мотивы, чувства и стремленія, какіе мы наблюдаемъ и въ другихъ сферахъ человѣческой жизни. Правы были также представители исторической школы, когда они указывали на „альтруизмъ и лю-

бовь къ ближнему, какъ на второй полюсъ, возлѣ котораго вращается хозяйственная жизнь", причемъ они совершенно вѣрно считали семью и государство альтруистическими союзами, имѣющими извѣстныя функціи въ хозяйственной жизни. Высказавъ эти совершенно вѣрныя сужденія, историческая школа, тѣмъ неменѣе, неуспѣла надлежащимъ образомъ эксплуатировать ихъ для своихъ изслѣдованій въ области „хозяйственной психологіи". Ей не удалось, ни разграничить въ хозяйственной жизни сферы дѣятельности эгоизма и альтруизма, ни классифицировать различныя группы хозяйственныхъ явленій въ отношеніи психологическихъ мотивовъ хозяйственной дѣятельности. Причина этого, на нашъ взглядъ, заключалась въ обычномъ у исторической школы пріемѣ суммарно разсматривать общественныя явленія, не отдѣляя, пріэтомъ, хозяйственныхъ явленій отъ правовыхъ и моральныхъ и неразграничивая, также, различныхъ сферъ общественно-хозяйственныхъ отношеній. Примѣненіе этого пріема къ изслѣдованію мотивовъ хозяйственной дѣятельности выразилось въ слѣдующей формы. Разсматривая какое нибудь хозяйственное явленіе напр. полученіе прибыли капиталистомъ, заработной платы рабочимъ, писатели классической школы обыкновенно утверждаютъ, что капиталисты, помѣщающіе свой капиталъ въ предпріятіе, желаютъ получить возможно большій %, рабочій нанимающій свой трудъ, желаетъ получить за него возможно большую плату—каждый изъ нихъ предпочитаетъ большую выгоду меньшей, оба желаютъ и поступаютъ эгоистично. Писатели же исторической школы на это говорятъ: мы согласны съ тѣмъ, что оба, и капиталистъ и рабочій, имѣютъ въ виду лишь свой личный интересъ, но мы погодимъ называть этотъ мотивъ дѣятельности эгоистическимъ, пока не узнаемъ для какой цѣли скопляетъ капиталистъ свои капиталы и на что расходуетъ заработную плату рабочій,— если первый изъ нихъ накопляетъ капиталы съ тѣмъ, чтобы

ихъ пожертвовать благотворительному обществу, а второй имѣетъ въ виду потратить свой заработокъ на содержаніе семьи, то мы должны будемъ признать, что оба они, предприниматель и рабочій, руководствовались не личнымъ интересомъ, а интересами и выгодами другихъ лицъ, словомъ, въ основѣ ихъ хозяйственныхъ хлопотъ лежитъ альтруизмъ. Вмѣсто того, чтобы отвѣчать на вопросъ, на какомъ психическомъ мотивѣ основываются коммерческія отношенія предпринимателей между собою и къ рабочимъ, историческая школа характеризуетъ отношенія этихъ лицъ къ своей семьѣ, или объясняетъ ихъ благотворительныя дѣянія, имѣющія мало общаго съ ихъ хозяйственной дѣятельностью [3]). Такимъ образомъ, хозяйственный моментъ (въ отношеніяхъ предпринимателей и рабочихъ), который долженъ составлять предметъ изслѣдованія, совершенно опускается изъ виду, а то, что выдается за его изслѣдованіе, на дѣлѣ есть рѣшеніе совсѣмъ другого вопроса. Но, если признать правильность такой постановки вопросовъ, то пришлось бы совершенно отрицать существованіе эгоистическихъ мотивовъ въ хозяйственной дѣятельности людей, потому что въ дѣйствительности весьма рѣдко могутъ случаться такіе люди, которые не дѣлились бы своимъ доходомъ отъ труда, или капитала со своими ближними, руководствуясь родствомъ, дружбой, милосердіемъ, гуманностью, или желаніемъ общей пользы. Основываясь на такого рода научномъ пріемѣ изслѣдованія, Книсъ, не можетъ допустить, чтобы человѣкъ, который, какъ гражданинъ, является патріотомъ, какъ семейный человѣкъ, относится съ любовью къ своей семьѣ, въ тоже время, могъ поступать эгоистично по отношенію къ другимъ людямъ въ сферѣ хозяйственныхъ интересовъ [4]). Не рѣшаясь, такимъ образомъ, признать эгои-

---

3) Knies. Pol. Oek. vom Gesch. Meth стр. 239—240.

4) Тоже, стр. 232. Kautz Nationalokonomik als Wissenschaft. стр. 16[illegible].

стическій характеръ ни за одною изъ категорій хозяйственныхъ дѣйствій въ хозяйственномъ оборотѣ, историческая школа впадаетъ въ противорѣчіе съ своими воззрѣніями въ области хозяйственной политики, настаивая на необходимости государственнаго вмѣшательства въ отношенія между хозяйственными классами. Ибо, если эгоистическіе мотивы въ области хозяйственныхъ отношеній находятся въ такомъ равновѣсіи съ мотивами альтруистическими, какъ это утверждаетъ Книсъ, то какъ примирить это мнѣніе съ требованіемъ государственнаго вмѣшательства, составляющаго одинъ изъ основныхъ принциповъ историко-этической школы, которая предполагаетъ этимъ путемъ внести больше справедливости въ хозяйственныя отношенія. Тогда уже Бастіа и манчестерская школа являются гораздо болѣе послѣдовательными, когда они, признавая гармонію хозяйственныхъ отношеній, какъ существующій фактъ, считаютъ наиболѣе цѣлесообразною политику невмѣшательства.

Обращаясь къ самому содержанію воззрѣній исторической школы на роль эгоизма въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, мы должны выдѣлить въ нихъ то, что относится къ оцѣнкѣ эгоизма и мотивовъ хозяйственной дѣятельности съ точки зрѣнія соціальной политики и исторіи — отъ тѣхъ критическихъ замѣчаній, въ которыхъ она старается доказать ошибочность „посылки эгоизма“, какъ методологическаго пріема теоретико-хозяйственныхъ изслѣдованій и несостоятельность классической теоріи, насколько послѣдняя основывается на этой посылкѣ.

Въ сужденіяхъ первой категоріи справедливо осуждаются историческою школою попытки объяснять явленія народнаго хозяйства, во всемъ ихъ составѣ, „теоріей эгоистическихъ дѣйствій людей“, и, въ тоже время, доказывается неправильность утилитарной теоріи индивидуалистовъ и школы Бэнтама, отождествлявшей интересы личности и общества—

которая служила основаніемъ цѣлой системы хозяйственной политики. Мы разумѣемъ здѣсь тѣ сужденія исторической школы, которыя выражены были ею въ формѣ слѣдующихъ положеній [5]).

1) Ошибочно думать, что эгоизмъ отдѣльныхъ лицъ и стремленіе индивидуумовъ къ возможно полному удовлетворенію своихъ хозяйственныхъ интересовъ обезпечиваетъ достиженіе хозяйственнаго благосостоянія всего общества. (Книсъ, стр. 227).

2) Утвержденіе, что люди въ своей хозяйственной дѣятельности всегда и неизмѣнно руководствуются эгоистическими побужденіями равнозначительно съ отрицаніемъ всѣхъ болѣе благородныхъ мотивовъ въ хозяйственной жизни,—такое утвержденіе неправильно и потому, что человѣкъ въ своихъ хозяйственныхъ отношеніяхъ никогда небываетъ независимъ отъ другихъ сторонъ общественной жизни, гдѣ преобладаютъ другіе мотивы. (Стр. 232).

3) Ошибочно представлять всѣ другіе болѣе благородные мотивы, какъ проявляющіеся только въ видѣ реакціи противъ разныхъ уродливыхъ формъ хозяйственнаго эгоизма. Всѣ нравственные и психическіе мотивы дѣйствуютъ одновременно, и хозяйственныя явленія суть результаты ихъ совмѣстнаго дѣйствія (стр. 232).

4) Историческое объясненіе хозяйственныхъ явленій не должно исходить изъ какого нибудь одного начала,—все равно будетъ ли это эгоизмъ или альтруизмъ, но должно основываться на наблюденіи хозяйственной жизни и на цѣлой психологіи человѣка (стр. 235).

5) Не всѣ формы хозяйственнаго эгоизма предосудительны. Отъ такого проявленія этого чувства, которое находится въ противорѣчіи съ любовью къ ближнему, съ лю-

---

5) Knies. Pol. Oek. vom Gesch. Standpunct.

бовью къ своей семьѣ и къ отечеству, надо отличать эгоизмъ, выражающійся въ чувствѣ самосохраненія и обязанности къ самому себѣ—содержать себя своимъ трудомъ (Selbstliebe, Selbsterhaltungstrieb). Эта послѣдняя форма эгоизма не только незаключаетъ въ себѣ ничего неодобрительнаго съ точки зрѣнія морали, но даже оправдывается религіей въ извѣстномъ евангельскомъ изреченіи: возлюби ближняго своего, какъ самого себя“ [6]).

6) Одного эгоизма недостаточно для осуществленія всѣхъ цѣлей народнаго хозяйства. Неограниченное господство эгоизма въ народномъ хозяйствѣ, въ особенности въ области распредѣленія продуктовъ національнаго производства, было бы равнозначительно съ разрушеніемъ государства, семьи и общества [7]).

Нельзя сомнѣваться въ правильности выставленныхъ историческою школою положеній, сдѣлавшихся теперь общими мѣстами въ экономической наукѣ. Теорія старавшаяся объяснить всѣ явленія народнаго хозяйства и весь процессъ хозяйственной исторіи—однимъ началомъ индивидуализма и эгоизма не имѣетъ уже больше защитниковъ, ни въ теоретическихъ, ни въ историческихъ наукахъ. Равнымъ образомъ и въ области хозяйственной политики нѣтъ уже больше защитниковъ ученія о тождествѣ интересовъ личности и общества, которое въ свое время выставлялось въ видѣ аргумента за политику „lessez faire, lessez passer“. Если, однако, политика государственнаго невмѣшательства имѣетъ на практикѣ примѣненіе въ отдѣльныхъ странахъ, то теоретическое ея обоснованіе кореннымъ образомъ измѣнило свою первоначальную редакцію. Теперь въ политической экономіи за политикою невмѣшательства

6) См. также Roscher. Grundriss стр. 3 и введеніе къ 12-му изд. его Volkswirthschaftslehre

7) Knies. стр. 243.

признается относительное значеніе системы, которая при однихъ историческихъ условіяхъ можетъ быть благодѣтельна, а при другихъ гибельна для народнаго хозяйства.

Въ произшедшей перемѣнѣ въ воззрѣніяхъ на принципы хозяйственной политики вообще экономическая наука больше всего обязана исторической школѣ. Но стремленія исторической школы клонились нетолько къ тому, чтобы показать несостоятельность принциповъ индивидуализма въ хозяйственной политикѣ и индивидуалистическаго воззрѣнія на хозяйственную исторію,— въ выше изложенныхъ положеніяхъ она видѣла также достаточныя доказательства ложности теоретической части ученій классической школы, насколько эта послѣдняя въ своихъ теоріяхъ исходила изъ предположенія объ эгоистическомъ образѣ дѣйствій людей въ хозяйственной сферѣ. „Ученіе, признающее эгоизмъ единственнымъ основаніемъ для полученія законовъ народнаго хозяйства Книсъ считаетъ заблужденіемъ унаслѣдованнымъ отъ того времени когда вся задача государства сводилась только къ охранѣ личности и собственности, а народъ представлялся простымъ агрегатомъ независимыхъ другъ отъ друга индивидуумъ“ [8]). Историческая школа осуждала классическую теорію въ виду того очевиднаго факта, что хозяйственныя отношенія основаны на двухъ началахъ—эгоизма и альтруизма, тогда какъ эта послѣдняя исходила изъ предположенія господства въ хозяйственномъ оборотѣ одного эгоистическаго начала. Въ этомъ и заключался доводъ по которому историческая школа отказывалась признавать научное значеніе за классическою теоріей.

Историческая школа, въ данномъ случаѣ, неразличала двухъ совершенно различныхъ вопросовъ, на которыхъ не могло быть одинаковыхъ отвѣтовъ. А именно: 1) въ какой мѣрѣ политическая экономія, какъ полная система знаній, дол-

8) Knies. стр. 242.

женствующая объяснить всѣ явленія народнаго хозяйства, можетъ основываться на признаніи одного изъ двухъ началъ хозяйственныхъ отношеній, игнорируя другое — и 2) насколько права была классическая теорія, которая, въ предѣлахъ спеціально ею преслѣдуемой задачи, исходила изъ посылки эгоизма.

Историческая школа въ правѣ была обвинить классическую школу въ томъ, что послѣдняя въ своихъ теоріяхъ игнорировала, или просмотрѣла хозяйственныя явленія альтруистическаго характера. Но была ли ошибка происходившая отъ этого опущенія такого свойства, что она должна была лишить научнаго значенія теорію классической школы? Неубѣждаютъ ли критическія замѣчанія исторической школы скорѣе въ той мысли, что классическая экономія незаключаетъ въ себѣ объясненія всѣхъ вообще явленій народнаго хозяйсева, а есть лишь теорія одной изъ сферъ хозяйственныхъ отношеній?

Для того чтобы рѣшить, правы ли были экономисты классической школы, принимавшіе эгоизмъ за основную посылку своихъ теоретическихъ построеній, необходимо отвѣтить наслѣдующіе три вопроса: 1) въ чемъ состоитъ та область хозяйственныхъ явленій, которую имѣла въ виду объяснить классическая школа, 2) дѣйствительно ли явленія входившія въ кругъ ея изслѣдованій вытекаютъ изъ эгоизма и 3) насколько предположеніе объ эгоистическомъ образѣ дѣйствій людей въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній соотвѣтствовало задачѣ теоретическаго изслѣдованія хозяйственныхъ явленій?

1) Прежде всего мы должны здѣсь констатировать, что хозяйственныя явленія, которыя классическая школа включила въ кругъ своихъ изслѣдованій и желала дать имъ теоретическое объясненіе при помощи „посылки эгоизма“ были слѣдующія: цѣна товаровъ, кредитъ и мѣновой оборотъ, деньги, банки, процентъ, рента, заработная плата, прибыль, доходъ, капиталъ. Всѣ эти явленія, вытекаютъ изъ отно-

шеній частно-хозяйственныхъ предпріятій между собою, а также изъ отношеній между отдѣльными хозяйственными классами и отдѣльными группами индивидовъ среди той части общества, которая занята хозяйственною дѣятельностью. Что же касается отношеній между хозяйственными классами и классами посвящающими свой трудъ занятіямъ не хозяйственнымъ—служенію религіозному культу, наукѣ, государственной службѣ, то они лишь косвенно были затронуты въ классическихъ теоріяхъ А. Смита и Д. С. Милля, насколько въ трактатахъ этихъ послѣднихъ шла рѣчь о государственномъ бюджетѣ, о вознагражденіи разныхъ классовъ общества за услуги нехозяйственнаго свойства, и вовсе не затронуты были въ сочиненіяхъ чистыхъ теоретиковъ-Рикардо и его школы: Джевонса, Тюнена, Вальраса, Кэрнса и другихъ. Конечно, теорія, занимавшаяся указаннымъ кругомъ явленій невключала въ сферу своего изслѣдованія альтруистическихъ хозяйственныхъ дѣйствій; она не имѣла въ виду объяснить, ни хозяйственныхъ отношеній отдѣльныхъ лицъ къ своей семьѣ, ни отношеній отдѣльныхъ лицъ къ государству, ни многосторонней роли государства въ хозяйственной жизни страны.

2) Насколько рѣчь шла о той сферѣ хозяйственныхъ отношеній, которая была предметомъ изслѣдованія для классической теоріи, то классическіе экономисты были вполнѣ правы, утверждая, что всѣ эти отношенія основаны на стремленіи къ возможно большей выгодѣ посредствомъ возможно меньшей затраты трудовой энергіи, на предпочтеніи своихъ интересовъ чужимъ,—словомъ на эгоизмѣ. Ни обыденный опытъ, ни самый точный психологическій анализъ не могутъ открыть въ области явленій хозяйственнаго оборота ничего другого, кромѣ индивидуальнаго эгоизма. Всякій банкиръ желаетъ получить на свой капиталъ возможно большій процентъ, всякій предприниматель, въ той или другой области производства, старается добыть возможно боль-

шую прибыль посредствомъ возможно меньшихъ затратъ и издержекъ производства, также и всякій рабочій предпочитаетъ наниматься у того предпринимателя, который назначаетъ самую высшую плату и т. п. То или другое частное лицо нетолько само въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ руководствуется хозяйственнымъ интересомъ, но оно и всѣ свои разсчеты построяетъ на предположеніи, что и всѣ другія лица, участвующія въ хозяйственномъ оборотѣ, поступаютъ точно такимъ же образомъ въ силу того же мотива. Такъ какъ всѣ люди, прикосновенные къ хозяйственнымъ дѣламъ знаютъ, что хозяйственный оборотъ основанъ на „выгодѣ“ „хозяйственномъ интересѣ“, то это вноситъ извѣстнаго рода опредѣленность въ хозяйственныя отношенія, относительно видовъ, плановъ, разсчетовъ и ожиданій соотвѣтствующихъ результатовъ: всякій знаетъ что и съ нимъ будутъ поступать въ силу одного разчета коммерческой выгоды, которому самъ онъ слѣдуетъ въ отношеніяхъ къ другимъ [9]). Передъ единообразнымъ разсчетомъ, основанномъ на эгоизмѣ, въ хозяйственномъ оборотѣ сглаживается разница въ общественномъ положеніи лицъ, разница въ національности, религіи и т. п. и устанавливается своего рода равенство всѣхъ лицъ, участвующихъ въ хозяйственномъ оборотѣ [10]).

---

9) Іерингъ считаетъ эгоизмъ не только фактическимъ основаніемъ современнаго хозяйственнаго оборота, но думаетъ также, что эгоизмъ есть главный, если неединственный, мотивъ осуществленія идеи равенства въ гражданскомъ оборотѣ. „Нѣтъ закона, говоритъ онъ, далѣе, который устанавливалъ бы цѣны для ремесленниковъ, фабрикантовъ или торговцевъ, а между тѣмъ они устанавливаютъ и держатъ цѣны. И дѣлаютъ они это потому, что иначе поступать не могутъ. Кто же ихъ принуждаетъ? „Никто другой какъ личный ихъ эгоизмъ. Конкуренція представляется соціальнымъ саморегуляторомъ эгоизма. Забота о будущемъ является индивидуальнымъ саморегуляторомъ эгоизма. Всѣ имущественные договоры построены на эгоизмѣ“.

10) Деньги, говоритъ Іерингъ, истинный апостолъ равенства; тамъ гдѣ рѣчь идетъ о деньгахъ смолкаютъ всѣ соціальные, политическіе, религіозные и національные предразсудки и различія.

Правда, и въ хозяйственномъ оборотѣ встрѣчаются случаи явнаго отступленія отъ принциповъ хозяйственнаго интереса, когда то или другое частное лицо вступаетъ въ хозяйственныя отношенія къ своимъ близкимъ роднымъ, друзьямъ, къ людямъ возбуждающимъ его любовь, симпатію или состраданіе. Подъ вліяніемъ подобнаго рода альтруистическихъ чувствъ кредиторъ можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ссужать людямъ нуждающимся свои капиталы безмездно, или же за низшія противъ рыночныхъ цѣнъ проценты, предприниматель, подъ вліяніемъ гуманныхъ побужденій, можетъ выплачивать рабочимъ плату высшую противъ той нормы, которая опредѣляется закономъ спроса и предложенія. Конечно, пишетъ одинъ изъ современныхъ теоретиковъ, болѣе другихъ занимавшійся выясненіемъ „посылки эгоизма“,— мы посылаемъ дѣтей не къ тѣмъ изъ духовныхъ, которые берутъ самую низшую плату за конфирмацію, не всегда обращаемся къ такому врачу или адвокату, который беретъ самый низшій гонораръ, но когда мы покупаемъ молитвенникъ, или медикаментъ, или юридическое сочиненіе, то отправляемся въ ту лавку, въ которой назначаютъ самыя низшія цѣны на эти предметы. Какъ бы ни часты были такія отступленія отъ хозяйственнаго разсчета, но не такимъ путемъ, и не въ силу такихъ мотивовъ возникаетъ и функціонируетъ вся масса хозяйственныхъ предпріятій въ коммерческомъ оборотѣ. Но также и въ тѣхъ случаяхъ когда эгоизмъ дѣйствительно имѣетъ мѣсто въ хозяйственной жизни, проявляясь въ формѣ стремленія къ возможно большей выгодѣ, онъ невсегда еще ведетъ къ хозяйственному образу дѣйствій. Къ этому, именно, пункту относятся возраженія экономистовъ исторической школы противъ возможности прійдти къ познанію законовъ народнаго хозяйства посредствомъ „посылки эгоизма“. Желаніе обладать хозяйственными благами, говоритъ Клифъ-Лесли, во многихъ случаяхъ ведетъ къ такимъ спо-

собамъ пріобрѣтенія, которые не имѣютъ ничего общаго съ хозяйственною дѣятельностью, напр., къ войнѣ, грабежу, обману и т. п. Блудный сынъ, растративши свое отцовское наслѣдство находился подъ вліяніемъ, конечно, не хозяйственныхъ побужденій, а страсти къ развлеченію, мотовству и роскоши, т. е. тѣхъ мотивовъ, которые многихъ отвлекаютъ отъ трудовой жизни. Наконецъ, среди такихъ людей, которые не выражаютъ желанія отступать отъ хозяйственнаго образа дѣйствій въ стремленіи къ обладанію хозяйственными благами, далеко не у всѣхъ встрѣчается знаніе положенія хозяйственныхъ дѣлъ, условій рынка и надлежащее пониманіе своихъ интересовъ, а при отсутствіи этихъ условій, ихъ хозяйственныя стремленія невсегда выражаются въ такомъ образѣ дѣйствій, который съ хозяйственной точки зрѣнія можно было бы считать наиболѣе для нихъ выгоднымъ [11]). Ошибка относительно вѣрности тѣхъ или другихъ средствъ для достиженія хозяйственныхъ цѣлей влечетъ за собою тѣже послѣдствія, какъ и полное незнаніе условій хозяйственнаго оборота. По смыслу возраженій исторической школы—въ виду многочисленныхъ отступленій въ хозяйственномъ оборотѣ отъ логики хозяйственнаго разсчета, надо вовсе отказаться отъ мысли достигнуть познанія законовъ хозяйственныхъ явленій посредствомъ „посылки эгоизма“.

3) Отвѣтъ на послѣднія возраженія исторической школы заключается въ рѣшеніи вопроса о томъ, насколько методологическій пріемъ классической экономіи, основанный на представленіи объ эгоистическомъ образѣ дѣйствій людей въ хозяйственной сферѣ—отвѣчаетъ задачѣ теоретическаго изслѣдованія,—т. е. задачѣ, которая лежала въ основѣ классической экономіи. Если бы классическіе экономисты въ сво-

---

11) C. Lesly. On The Phil. Method. стр. 222.

ихъ изслѣдованіяхъ имѣли въ виду нарисовать полную картину современнаго хозяйственнаго быта въ его конкретныхъ формахъ, то въ такомъ случаѣ съ ихъ стороны было бы большою ошибкою представлять всѣ явленія хозяйственной жизни основанными на эгоизмѣ или отмѣченными печатью хозяйственнаго интереса. Но та задача, которую классическіе экономисты преслѣдовали въ своихъ теоретическихъ ученіяхъ была гораздо болѣе узкая. Они также могли видѣть, что хозяйственныя потребности не у всѣхъ тѣхъ людей, которые ихъ испытываютъ, вызываютъ чисто хозяйственныя стремленія и невсегда люди удовлетворяютъ своимъ потребностямъ въ хозяйственныхъ благахъ — хозяйственнымъ путемъ и хозяйственными средствами, *но только именно этотъ послѣдній образъ дѣйствій исключительно составлялъ предметъ ихъ изслѣдованія.* Это, однако, незначитъ, чтобы явленія нарушающія правильный ходъ хозяйственныхъ дѣлъ и которыя съ точки зрѣнія „хозяйственности“ могутъ быть признаны отрицательными,—также невходили въ область теоретическаго изслѣдованія, или лежали за предѣлами его задачи. Теоретическая экономія, въ предѣлахъ той задачи, которую ставила себѣ классическая экономія, старалась подвести подъ общіе законы и всякія замѣшательства и растройства имѣющія мѣсто въ сферѣ національнаго производства, обращенія и распредѣленія продуктовъ (хозяйственные кризисы), на сколько они, при предположеніи хозяйственнаго образа дѣйствій заинтересованныхъ классовъ общества, зависятъ отъ общихъ условій даннаго хозяйственнаго строя. Послѣ того какъ въ экономической литературѣ было выяснено, что классическая экономія имѣла въ виду дать намъ неполную теорію народнаго хозяйства, а только представить законы основныхъ функцій и тенденцій, изъ которыхъ слагается хозяйственная жизнь, мы должны признать, что принятіе ею эгоизма за основную посылку своихъ теоретическихъ выводовъ вполнѣ отвѣчало

поставленной задачѣ [12]). Правильность этого методологическаго пріема была бы опровергнута въ томъ случаѣ, еслибы было доказано, что общіе законы политической экономіи могутъ быть построены иначе, какъ въ видѣ теоріи отдѣльныхъ функцій, или теоріи отдѣльныхъ причинъ этихъ явленій (см. гл. IV) [13]).

---

12) Хозяйственныя явленія, пишетъ Милль, которыя суть результаты многихъ разнообразныхъ мотивовъ, политическая экономія разсматриваетъ, какъ будто бы они вытекали изъ одного желанія богатства. Она изслѣдуетъ законы хозяйственной дѣятельности, притомъ предположеніи, что человѣкъ есть существо, которое по необходимости своей природы, предпочитаетъ большую массу богатства меньшей. Это не значитъ, что бы какой либо экономистъ былъ бы такъ наивенъ, чтобы считалъ людей въ дѣйствительности имѣющими такую натуру, но это есть единственный методологическій пріемъ, посредствомъ котораго могутъ быть выведены законы политической экономіи. J. S. Mill. Essays. стр. 139.

13) Экономисты теоретики, такъ или иначе, касавшіеся вопроса о роли эгоизма въ хозяйственныхъ отношеніяхъ, обыкновенно принимаютъ стремленіе въ области хозяйственной дѣятельности къ достиженію возможно-большихъ результатовъ посредствомъ возможно меньшого количества издержекъ—за выраженіе хозяйственнаго эгоизма. Совсѣмъ другого воззрѣнія придерживается одинъ изъ компетентнѣйшихъ экономистовъ въ методологическихъ вопросахъ—Генрихъ Дитцель. Становясь въ этомъ пунктѣ на точку зрѣнія Книса и Каутца, Дитцель говоритъ, что если рабочій желаетъ получить за свой трудъ возможно болѣе высокую плату, то еще незначитъ, что онъ поступаетъ эгоистично, потому что онъ могъ добиваться осуществленія своихъ хозяйственныхъ интересовъ, имѣя въ виду благо своей семьи. Точно также нельзя сказать, что купецъ собирающій капиталы, или ландлордъ взимающій высокую арендную плату за свои земли преслѣдуютъ эгоистическія цѣли, если оба они, при этомъ, имѣютъ въ виду пользу своихъ семействъ, поддержаніе величія своего рода, или же, напримѣръ, желаютъ употребить собранныя хозяйственнымъ путемъ средства на дѣла общественной благотворительности. Но если ни объ этомъ купцѣ, ни о ландлордѣ нельзя сказать, что они поступаютъ въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ эгоистично, то за то несомнѣнно надо признать, что они преслѣдутъ свои хозяйственные интересы, слѣдуютъ логикѣ хозяйственнаго разсчета. Основываясь на этомъ соображеніи, Дитцель и предлагаетъ замѣнить терминъ „эгоизмъ“ терминомъ „хозяйственный разсчетъ“ или „хозяйственный интересъ“. Этимъ способомъ онъ надѣется устранить психологическую сторону вопроса, которая представляетъ свои трудности. Ибо, принимая эгоизмъ за основной мотивъ хозяйственной дѣятельности, говоритъ онъ, мы тѣмъ самымъ ставимъ чисто методологическіе вопросы по-

Но если классическая теорія, по методологическимъ основаніямъ, вправѣ была, въ предѣлахъ своей задачи, исходить изъ представленія объ эгоистическомъ образѣ дѣйствій людей въ хозяйственной области, то вовсе неправильно было отождествлять ее съ политической экономіей вообще, такъ какъ она въ томъ видѣ какъ вышла изъ рукъ англійскихъ экономистовъ, являлась теоріей только одной, хотя и самой обширной, сферы хозяйственныхъ отношеній, вытекавшихъ изъ свободной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ. Какъ справедливо замѣчали экономисты исторической школы—Листъ, Гильдебрандтъ, Рошеръ и Книссъ, классическая теорія игнорировала альтруистическія формы ходяйственныхъ отношеній, она вовсе не включена въ сферу своего изслѣдованія хозяйственной роли семьи, корпорацій, союзовъ и государства, но и индивидуальную хозяйственную дѣятельность она разсматривала только съ одной стороны, на́ сколько она являлась выраженіемъ хозяйственнаго эгоизма. Возраженія исторической школы противъ „посылки эгоизма“ въ экономической теоріи убѣждали теоретиковъ позднѣйшаго времени въ той мысли, что классическая теорія, хотя иногда и выдавалась ея по-

---

литической экономіи въ зависимость отъ успѣховъ психологіи, отъ того удается ли послѣдней точно разграничить сферу дѣйствія эгоистическихъ мотивовъ отъ альтруистическихъ. Но Дитцель напрасно полагаетъ, что вопросъ о мотивахъ хозяйственной дѣятельности можетъ быть какимъ инбудь образомъ изолированъ отъ вопросовъ психологическихъ. А становясь на точку зрѣнія Книса и Каутца въ своей характеристикѣ мотивовъ хозяйственной дѣятельности, онъ допускаетъ туже ошибку, въ которую впадали оба эти экономисты. Психологическій характеръ того или другого момента хозяйственной дѣятельности, какъ это между прочимъ наглядно выяснилъ Даргюнъ, опредѣляется ближайшими, а неотдаленными цѣлями, преслѣдуемыми даннымъ лицомъ. Поэтому капиталистъ добывающійся возможно болѣе высокой прибыли, рабочій требующій самую высокую плату, какую только согласится ему дать капиталистъ—оба поступаютъ эгоистично во взаимныхъ отношеніяхъ, хотя бы они имѣли въ виду подѣлиться своими доходами съ своими родными или другими людьми. Съ этой точки зрѣнія, которая есть единственно правильная, предлагаемый Дитцелемъ терминъ „хозяйственный разсчетъ“ ничего неизмѣняетъ и является

слѣдователями за полную теорію народнаго хозяйства, на самомъ дѣлѣ не исчерпывала всѣхъ категорій хозяйственныхъ явленій. Въ этомъ смыслѣ въ критическихъ замѣчаніяхъ исторической школы заключалась для экономистовъ-теоретиковъ цѣлая программа новыхъ теоретическихъ изслѣдованій, которыя должны были ближайшимъ образомъ повести къ преобразованіямъ въ самой системѣ политической экономіи. Выполнителями этой програмы явились германскіе экономисты—Шеффле, Вагнеръ, Лоренцъ Штейнъ, Саксъ, Дитцель, воспитанные въ духѣ англійской теоретической школы, но усвоившіе, въ тоже время, результаты достигнутые исторической школою. Названные германскіе теоретики, сдѣлавъ предметомъ теоретическаго изслѣдованія область государственнаго хозяйства и хозяйства общественныхъ союзовъ, старались, при этомъ, связать результаты этихъ изслѣдованій съ выводами классической теоріи.

Переходя теперь къ послѣдовавшему преобразованію системы теоретической экономіи, вызванному этимъ расширеніемъ области теоретическихъ изслѣдованій, мы отмѣтимъ только важнѣйшіе шаги сдѣланные въ этомъ направленіи германскими теоретиками. Одно изъ первыхъ мѣстъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ Адольфу Вагнеру. Въ своемъ сочиненіи „Allgemeine oder theoretische Volkswirthschaftslehre“ (1876 г.), А. Вагнеръ представилъ изложеніе теоретической экономіи по системѣ весьма отличной отъ той, какая была общепринятой у англійскихъ экономистовъ. Характерная особенность теоретическихъ воззрѣній Вагнера заключается въ томъ, что онъ въ современномъ строѣ народнаго хозяйства культурныхъ народовъ различаетъ три системы хозяйственныхъ отношеній, хотя и тѣсно

лишь инымъ названіемъ хозяйственнаго эгоизма Dietzel, Beitrage zur Methodik стр. 33 - 42. См. Проф. Исаевъ. Составныя части и методы пол. экономіи. Стр. 29.

связанныя, но существенно различающіяся между собою: частно-хозяйственную, каритативную и общественно-принудительную. Эти три хозяйственныя системы, составляющія интегральныя части народнаго хозяйства, независимо отъ того, что одни изъ нихъ являются продуктомъ искуственно расчитанной и планомѣрной организаціи (Kunstgebilde), а другія существуютъ какъ естественные образованія (reines Naturgebilde), весьма отличаются между собою въ отношеніи преобладающихъ въ нихъ мотивовъ хозяйственной дѣятельности. Въ то время какъ частно-хозяйственныя отношенія въ хозяйственномъ оборотѣ основываются на личномъ интересѣ, или эгоизмѣ, хотя и модифицируемомъ вліяніемъ другихъ мотивовъ, каритативная система, или система частной и общественной благотворительности, основывается цѣликомъ на началѣ „симпатіи, любви и состраданія“; третья хозяйственная система, общественно-принудительная, къ которой отнесена Вагнеромъ вся область хозяйственныхъ отношеній государства и общинъ, покоится на началѣ общественнаго интереса.

Понятно, что наука о народномъ хозяйствѣ, которая должна была заключать въ себѣ теоретическое объясненіе всѣхъ трехъ системъ хозяйственныхъ отношеній, немогла вмѣщаться въ рамкахъ англійской классической теоріи. Политическая экономія классической школы, которая была теоріей сферы хозяйственнаго оборота и отношеній отдѣльныхъ лицъ и классовъ общества, соединенныхъ между собою системой общественно-хозяйственнаго раздѣленія труда, являлась въ реформированной системѣ А. Вагнера только одною частью теоретической экономіи подъ именемъ ученія о частно-хозяйственной системѣ народнаго хозяйства [14]). Ад. Вагнеромъ не только были намѣчены новыя начала для пост-

14) См. A. Wagner, Allgemeine oder theoretische Volkswirthschaftslehre, 1876 г. стр. 53—62; 157—171.

роенія системы политической экономіи, но они были имъ частью и проведены въ названномъ выше курсѣ „Общей или теоретической экономіи“.

Наряду съ Вагнеромъ, заслуга теоретическаго объясненія альтруистическихъ хозяйственныхъ явленій и включенія ихъ въ систему теоретической экономіи принадлежитъ также Шеффле. Подобно Вагнеру, онъ констатируетъ цѣлый рядъ такихъ хозяйственныхъ дѣяній, въ основѣ которыхъ лежитъ любовь къ ближнему, сознаніе общаго интереса, вдохновеніе наукой и искуствами, честолюбивыя побужденія и т. п. Всѣ эти мотивы, по воззрѣнію Шеффле, получаютъ свое выраженіе въ трехъ системахъ отношеній, изъ которыхъ слагается народное хозяйство. Именно, каждый отдѣльный человѣкъ одновременно принадлежитъ къ тремъ различнымъ сферамъ хозяйственныхъ отношеній. Въ одной онъ ведетъ свои дѣла, слѣдуя строгому расчету полученія возможно большей выгоды, въ другой, онъ, при посредствѣ общественной власти, (въ качествѣ члена общины и государства) служитъ пользѣ общества и въ третьей, въ силу гуманнтарныхъ побужденій и самопожертвованія— онъ стремится къ возможно полному удовлетворенію потребностей другихъ. Такимъ образомъ, по Шеффле, въ основѣ всѣхъ вообще хозяйственныхъ отношеній между людьми и всѣхъ разнообразныхъ формъ организаціи народнаго хозяйства лежитъ не одно, а три начала [15]). Сходясь въ этомъ пунктѣ съ воззрѣніемъ исторической школы, Шеффле, какъ и Вагнеръ, въ отличіе отъ этой послѣдней усматриваетъ задачу теоретическаго изслѣдованія въ изолированномъ изученіи каждой изъ трехъ категорій хозяйственныхъ явленій. Съ этой точки зрѣнія онъ старался представить хозяйственную роль семьи и государства, какъ особого рода альтруистиче-

15) Schaffle Geselschaftliche System der menschlichen Wirthchaft. 3 Aufgale. S. 198.

скихъ союзовъ имѣющихъ важное значеніе въ сферѣ распредѣленія продуктовъ національнаго производства [16]).

Новыя начала научной систематики теоретической экономіи, установленныя Вагнеромъ и Шеффле, послужили фундаментомъ для другой схемы хозяйственныхъ явленій—въ отношеніи къ мотивамъ хозяйственной дѣятельности, которую представилъ проф. Эмиль Саксъ. Саксъ различаетъ двѣ силы дѣйствующія въ народномъ хозяйствѣ—индивидулизмъ и коллективизмъ, къ которымъ могутъ быть сведены всѣ хозяйственныя явленія. Подъ индивидуализмомъ онъ разумѣетъ „идею личности“ „врожденное стремленіе у каждаго человѣка разсматривать себя какъ центральный пунктъ соціальнаго міра, оцѣнивать всѣ вещи и людей по отношенію къ своей личности“. Коллективизмомъ онъ называетъ соединеніе индивидуумовъ въ одно общественное цѣлое, которое всегда функціонируетъ какъ орудіе для достиженія цѣлей общаго блага [17]). Въ коллективизмѣ личность отдѣльнаго индивидуума стушевывается, она входитъ въ составъ цѣлаго болѣе высшаго порядка, ставящаго себѣ свои особыя цѣли, независимо отъ индивидуальныхъ цѣлей и стремленій отдѣльныхъ индивидовъ. Тогда какъ въ сферѣ индивидуализма отдѣльная личность является сама для себя цѣлію, въ сферѣ коллективизма стремленія отдѣльныхъ лицъ служатъ не собственнымъ личнымъ цѣлямъ, а цѣлямъ общества [18]). Формами хозяйственнаго коллективизма являются—государство, община, корпорація. Въ отличіе отъ Вагнера и Шеффле, Саксъ въ обоихъ областяхъ хозяйства, какъ въ коллективизмѣ, такъ и въ индивидуализмѣ, различаетъ три мотива хозяйственной дѣя-

---

16) Ср. стр. 69 этого сочиненія.

17) E. Sax. Das Wesen und die Aufgaben der Nationalökonomie 1884. стр. 49—50.

18) Тоже стр. 65.

тельности—эгоизмъ, альтруизмъ и мутуализмъ, и соотвѣтственно имъ онъ отмѣчаетъ три категоріи хозяйственныхъ отношеній, имѣющихъ мѣсто, какъ въ сферѣ индивидуализма, такъ и въ сферѣ коллективизма—отношенія эгостическія, альтруистическія и мутуалистическія. Схема представленная Саксомъ отличается еще и тѣмъ отъ схемы Вагнера и Шеффле, что онъ кромѣ извѣстныхъ уже двухъ категорій хозяйственныхъ явленій альтруистическихъ и эгоистическихъ выдѣляетъ еще третью категорію явленій мутуалистическихъ. Подъ мутуализмомъ онъ разумѣетъ такого рода эгоистическія стремленія, которыя въ тоже время совпадаютъ съ интересами другихъ лицъ, по причинамъ независящимъ отъ даннаго лица и заключающимся въ самыхъ основаніяхъ хозяйственной организаціи. Примѣромъ подобнаго рода отношеній можетъ служить общественно-хозяйственное раздѣленіе труда, гдѣ всякое лице избирающее то или другое занятіе, или ремесло имѣетъ въ виду свои личные интересы, но тѣмъ самымъ приноситъ пользу всему обществу, обезпечивая его снабженіемъ извѣстнаго рода продуктами. На мутуалистическомъ началѣ, по мнѣнію Сакса, основываются образованіе цѣнъ въ хозяйственномъ оборотѣ, существованіе обществъ страхованія, взаимные поземельные банки и всякаго рода промышленныя товарищества. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на отмѣченныхъ Саксомъ индивидуалистическихъ формахъ альтруизма и эгоизма въ народномъ хозяйствѣ—скажемъ только, что Саксъ относитъ къ нимъ тѣже явленія, которыя Вагнеръ размѣщаетъ между двумя системами—каритативной и частно-хозяйственной. Болѣе неожиданнымъ въ схемѣ Сакса является то, что онъ открываетъ существованіе всѣхъ трехъ альтруистическихъ, эгоистическихъ и мутуалистическихъ началъ въ системѣ коллективизма. Съ тѣхъ поръ, какъ начали отмѣчать хозяйственную роль государства въ народномъ хозяйствѣ въ экономической литературѣ, установилось воззрѣніе, по которому государство представля-

лось исключительно органомъ альтруистической хозяйственной дѣятельности. Саксъ же показываетъ, что въ сферѣ государственнаго хозяйства имѣютъ мѣсто тѣ же три мотива, управляющіе и индивидуальною дѣятельностью. Саксъ отмѣчаетъ, какъ эгоистическую, всю ту дѣятельность государства, которая направлена на преслѣдованіе своихъ интересовъ въ ущербъ другимъ государствамъ: подчиненіе себѣ другихъ народовъ въ рабство, завоеваніе колоній, вся меркантилистическая политика, также, является примѣромъ эгоистической хозяйственной дѣятельности государства. Торговыя договоры между государствами, примиряющіе интересы двухъ и болѣе государствъ, устанавливаютъ между ними мутуалистическія отношенія. Преобладающую же роль въ отношеніи государства къ обществу его составляющему—играетъ альтруизмъ, который, однако, иногда также выступаетъ и во внѣшнихъ отношеніяхъ государствъ между собою, но гораздо рѣже[19]). Раздѣленіе явленій государственнаго и общественнаго хозяйства по мотивамъ хозяйственной дѣятельности на три категоріи—явленія эгоистическія, альтруистическія и мутуалистическія—положены Саксомъ въ основаніе его обширнаго трактата „Grundlegung der theoretischen Staatswirthschaft“, который предлагаетъ полную реформу существующей систематики научнаго матеріала въ ученіи о государственномъ хозяйствѣ.

Основываясь на выводахъ Сакса, а можетъ быть и независимо отъ нихъ, извѣстный вѣнскій процессуалистъ Антонъ Менгеръ, далъ весьма оригинальное съ этической точки зрѣнія освѣщеніе „организаціи хозяйства“ въ проэктахъ соціалистовъ разныхъ фракцій[20]). Подобно тому, какъ

---

19) Тоже, стр. 58—67.

20) Anton Menger. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag. Stuttgart. 1886. стр. 163–168 и др.

историческая школа считала хозяйственную роль государства проявленіемъ чистаго альтруизма въ народномъ хозяйствѣ, школа соціалистовъ тоже самое думала относительно проэктированной ею хозяйственной организаціи общества, долженствующей замѣнить теперешній свободный, самому себѣ предоставленный хозяйственый оборотъ. Такъ, Луи Бланъ и Лассаль въ своихъ проэктахъ, подъ девизомъ „право на весь продуктъ труда", расчитывали построить будущія отношенія на началахъ братства, солидарности и ими замѣнить современную конкуренцію и современный хозяйственный эгоизмъ. Антонъ Менгеръ выяснилъ, что эгоистическія стремленія, находящія свое выраженіе въ современномъ общественномъ быту въ формѣ конкуренціи и борьбы за существованіе,—занимаютъ также довольно видное мѣсто въ проэктированныхъ Луи Бланомъ и Лассалемъ ассоціаціяхъ. Менгеръ показалъ, что въ такихъ ассоціаціяхъ, располагающихъ общимъ капиталомъ, участники которыхъ должны „пользоваться продуктами по потребностямъ, а работать по способностямъ" — внутреннія отношенія между отдѣльными членами будутъ основаны на альтруизмѣ т. е. здѣсь не будетъ мѣста конкуренціи отдѣльныхъ лицъ и условій для возникновенія прибавочной стоимости; — но что касается взаимныхъ отношеній между ассоціаціями, то они будутъ зиждиться на конкуренціи и эгоизмѣ, но только это будетъ эгоизмъ коллективныхъ единицъ, а не индивидуумовъ. По принципу положенному въ основу этихъ ассоціацій, взаимныя отношенія между ними будутъ подчинены условіямъ свободнаго договора и конкуренціи, —а въ такомъ случаѣ результатомъ этого будетъ то, что одни общины будутъ получать на счетъ другихъ прибавочную стоимость. Такимъ образомъ и при существованіи общественной собственности на землю и капиталъ прибавочная стоимость, на устраненіе которой расчитана была проэктированная соціалистами общественная организація,

будетъ существовать, но въ другой формѣ: она составитъ доходъ не частныхъ лицъ, но отдѣльныхъ ассоціацій. Относительно же другой соціалистической системы, требующей осуществленія „права рабочаго на весь продуктъ труда", Менгеръ находитъ, что она въ несравненно большей мѣрѣ основывается на эгоизмѣ, чѣмъ современный правовой порядокъ; ибо при послѣдовательномъ проведеніи принципа, по которому всякій долженъ получать только то, что онъ самъ въ состояніи заработать, были бы лишены всякихъ средствъ къ жизни дѣти, старики и больные, тогда какъ существованіе ихъ обезпечено дѣйствующимъ нынѣ имущественнымъ правомъ, и въ этомъ отношеніи современный правовой порядокъ, не смотря на многіе недостатки связанныхъ съ нимъ учрежденій, представляетъ большія преимущества сравнительно съ обществомъ проэктированнымъ соціалистами.

Вопросъ о разграниченіи эгоистическихъ и альтруистическихъ явленій въ сферѣ народнаго хозяйства, съ теоретической точки зрѣнія, въ послѣднее время былъ предметомъ спеціальнаго, весьма обстоятельнаго и интереснаго обсужденія въ монографіи Лотаря Даргуна, приведшаго, какъ намъ кажется, къ удовлетворительному разрѣшенію затронутыхъ авторомъ вопросовъ. Даргунъ подвергнулъ тщательному разсмотрѣнію тѣ критеріи, на которыхъ должно основываться опредѣленіе психологическаго характера различныхъ актовъ хозяйственной дѣятельности, причемъ онъ сдѣлалъ объясненія вполнѣ убѣдительныя для всякаго теоретика и долженствующія разъ на всегда устранить ту путаницу понятій, которою экономическая наука въ этомъ пунктѣ обязана была, отчасти, исторической школѣ. Именно, Даргунь категорически разъяснилъ, что психологическій характеръ того или другого акта хозяйственной дѣятельности (альтруистической или эгоистической) опредѣляется всегда ближайшею цѣлію, на которую онъ былъ расчитанъ и кото-

рую всегда легко бываетъ констатировать [21]). Такимъ образомъ, для сужденія о психологическомъ характерѣ даннаго хозяйственнаго дѣйствія безразлично — имѣютъ ли хозяйственные поступки, являющіеся въ ближайшихъ своихъ цѣляхъ и результатахъ эгоистическими, какія либо отдаленныя выгоды для другихъ лицъ и наоборотъ — альтруистическія по своимъ ближайшимъ цѣлямъ хозяйственныя дѣйствія, не влекутъ ли въ своихъ отдаленныхъ послѣдствіяхъ какихъ либо выгодъ для лицъ, дѣйствовавшихъ въ данномъ случаѣ исключительно въ чужихъ интересахъ. Пользуясь этимъ пріемомъ при опредѣленіи характера хозяйственныхъ явленій, мы получаемъ возможность правильно оцѣнить явленія торговаго рынка, образованія цѣнъ, мѣновой цѣнности и т. п., считая относящіяся сюда хозяйственныя дѣйствія эгоистическими по своимъ ближайшимъ ефектамъ, не смотря на отдаленныя цѣли и послѣдствія, которыя индивидуумы участвующіе въ хоз. оборотѣ могли имѣть въ виду. Одинъ изъ нихъ могъ имѣть въ виду лишь благо своей семьи, другой казны и т. п., но всѣ они въ отношеніи къ лицамъ соприкосновеннымъ хозяйственному обороту слѣдовали хозяйственному образу дѣйствій т. е. поступали эгоистически. Святой Криспинъ, о которомъ разсказываетъ легенда, что онъ кралъ кожу, чтобы дѣлать изъ нее бѣднымъ сапоги, поступалъ эгоистически съ хозяйственной точки зрѣнія—равно также эгоистическими надо считать всѣ труды и хлопоты отца семейства, старающагося заключать возможно болѣе выгодныя хозяйственныя сдѣлки, съ тѣмъ чтобы образовать приданое своей дочери, хотя послѣдняго рода назначеніе, которое онъ даетъ своимъ пріобрѣтеніямъ, относится къ его альтруистическимъ дѣяніямъ [22]).

---

21) Lothar Dargun. Egoismus und Altruismus in der Nationalökonomie. Leipzig. 1885 г. стр. 3.

22) Dargun, стр. 12—15.

Относительно сдѣланнаго Даргуномъ разграниченія эгоистическихъ и альтруистическихъ хозяйственныхъ явленій мы должны замѣтить, что оно кореннымъ образомъ отличается отъ опредѣленія эгоистическихъ и альтруистическихъ дѣяній, принятого въ нравственной философіи. Причина этого несовпаденія заключается въ самомъ различіи тѣхъ началъ и критеріевъ, на которыхъ основывается оцѣнка психологическаго характера человѣческихъ дѣяній въ этикѣ и экономіи. Для опредѣленія моральнаго характера человѣческихъ дѣйствій рѣшающее значеніе имѣютъ внутреннія побужденія, мотивы и намѣренія данныхъ лицъ, нравственное значеніе дѣяній которыхъ мы желаемъ оцѣнить; но что касается актовъ хозяйственной дѣятетельности, то ихъ психологическое значеніе оцѣнивается по эффектамъ и вызываемымъ ими перемѣнамъ въ сферѣ экономическихъ фактовъ и отношеній. Поэтому съ экономической точки зрѣнія полученіе процентовъ на капиталъ, продажа продукта по самой высокой цѣнѣ, какую только согласится уплатить покупатель, сокращеніе заработной платы въ данномъ предпріятіи до самаго низшаго уровня, допускаемаго закономъ спроса и предложенія—все это будутъ эгоистическіе акты, хотя бы ихъ совершалъ чадолюбивый отецъ семейства, побуждаемый заботами о благѣ и обезпеченіи своей семьи, или благотворитель движимый самыми высокими побужденіями, который задался цѣлію собрать капиталъ на какія-либо общеполезныя дѣла: школы, больницы и т. п. Точно также, если, наприм., дано экономисту опредѣлить—какого рода хозяйственнымъ дѣяніемъ, эгоистическимъ или альтруистическимъ, слѣдуетъ считать обыкновенный фактъ, когда данное лицо дѣлится своими доходами, или капиталами съ своей семьей, или жертвуетъ ихъ на дѣла благотворительности, то, принимая во вниманіе лишь отношенія этого лица въ данномъ случаѣ къ своей семьѣ, или къ лицамъ пользующимся его благодѣяніемъ, и вовсе не разсматривая цѣлаго

ряда его хозяйственныхъ отношеній къ третьимъ лицамъ, къ его рабочимъ, кредиторамъ, конкурентамъ и т. п. (въ которыя онъ вступаетъ для добыванія содержанія своей семьѣ)— экономистъ не затруднится отнести эти хозяйственныя дѣянія къ разряду альтруистическихъ. Но если разсмотрѣть внутреннія побужденія заставляющія данное лицо доставлять содержаніе своей семьѣ, то здѣсь можетъ оказаться, что такими побужденіями могла быть вовсе не любовь и привязанность къ ней, а, наприм., боязнь общественнаго мнѣнія, простое тщеславіе, или расчетъ воспользоваться приданнымъ своей жены, завоевавши предварительно ея расположеніе. Хотя хозяйственное значеніе всѣхъ этихъ различнаго рода побужденій одинаково, но для нравственной оцѣнки отношенія даннаго лица къ своей семьѣ, характеръ тѣхъ или другихъ внутреннихъ мотивовъ имѣетъ рѣшающее значеніе. Нравственно добрыми не могутъ считаться всѣ тѣ альтруистическіе акты хозяйственной дѣятельности, которые для даннаго лица служатъ только средствами достиженія эгоистическихъ цѣлей: основаніе богадѣльни въ надеждѣ получить орденъ, участіе въ благотворительныхъ концертахъ для рекламированія себя съ цѣлію получить, затѣмъ, платное занятіе [23]).

Постоянно имѣя въ виду при оцѣнкѣ психологическихъ основъ хозяйственныхъ явленій два раньше выясненныя начала—различіе между моральной и хозяйственной точкой зрѣнія и опредѣленіе этическаго характера каждаго даннаго акта хозяйственной дѣятельности по ближайшей цѣли, на которую онъ расчитанъ—Даргунъ прослѣдилъ проявленіе различныхъ мотивовъ хозяйственной дѣятельности черезъ всѣ хозяйственныя отношенія въ современной исторической формѣ народнаго хозяйства, съ такимъ проникновеніемъ въ частности и съ такою обстоятельностью, которая не была превзойдена

23) Ср Dargun, стр 17—18, 82—90.

ни кѣмъ изъ предшествовавшихъ ему изслѣдователей этого вопроса, хотя, конечно, болѣе раннія по времени изслѣдованія А. Вагнера, Шеффле, Сакса и Дитцеля сослужили ему добрую службу.

Всѣ акты хозяйственной дѣятельности по психологическимъ мотивамъ, лежащимъ въ ихъ основаніи, Даргунгъ сводитъ къ двумъ категоріямъ. Одни изъ нихъ — эгоистическіе и имѣютъ своею цѣлію личное благо, другіе же — альтруистическіе и расчитаны для блага другихъ лицъ или, иными словами, первые основываются на стремленіи къ доставленію матеріальныхъ средствъ для удовлетворенія собственныхъ потребностей, а вторые на стремленіи обезпечить пользованіе этими средствами другимъ лицамъ. Вмѣстѣ съ Саксомъ и Іерингомъ, Даргунъ отмѣчаетъ, кромѣ того, обширную группу хозяйственныхъ дѣйствій — мутуалистическихъ, т. е. такихъ, въ которыхъ стремленіе къ личной пользѣ совпадаетъ съ хозяйственными интересами другихъ лицъ. Это явленія смѣшаннаго характера, частью эгоистическія, частью альтруистическія, при чемъ одинъ изъ этихъ элементовъ можетъ въ нихъ быть преобладающимъ. Какъ намъ кажется, Даргюнъ совершенно правильно утверждаетъ, что мутуалистическія явленія, съ точки зрѣнія психологической, нельзя считать третьею самостоятельною категоріей явленій хозяйственной жизни, такъ какъ явленія этого порядка (мутуалистическія) всегда оказываются въ первой своей стадіи чисто эгоистическими [24]). Концессіонеръ построившій желѣзную дорогу приноситъ тѣмъ значительныя выгоды для нѣкоторой части населенія прилегающихъ къ ней мѣстностей, облегченіемъ сбыта продуктовъ, доставленіемъ заработка для свободныхъ рабочихъ рукъ, но онъ бралъ концессію на постройку дороги непотому, чтобы желалъ непремѣнно доставить эти выгоды для мѣстнаго населенія, но ис-

24) Dargun. стр. 19, 61.

ключительно имѣя въ виду хорошій дивидентъ на свой капиталъ. Или другой примѣръ Городское общество, для того чтобы ослабить кражи и грабежи въ городѣ, устраиваетъ ночлежный пріютъ или дешевые столовые для чернорабочихъ, и преслѣдуя, такимъ образомъ, собственные интересы — обезпеченіе неприкосновенности личности и собственности — приноситъ несомнѣнную пользу бѣднѣйшей части населенія. Хотя въ послѣднемъ случаѣ къ эгоистическимъ побужденіямъ могутъ примѣшиваться и стремленія чисто гуманитарного свойства. Впрочемъ, относительно того, какія явленія хозяйственнаго оборота слѣдуетъ считать мутуалистическими, существуютъ различныя воззрѣнія. Іерингъ, напримѣръ, проводитъ такое различіе между эгоистическими, альтруистическими и мутуалистическими явленіями въ гражданскомъ оборотѣ: обмѣнъ онъ считаетъ типомъ эгостическаго явленія, дареніе типомъ альтруистическаго, а товарищества (societas — корпораціи, союзы) — типомъ мутуалистическаго. Даргунъ признаетъ мутуалистическій характеръ за союзами низшого порядка — каковы акціонерныя общества и т. п., но онъ, съ полнымъ основаніемъ, возражаетъ противъ отнесенія къ типу мутуалистическихъ явленій — союзовъ высшого порядка, каковы государство и церковь, отличающіеся, по его мнѣнію, преобладаніемъ въ нихъ альтруистическихъ началъ [25]). Роль мутуалистическихъ отношеній въ общественной жизни, какъ извѣстно, много преувеличивали, также, сторонники утилитарной теоріи нравственности, отголосокъ которой, отчасти, слышится въ воззрѣніяхъ Іеринга. Если трудности связанныя съ разграниченіемъ мутуалистическихъ отношеній въ сферѣ народнаго хозяйства отъ сродныхъ съ ними альтруистическихъ и эгоистическихъ и не совсѣмъ еще побѣждены, то за то не можетъ быть сомнѣнія

---

25) Dargun. стр 62—65.

въ томъ, что въ области хозяйственной политики мутуалистическія отношенія даютъ плодотворную почву для весьма удобнаго проведенія такихъ мѣропріятій общей пользы, въ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ личная выгода не многихъ лицъ.

Даргунъ настолько придаетъ значеніе изслѣдованіямъ въ области хозяйственной психологіи, насколько они доставляютъ возможность добыть извѣстные данные для построенія теоріи народнаго хозяйства. Прійдя къ тому заключенію, что всѣ вообще отношенія въ народномъ хозяйствѣ слагаются изъ двухъ категорій явленій—эгоистическихъ и альтруистическихъ, Даргунъ, подобно Вагнеру и Шеффле, доказываетъ, что полная теорія народнаго хозяйства должна заключать въ себѣ объясненіе обоихъ этихъ категорій хозяйственныхъ явленій. Невозражая въ принципѣ противъ того, что извѣстные экономическіе законы можно добыть, исходя изъ предположенія о стремленіи людей къ возможно полному осуществленію своихъ хозяйственныхъ интересовъ, при условіяхъ нестѣсненнаго внѣшнимъ принужденіемъ хозяйственнаго оборота,—Даргунъ находитъ только, что стремленіе къ осуществленію хозяйственныхъ интересовъ невсегда принимаетъ форму хозяйственнаго эгоизма, какъ это допускала классическая теорія. „То что въ настоящее время называется политической экономіей, говоритъ онъ, есть теорія „ничемъ не стѣсненнаго проявленія хозяйственнаго интереса, не экономія вообще, но только одна часть того, чѣмъ она должна быть“. Она объясняетъ „явленія хозяйственнаго оборота и взаимныя отношенія между активными хозяйственными классами. Но и внѣ хозяйственнаго оборота существуетъ цѣлая обширная область несомнѣнно хозяйственныхъ явленій, которыя могутъ быть подведены только подъ начала альтруизма. Признавая важность того методологическаго пріема, защищаемаго Миллемъ, что если данное явленіе зависитъ отъ совмѣстнаго дѣйствія двухъ или

болѣе причинъ, то причины эти и ихъ законы должны быть изучаемы отдѣльно, Даргунъ настаиваетъ на необходимости построенія теоріи альтруистическихъ хозяйственныхъ явленій, которая вмѣстѣ съ разработанной уже теоріей эгоистическихъ явленій и должна будетъ составить полную теорію народнаго хозяйства.

Затѣмъ Даргунъ переходитъ къ классификаціи тѣхъ явленій народнаго хозяйства, которыя опущены были изъ виду теоретической экономіей и которыя должны быть объяснены альтруистической теоріей. Всѣ формы хозяйственнаго альтруизма, по его мнѣнію, одинаково относятся къ сферѣ распредѣленія благъ. Альтруизмъ въ этой области выражается въ уступкѣ хозяйственныхъ благъ лицамъ, которые въ обмѣнъ за это недоставляютъ никакого хозяйственнаго эквивалента. Если бы содержаніе всѣхъ классовъ общества было основано на заработкѣ, тогда цѣлые обширные слои поселенія, существованіе которыхъ является условіемъ здоровой жизни общества, были бы осуждены на вымираніе (старики, дѣти, больные). Такъ какъ безмездная уступка хозяйственныхъ благъ въ однихъ случаяхъ носитъ добровольный характеръ, а въ другихъ случаяхъ является обязательной въ смыслѣ принужденія къ тому органами общественной власти, то, соотвѣтственно этому, Даргунъ различаетъ въ народномъ хозяйствѣ формы свободнаго, или добровольнаго и формы принудительнаго, или организованнаго, альтруизма.

1) Въ ряду альтруистическихъ отношеній, основанныхъ на либеральныхъ актахъ, первое мѣсто занимаетъ семья. Въ ученіи о распредѣленіи, которое многіе экономисты считаютъ настолько важнымъ, что даже готовы все содержаніе политической экономіи ограничить однимъ этимъ ученіемъ, семья несомнѣнно должна занять очень видное мѣсто. По статистическимъ изслѣдованіямъ оказывается на 100 человѣкъ работоспособныхъ 68 неспособныхъ къ труду въ Ан-

гліи, 59 въ Германіи, 45 во Франціи. Такимъ образомъ, почти половина народонаселенія въ Англіи и Германіи содержится на счетъ общаго бюджета другой работоспособной части общества. Существованіе большей части этихъ лицъ потребляющихъ, но не работающихъ, состоящей изъ стариковъ, дѣтей, и, частью, женщинъ, обезпечивается семейнымъ союзомъ.[26]). Хозяйственная дѣятельность отца семейства, является альтруистической только въ отношеніи къ семьѣ, по скольку онъ выручку, полученную имъ хозяйственнымъ путемъ, отдаетъ на содержаніе семьи, но въ другомъ моментѣ, т. е. въ отношеніи ко всѣмъ третьимъ лицамъ, съ которыми онъ состоитъ въ комерческихъ отношеніяхъ, она является эгоистической, основанной на расчетѣ и интересѣ. Онъ можетъ какъ ему угодно распорядиться полученными имъ доходомъ, но мотивы, которыми онъ будетъ руководствоваться при распредѣленіи не зависятъ уже отъ мотивовъ хозяйственной дѣятельности въ сферѣ пріобрѣтенія благъ.

2) Добровольная уступка хозяйственныхъ блатъ внѣ семейныхъ отношеній. Сюда должны быть отнесены траты обычныя въ жизни каждаго человѣка, принимающія форму гостепріимства и выражающіяся, также, въ разнаго рода взаимныхъ любезныхъ услугахъ между друзьями, товарищами и т. п. Единичные относящіеся сюда факты могутъ казаться мелкими и нестоющими вниманія, но въ своей массѣ они образуютъ значительную величину въ хозяйственномъ бюджетѣ общества.

3) Каритативная система (по Вагнеру и Шеффле), или добровольная частная благотворительность, которая въ нѣкоторыхъ странахъ достигаетъ огромныхъ размѣровъ.

4) Организованными формами альтруизма въ народномъ хозяйствѣ являются: общества (Verein), корпораціи, товари-

---

26) Dargun, стр. 50.

щества и, наконецъ, государство. Цѣль и идеалъ каждаго союза благо всѣхъ его членовъ. Въ каждомъ изъ этихъ союзовъ на альтруистическомъ началѣ основаны взаимныя отношенія между членами. Эгоистическое начало имѣетъ мѣсто и въ общественныхъ союзахъ, но оно выражается въ отношеніяхъ союза къ лицамъ внѣ его стоящимъ. Отношенія между органами различныхъ союзовъ напоминаютъ взаимныя отношенія частныхъ лицъ въ хозяйственномъ оборотѣ т. е. они основаны на преслѣдованіи хозяйственной выгоды, хотя бы даже въ ущербъ интересамъ другихъ союзовъ. Чѣмъ меньше союзъ и чѣмъ больше лицъ находится внѣ его, отношенія которыхъ основаны на хозяйственномъ разсчетѣ, тѣмъ больше хозяйственная дѣятельность союза принимаетъ характеръ чисто эгоистическій. По этому государство, какъ такой союзъ, который заключаетъ въ себѣ огромное количество членовъ, является типомъ организованнаго альтруизма, по преимуществу. Въ государствѣ, вполнѣ отвѣчающемъ своему назначенію, эгоистическая дѣятельность имѣетъ мѣсто въ отношеніяхъ его къ другимъ государствамъ, преслѣдующимъ благо другихъ народовъ, а по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, входящимъ въ его составъ, насколько дѣло идетъ о такого рода цѣляхъ и стремленіяхъ этихъ лицъ, которыя не входятъ въ задачу государственнаго союза [27]). Но бываетъ такъ, что дѣятельность государства принимаетъ эгоистическій характеръ и въ отношеніи къ своимъ членамъ; это бываетъ, когда государство теряетъ изъ виду свою цѣль, становится орудіемъ партіи, преслѣдуетъ интересы какого-либо отдѣльнаго класса въ ущербъ интересамъ цѣлаго общества, или же интересы незначительнаго меньшинства, но въ этихъ случаяхъ самый принципъ государства нарушенъ.

27) Dorgun стр. 56.

До сихъ поръ мы излагали результаты теоретическихъ изслѣдованій Даргуна о мотивахъ хозяйственной дѣятельности, въ которыхъ онъ старался выяснить фактическую роль альтруистическихъ и эгоистическихъ хозяйственныхъ дѣйствій въ современномъ складѣ народно-хозяйственныхъ отношеній. Но у него же мы находимъ нѣсколько прекрасно написанныхъ страницъ, посвященныхъ оцѣнкѣ „эгоизма и альтруизма", какъ принциповъ хозяйственной организаціи, съ точки зрѣнія соціальной политики. Содержаніе мыслей Даргуна по этому предмету заключается въ слѣдующемъ. Вопросъ о томъ, что лучше обезпечиваетъ достиженіе хозяйственнаго благосостоянія общества—эгоизмъ или альтруизмъ, совершеннѣе ли матеріальныя потребности общества могутъ быть удовлетворены эгоистическою или альтруистическою формою хозяйственной организаціи, словомъ, вопросъ объ относительной пользѣ альтруизма и эгоизма въ народно-хозяйственныхъ отношеніяхъ представляетъ такую важность для соціальной политики, что мы должны поставить его въ ряду главнѣйшихъ проблемъ современной экономической науки. Всѣ другіе вопросы хозяйственной политики находятся въ органической зависимости отъ этой проблемы; она образуетъ ось, вокругъ которой вращаются вопросы хозяйственной политики будущаго [28]).

До сихъ поръ въ хозяйственномъ быту всѣхъ историческихъ народовъ альтруизмъ покоился на эгоистической основѣ. А именно активные хозяйственные члены общества не только себя содержатъ своимъ трудомъ, но и доставляютъ также содержаніе для лицъ неспособныхъ къ труду (дѣти, старики больные), составляющихъ почти половину населенія каждаго государства. Поэтому весьма вѣрно замѣчаніе Герберга Спенсера, что если бы каждый человѣкъ незаботился

28) Dargun, стр. 90

самъ о себѣ соотвѣтствующимъ образомъ, а спеціально въ хозяйственной области непреслѣдовалъ эгоистическихъ цѣлей, то всѣ бы погибли и не было бы для кого предпринимать хозяйственныхъ заботъ. Такъ какъ вовсѣхъ извѣстныхъ человѣческихъ обществахъ эгоизмъ и альтруизмъ существовали паралельно, при чемъ всегда альтруизмъ ставилъ извѣстныя границы эгоизму, то отсюда слѣдуетъ, что на основаніи историческаго опыта нельзя еще опредѣлить, къ какого рода результатамъ привело бы господство, въ чистомъ видѣ, одного эгоизма или одного альтруизма въ хозяйственномъ строѣ. На сколько рѣчь идетъ объ исторически существующихъ обществахъ, то эгоизмъ выказывалъ себя не только отрицательными сторонами, а альтруизмъ не только своими хорошими сторонами въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній. Многократно было указываемо въ экономической литературѣ на невыгодныя для общества послѣдствія хозяйственной дѣятельности, основанной на эгоизмѣ, выражающіяся въ формахъ распредѣленія продуктовъ и въ томъ просторѣ, которымъ пользуются отдѣльные люди съ дурными инстинктами для неправеднаго пріобрѣтенія. Но смотря на эти недостатки эгоизма въ его крайнихъ проявленіяхъ, должно признать, что огромная масса хозяйственныхъ интересовъ общества, какъ это было указано выше, можетъ быть обезпечена только благодаря эгоистической дѣятельности отдѣльныхъ лицъ.

Какъ на солнцѣ есть пятна, такъ и альтруизмъ нечуждъ нѣкоторыхъ отрицательныхъ сторонъ въ историческихъ формахъ его примѣненія. Даргунъ указываетъ на древній Римъ, представлявшій удивительный примѣръ народнаго хозяйства, гдѣ пролетаріи жили на счетъ остальной части общества. Бытъ современныхъ народовъ, также, представляетъ примѣры деморализированія нищихъ и ослабленія личной энергіи въ классѣ пролетаріевъ вслѣдствіе неразборчивой частной или государственной благотворительности. Вліяніе тарифной системы въ совре-

менномъ государствѣ можетъ служить, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, примѣромъ отрицательнаго вліянія альтруизма на общественные интересы: введеніе покровительственныхъ пошлинъ, ближайшимъ образомъ, выражается созданіемъ монополіи отечественныхъ промышленниковъ и искуственнымъ увеличеніемъ ихъ прибыли, причемъ интересы всей массы потребителей приносятся въ жертву незначительному меньшинству. Задачи хозяйственной политики во всѣхъ случаяхъ сводятся къ рѣшенію вопроса, лучше ли, при данныхъ условіяхъ мѣста и времени, общее благо будетъ обезпечено преобладаніемъ эгоизма, или альтруизма въ той или другой отрасли народнаго хозяйства. При современномъ положеніи обществознанія безконечная трудность и сложность этого вопроса, вызывающія даже сомнѣніе, что онъ когда либо можетъ быть рѣшенъ, имѣетъ своимъ слѣдствіемъ то, что эгоизмъ и альтруизмъ разсматриваются, какъ одинаково важныя начала для обезпечиванія хозяйственнаго благополучія общества. Несомнѣнно только одно, что съ прогрессомъ нашихъ знаній роль альтруизма въ хозяйственной области общественной жизни все расширяется. Органомъ его водворенія въ хозяйственномъ строѣ является государственное законодательство. И хотя расширеніе господства альтруизма въ хозяйственныхъ отношеніяхъ и нельзя еще считать началомъ водворенія полнаго благосостоянія, невозможнаго на землѣ, но несомнѣнно, что въ немъ заключается сила, которая должна весьма много послужить для общаго блага.

Представленный очеркъ ученія о мотивахъ хозяйственной дѣятельности показываетъ, въ какой тѣсной зависимости находится конструкція теоретической экономіи отъ такого или иного пониманія психологическихъ основаній хозяйственныхъ явленій. Школа историческая и школа новѣйшихъ теоретиковъ одинаково искали въ психологіи основаній для постро-

енія теоретической экономіи, но на сторонѣ послѣдней, какъ мы старались показать, была правильность методологическихъ пріемовъ, которой недоставало исторической школѣ. Та система, которую старались придать теоретической экономіи Вагнеръ, Шеффле, Саксъ и др., также признающіе классическую теорію въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ неудовлетворительной, можетъ считаться несовсѣмъ еще законченной и недостаточно опредѣлившеюся въ своихъ границахъ, но данное въ ихъ сочиненіяхъ направленіе разработкѣ теоретическихъ вопросовъ политической экономіи, какъ мы думаемъ, должно считаться единственно правильнымъ.

IX.

Заключеніе объ исторической школѣ.

Мы видѣли, что различія въ основныхъ ученіяхъ разсматриваемыхъ въ предыдущихъ очеркахъ двухъ школъ—классической и исторической—сводятся къ различіямъ въ ихъ методологическихъ воззрѣніяхъ. Характерная черта методологическихъ воззрѣній исторической школы заключается въ томъ, что она сводитъ задачи науки о народномъ хозяйствѣ,—къ экономической политикѣ и къ хозяйственной исторіи; другими словами, она желаетъ сдѣлать изъ политической экономіи—то прикладную науку, безъ чистой теоріи, то чисто историческую науку. Въ обоихъ случаяхъ она, или вовсе игнорируетъ задачи теоретическаго изслѣдованія въ области хозяйственныхъ явленій, или же, если иногда и признаетъ необходимость этого рода изслѣдованій, то въ своемъ пониманіи теоретической экономіи смѣшиваетъ ея задачу съ задачами хозяйственной политики. Свои нападки на теоретическое направленіе и дедуктивный методъ въ политической экономіи историческая школа соединяла съ тѣмъ нерасположеніемъ, которое она питала къ раціоналистической философіи конца 18 в. во Франціи и къ школѣ естественнаго права. Раціоналистическая философія дѣйствительно оказала вліяніе на первыхъ основателей экономической науки. Но, во первыхъ, раціоналистическая философія, при всѣхъ ея недостаткахъ, заключала въ себѣ и извѣстное творческое начало, съ которымъ тѣсно связано возникновеніе теоретическихъ отраслей обществовѣденія, а въ томъ числѣ и политической

экономіи. А, во вторыхъ, вліяніе отрицательныхъ сторонъ раціоналистической философіи можно констатировать въ ученіи физіократовъ и въ особенности основателя физіократической школы Эдгарда Кэне построившого свою экономическую теорію на ученіи о „produit net“ и своихъ представленіяхъ „о естественныхъ правахъ человѣка“, а также въ воззрѣніяхъ утопическихъ соціалистовъ [1]). Что же касается А. Смита, то заимствованный имъ отъ раціоналистической школы дедуктивный методъ принялъ въ его трактатѣ „О богатствѣ народовъ“ позитивную форму выводовъ, построенныхъ на положеніяхъ добытыхъ индуктивнымъ путемъ, или же на очевидныхъ и общеизвѣстныхъ фактахъ.

Во всякомъ случаѣ преобладаніе дедуктивнаго метода и теоретическаго направленія въ экономической наукѣ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія представляло само по себѣ односторонность. Историческая школа, выдвинувъ на первый планъ индуктивный методъ „перегибала палку въ другую сторону“. Направивъ все свое вниманіе на изученіе хозяйственной исторіи и хозяйственнаго быта современныхъ народовъ, историческая школа представляла собою плодотворную реакцію противъ исключительнаго преобладанія теоретическаго направленія въ политической экономіи. Ближайшимъ результатомъ обширныхъ изслѣдованій въ области хозяйственной исторіи была постановка на научную почву ученій о хозяйственной политикѣ, что также составляетъ несомнѣнную заслугу исторической школы. Но въ своихъ нападкахъ на недостатки теоретическаго направленія, сказавшіеся въ клас-

---

1) Далеко не всѣмъ физіократамъ присущи были недостатки философской доктрины Кэне Гурне, напримѣръ, какъ видно изъ отзыва о немъ Тюрго (Eloge de Gournay) вовсе нераздѣлялъ ученія о produit net, а являясь авторомъ извѣстнаго изреченія „lessez faire, lessez passez“, онъ тѣмъ неменѣе въ своихъ воззрѣніяхъ на политику невмѣшательства ближе стоялъ къ А. Смиту, чѣмъ къ манчестерской школѣ.

сической экономіи, историческая школа, по нѣмецкой пословицѣ „выплескивала вмѣстѣ съ водою и ребенка“ (Das Kinamit dem Bade ausschütten), доходя до полнаго отрицанія теоретической экономіи. Но отъ окончательнаго абсурда историческую школу спасала лишь ея непослѣдовательность. Отрицая въ принципѣ методъ классической экономіи, представители исторической школы, въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходилось рѣшать чисто теоретическіе вопросы,—въ своихъ ученіяхъ о цѣнѣ, цѣнности, кредитѣ, прибыли—фактически пользуются дедуктивнымъ методомъ, пріемами Рикардо и его школы. Такъ, Рошеръ построяетъ свою теорію процента и прибыли на капиталъ изъ элементовъ заимствованныхъ имъ частью у Сэ, частью у Сеніора т. е. у чистыхъ теоретиковъ. Книсъ примыкаетъ къ теоріи цѣнности Германа, неимѣющей ничего общаго ни съ исторіей, ни съ статистикой, но которая является продуктомъ чистой, и по выраженію, Бемъ-Баверка, не совсѣмъ удачной, абстракціи [2]). „Достаточно сравнить, говоритъ Луиджи Косса два первые тома „Основаній политической экономіи“ В. Рошера съ сочиненіями выдающихся германскихъ теоретиковъ Германа и Рау, дабы убѣдиться, что въ этомъ учебникѣ не сдѣлано ни какихъ сколько нибудь существенныхъ измѣненій въ основныхъ теоріяхъ этихъ выдающихся экономистовъ, хотя ихъ и причисляютъ къ совершенно другой школѣ [3]).

---

2) Eugen Bohm-Bawerk. Kapital und Kapitalzins. Innsbruck, 1889 г. Введеніе.

3) Luigi Cossa. Einleitung in das Studium der Wirthschaftslehre. 1880 г. Нѣмец. пер. стр. 49.

X.

Критика экономическихъ системъ и ихъ классификація.

Въ предыдущихъ очеркахъ намъ неоднократно приходилось отмѣчать неправильности въ пониманіи отдѣльныхъ экономическихъ ученій, вслѣдствіе смѣшенія чисто теоретической точки зрѣнія съ прикладной—таже причина, какъ мы думаемъ, была источникомъ односторонней критической оцѣнки цѣлыхъ экономическихъ системъ. Для примѣра мы остановимся здѣсь на критической оцѣнкѣ т. наз. научнаго соціализма историческою школою и, частью, экономистами другихъ направленій.

Обыкновенный пріемъ экономистовъ исторической школы заключается въ томъ, что она разсматриваетъ соціализмъ, какъ соціальнополитическую систему. Что такое соціализмъ спрашиваетъ Морицъ Маіеръ въ своей исторіи политической экономіи—и вотъ какъ онъ опредѣляетъ эту экономическую школу. „Соціализмъ есть система противоположная современному хозяйственному и правовому порядку, въ которой вещественныя средства производства т. е. земля и капиталъ находятся не въ частной собственности, но составляютъ публичную, или общую собственность народа. По системѣ соціалистовъ не должны имѣть мѣста, ни частныя предпріятія расчитанныя на прибыль, ни наемные рабочіе вознаграждаемые на условіяхъ рабочаго контракта, ни производство продуктовъ, зависящее отъ игры спекуляціи, ни распредѣленіе продуктовъ производства, регулируемое лишь закономъ спроса и предложенія. Вмѣсто этихъ началъ современнаго

хозяйственнаго строя все производство, по системѣ соціалистовъ, должно быть планомѣрно организовано верховнымъ управленіемъ страны, количество производимыхъ продуктовъ соразмѣрено съ потребностями общества, а сами продукты распредѣляться между производителями по расчету потребностей отдѣльныхъ членовъ общества, а несоотвѣтственно законамъ спроса и предложенія. Въ этомъ состоитъ квинтъ-эссенція экономическаго соціализма. Этотъ соціализмъ есть экономическая система, составляющая полную противоположность экономическому индивидуализму ученія А. Смита и его школы [1]). Подобно Морицу Майеру и другіе экономисты исторической школы, разсматривающіе соціализмъ, какъ систему хозяйственной политики, видятъ коренное отличіе этой системы отъ ученія А. Смита только въ томъ, что обѣ эти школы выставили противоположные принципы желательной организаціи народнаго хозяйства: начало личное и общественное. По этому историческая школа при оцѣнкѣ этихъ двухъ системъ видитъ разрѣшеніе поставленной ими проблемы въ относительномъ оправданіи обоихъ принциповъ общественной организаціи. Теоретическое и практическое рѣшеніе вопросовъ поставленныхъ обоими системами, по мнѣнію исторической школы, сводится къ тому, что не исключительно индивидуализмъ, или общественное начало должны служить принципами общественной организаціи, но что въ каждомъ данномъ случаѣ рѣчь должна идти лишь о мѣрѣ и степени проведенія въ жизнь того или другого начала [2]).

Противоположное этому другое воззрѣніе на соціализмъ состоитъ въ томъ, что его разсматриваютъ исключительно

---

1) M. Mayer. Die neuere Nationalokonomie in Ihre Hauptrichtungen. 1885. стр. 63, 64.

2) Тоже стр. 214. „Съ этой же точки зрѣнія смотритъ на соціализмъ Schäffle, Die Quintessenz des Socialismus, 1878. стр. 3. и др.

какъ систему экономической теоріи и совершенно игнорируютъ его соціально политическую сторону, которую охарактеризовалъ Маіеръ въ выше проведенныхъ выраженіяхъ. На такую точку зрѣнія, между прочимъ, становится Брентано. Смотря на соціализмъ исключительно, какъ на теорію, объясняющую фактически сложившіяся хозяйственныя отношенія, Брентано высказываетъ воззрѣніе, что между соціалистической и классической школой вовсе не существуетъ діаметральной противоположности. Напротивъ обѣ школы весьма близки въ томъ отношеніи, что они выходятъ изъ одинъ общихъ имъ обоимъ методологическимъ пріемовъ изслѣдованія [3]).

Оба эти воззрѣнія на соціализмъ, являясь, каждое въ отдѣльности, одностороннимъ, игнорируютъ то, что это экономическое ученіе представляетъ двѣ отдѣльныя системы. Одна изъ нихъ имѣетъ своимъ придметомъ уясненіе хозяйственныхъ явленій и отношеній существующихъ въ современномъ мѣновомъ европейскомъ хозяйствѣ. Содержаніе этой части соціализма составляетъ коментированіе фактически существующихъ типовъ хозяйственныхъ отношеній и преимущественно отношеній между общественными классами. Система соціалистическихъ ученій этого порядка отвѣчаетъ на вопросъ: „что есть и почему“; она относятся къ той теоретической экономіи, которая, по словамъ Кэрнса, „не имѣетъ ничего общаго ни съ принципомъ „lessez faire, lessez passez“ ни съ коммунизмомъ, ни съ теоріей „свободы договора“. Она стоитъ совершенно въ нейтральномъ отношеніи къ этимъ практическимъ системамъ хозяйственной политики [4]). На ряду

---

3) Lujo Brentano. Deutsche Zeit—und Streit Frage. Arbeiterverscherungszwang 1881 г. стр. 12.

4) Cairnes. Log. Meth. стр. 20. Цѣлое экономическое общество въ Парижѣ смотритъ на соціализмъ, какъ исключительно систему хозяйственной политики. См дебаты этого общества по вопросу о томъ, находится ли соціа-

съ этимъ существуютъ экономическія ученія соціалистовъ совершенно другого порядка—это цѣлая экономическая программа соціальной реформы и переустройства исторически сложившихся хозяйственныхъ отношеній, которая отвѣчаетъ на вопросъ: „что должно быть“ (was soll sein). Для оцѣнки каждой изъ этихъ двухъ системъ требуются совершенно различныя мѣрила. При опредѣленіи достоинства теоретическихъ воззрѣній соціализма изслѣдователь долженъ рѣшить, насколько изображеніе въ соціалистическихъ теоріяхъ существующаго порядка хозяйственныхъ отношеній соотвѣтствуетъ дѣйствительности и насколько вѣрны въ этомъ смыслѣ ихъ теоріи цѣнности и распредѣленія благъ, имѣющія цѣлью изобразить современный строй хозяйственныхъ отношеній [5]). При разсмотрѣніи системы практической политики соціализма мы должны изслѣдовать вопросъ: приведетъ ли осуществленіе ихъ плана соціальной реформы къ бо́льшему экономическому благополучію общества, если да, то не будетъ ли полученный

лизмъ въ противорѣчіи съ политической экономіей. Всѣ ораторы дебатировавшіе по этому вопросу, согласились съ слѣдующей формулой, предложенной г. Limousin. „Политическая экономія есть наука о производствѣ, обмѣнѣ и распредѣленіи благъ. Соціализмъ же есть теорія, требующая вмѣшательства законодательной власти въ сферу производства и распредѣленія съ цѣлію достигнуть большей производительности труда и распредѣленія продуктовъ по возможности сообразующагося съ справедливостью. Политическая экономія и соціализмъ другъ другу не противорѣчатъ: *соціализмъ есть или, покрайней мѣрѣ, долженъ быть формою прикладной политической экономіи* (une forme de l'economie politique appliquee). Journal des economistes. Іюль 1887 г. стр. 103—114.

5) Toynbee, выше цит. соч. „Абстрактная экономія неотвѣтственна за смѣшеніе многими мыслителями законовъ явленій съ практическими правилами на нихъ основанными,—она есть чистая наука. Журналы и члены парламента очень часто смѣшиваютъ чистую науку съ правилами политики. Гластонъ очень часто въ доводахъ поземельного акта 1887 г. былъ обвиняемъ въ разрушеніи законовъ политической экономіи Но законы политической экономіи можно разрушить неболѣе, чѣмъ законы физики. Говоря о разрушеніи экономическихъ законовъ, журналисты, по большей части, разумѣютъ правила политики рекомендующей полную свободу договора“ стр. 29.

выигрышъ въ экономическомъ благосостояніи сопровождаться ущербомъ для не менѣе важныхъ моральныхъ интересовъ — подавленіемъ свободы личности и т. п.

Хотя выводы теоріи въ ученіи одной и той же школы вліяютъ на характеръ практическихъ ея приложеній, тѣмъ неменѣе, такая органическая зависимость между теоріей и политикой далеко не безусловна. Экономисты, раздѣляющіе одинаковыя воззрѣнія на существующія хозяйственныя отношенія, могутъ имѣть совершенно различныя воззрѣнія по вопросамъ хозяйственной политики. Примѣромъ этому могутъ служить тѣже соціалистическіе экономисты. Такъ, Родбертусъ и Марксъ пришли къ тождественнымъ выводамъ въ своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ въ ученіи о прибавочной стоимости, въ воззрѣніи на капиталъ; оба одинаково оцѣниваютъ вліяніе экономическихъ факторовъ на складъ соціальныхъ отношеній, а между тѣмъ, какая громадная противоположность замѣчается въ практической части ихъ ученій, въ ихъ планахъ экономическихъ реформъ! Первый изъ нихъ былъ противникомъ началъ государственности и всѣ надежды возлагалъ на интернаціональный союзъ рабочихъ. Второй—Родбертусъ — видѣлъ въ современномъ Прусскомъ государствѣ могущественнѣйшій органъ для проведенія соціальной реформы, всего ждалъ отъ экономическаго законодательства и сильнаго монархическаго правительства, самъ былъ нѣкоторое время министромъ одного изъ самыхъ консервативныхъ министерствъ. По своимъ соціально-политическимъ воззрѣніямъ Родбертусъ можетъ считаться основателемъ того направленія въ соціально-экономической политикѣ, представителемъ котораго въ современной Германіи является могущественнѣйшій государственный человѣкъ нашего времени — князь Бисмаркъ.

Такое же, до нѣкоторой степени, сходство въ теоретическихъ воззрѣніяхъ, соединенное съ кореннымъ различіемъ

въ вопросахъ хозяйственной политики, наблюдается при сравненіи англійской классической школы съ соціалистическою. Такъ, что касается теоріи, то обѣ школы согласны въ томъ, что въ современномъ общественномъ строѣ, основанномъ на началѣ частной собственности на землю и капиталъ и господствѣ системы конкуренціи заработная плата представляетъ постоянную тенденцію къ тому уровню, при которомъ она обезпечиваетъ минимумъ средствъ существованія (Рикардо), что всякое увеличеніе заработной платы обусловливаетъ уменьшеніе прибыли на капиталъ и т. п. Противоположность же въ соціально-политическихъ воззрѣніяхъ обоихъ школъ выражается въ томъ, что школа классическая считаетъ существующій строй хозяйственныхъ отношеній вполнѣ отвѣчающимъ цѣлямъ общественнаго благосостоянія и совѣтуетъ во всемъ положиться на саморегулирующую силу индивидуальнаго интереса, вполнѣ обезпечивающую, по ея мнѣнію, достиженіе желательныхъ улучшеній въ хозяйственномъ быту народу,—школа же соціалистовъ, напротивъ, признаетъ существующій складъ хозяйственныхъ отношеній противорѣчащимъ потребностямъ культурнаго развитія общества и требуетъ коренныхъ перемѣнъ въ самыхъ основаніяхъ современнаго юридическаго и экономическаго строя. Признавая вмѣстѣ съ классическою школою „посылку эгоизма“ вполнѣ цѣлесообразнымъ методологическимъ пріемомъ при изученіи современныхъ хозяйственныхъ отношеній, соціалисты, въ противоположность классическимъ экономистамъ, отрицаютъ эгоизмъ и конкуренцію, какъ принципы организаціи общества и предлагаютъ реформировать народное хозяйство, положивъ въ основу его начало альтруизма и солидарности.

Въ послѣднее время безупречную въ методологическомъ отношеніи критику соціалистической системы, основанную на строгомъ разграниченіи теоретической отъ прикладной части ученій послѣднихъ – представили Антонъ Менгеръ и Бемъ-

Баверкъ, не смотря на то, что далеко не совсѣми выводами послѣдняго можно согласиться [6]).

Характерный случай неправильной оцѣнки цѣлой экономической системы, вслѣдствіе смѣшенія теоретической точки зрѣнія съ практическою, представляетъ критика ученій А. Смита Фридрихомъ Листомъ. Появленіе „Національной системы политической экономіи“ Ф. Листа безспорно составило эпоху въ исторіи ученій о хозяйственной политикѣ. Заключающіяся въ этомъ сочиненіи воззрѣнія на задачи и принципы хозяйственной политики легли въ основаніе современной прикладной экономіи. Въ хозяйственной политикѣ Листъ видѣлъ „могущественное средство цивилизовать націи находящіяся въ состояніи варварства, націи слабыя и малыя дѣлать великими и сильными и прежде всего — обезпечивать возможность ихъ существованія и дальнѣйшаго прогресса“. Въ виду этой цѣли, „политическая экономія, по Листу, должна быть національной педагогикой, могущественнымъ средствомъ экономическаго воспитанія народа“. Листъ, какъ извѣстно, нарисовалъ цѣлую программу хозяйственной политики примѣнительно къ различнымъ періодамъ въ исторіи хозяйственнаго развитія народа. Подобно тому какъ каждый возрастъ въ жизни отдѣльнаго человѣка долженъ имѣть свою систему воспитанія и развитіе промышленности требуетъ неодинаковыхъ мѣропріятій со стороны правительственной власти въ различные моменты историческаго развитія народа — въ одни изъ этихъ моментовъ цѣлесообразною можетъ быть политика покровительства, въ другіе — политика свободы торговли и невмѣшательства. Вѣнцомъ экономической системы Листа было его ученіе о продуктивныхъ си-

---

6) См. выше цитир. соч. Антона Менгера Bohm-Bawerk. Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorien. 1884. Ср. мою рецензію на это сочиненіе въ Библіографіи изд. Демид. Юрид. Лицеемъ. Выпускъ 3-й.

лахъ, которымъ онъ старался объяснить выгоды протекціонистической политики и введенія тарифовъ для націй отставшихъ въ своемъ промышленномъ развитіи и для современной ему Германіи, въ особенности. Страны, въ которыхъ существуетъ протекціонистическая система должны уплачивать высокія цѣны за иностранные и туземные продукты покровительствуемыхъ отраслей промышленности; народъ отъ этого несетъ большіе потери, но теряя въ мѣновыхъ цѣнностяхъ, онъ выигрываетъ въ развитіи своихъ продуктивныхъ силъ, ибо подъ охраною тарифной системы въ странѣ могутъ возникнуть несуществовавшія прежде отрасли производства, образоваться капиталы, развиться техническіе пріемы, искусство и ловкость въ промышленныхъ классахъ населенія,—а это Листъ и называетъ продуктивными силами націи.

Свое ученіе о продуктивныхъ силахъ, которое вполнѣ было пригодно для объясненія цѣлесообразности цѣлой категоріи мѣропріятій по отношенію къ народному хозяйству, Листъ, сдѣлалъ исходнымъ началомъ критики системы А. Смита. Нападки на ученія А. Смита о свободѣ торговли Листъ соединилъ съ критикою теоретическихъ воззрѣній послѣдняго. Листъ обвиняетъ А. Смита въ матеріализмѣ, индивидуализмѣ и космополитизмѣ, ставитъ ему въ упрекъ, что онъ въ основу своихъ теоретическихъ построеній положилъ понятіе о хозяйственныхъ благахъ—о цѣнности—и предлагаетъ, съ своей стороны, построить всю теоретическую экономію на ученіи о продуктивныхъ силахъ. По теоріи продуктивныхъ силъ богатство націи должно опредѣляться не количествомъ матеріальныхъ благъ, находящихся въ ея распоряженіи, но способностью производить эти блага. Критиками Ф. Листа, въ свою пору, было достаточно выяснено къ какого рода несообразнымъ выводамъ привело бы такое своеобразное понятіе о богатствѣ. Тогда пришлось бы считать милліонера, но неспособнаго къ производительной дѣятельности, нищимъ, а

нищаго, но способного человѣка богачемъ. „Названіе продуктивныхъ силъ богатствомъ, говоритъ Рау, основано на смѣшеніи дѣйствительнаго богатства съ его причинами. Конечно, самое прочное богатство націи то, которое добыто ея собственнымъ трудомъ. Что владѣніе продуктивными силами ведетъ къ богатству это вѣрно настолько, насколько подъ продуктивными силами разумѣются, также, движимыя и недвижимыя вещи (капиталъ); что же касается „трудовой энергіи", „рабочихъ силъ" и „духовнаго образованія", то они не могутъ составить богатства, а только служатъ средствомъ для его пріобрѣтенія" [7]). Если, по выраженію Гильдебрандта, „Листова теорія (продуктивныхъ силъ) не имѣетъ подъ собою почвы и совершенно неспособна произвести какую либо реформу въ наукѣ", то причину этого надо искать въ томъ, что Листъ думалъ построить теоретическую экономію на началахъ заимствованныхъ имъ изъ хозяйственной политики — т. е. онъ дѣлалъ прямую методологическую ошибку [8]). Мы не касаемся здѣсь весьма преувеличенныхъ нападокъ Листа на „теорію свободной торговли". А. Смита. Мы только замѣтимъ, что тѣже принципы, въ силу которыхъ Листъ рекомендовалъ для Германіи тарифную систему, давали достаточное основаніе доказывать пользу свободы торговли для современной А. Смиту Англіи [9])

---

7) Karl Rau. Zur Kritik über F. Leist's nationales System der Politischen Oekonomie. Heidelberg. 1843 стр. 27.

8) Гильдебрандтъ. Полит экон. настоящаго и будущ. стр. 59 – 61.

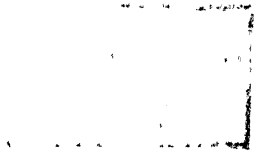
9) Относительно этого пункта полемики Листа противъ А. Смита проф. Онкенъ говоритъ: Нельзя безъ внутренняго волненія подумать о великомъ нѣмецкомъ экономистѣ, который былъ снѣдаемъ ненавистью противъ А. Смита, между тѣмъ какъ, при спокойномъ отношеніи, онъ могъ бы заимствовать у него остроумныя аргументы для своей точки зрѣнія. Onken. „Adam Smith und Emanuel Kant". стр. 221 и стр II введенія.

Мы уже видѣли, что проведеніе строгого разграниченія между вопросами хозяйственной теоріи и хозяйственной политики является однимъ изъ основныхъ требованій правильной критической оцѣнки ученій всякой данной экономической школы, системы, а также воззрѣній того или другого экономиста. Это же методологическое требованіе должно имѣть первенствующее значеніе въ критической исторіи политической экономіи при опредѣленіи отношеній между экономическими школами и связи соединяющей ихъ въ процессѣ развитія научной мысли. Намъ думается, что въ проведеніи строгого разграниченія началъ теоріи, политики и исторіи въ составѣ экономическихъ ученій заключается тотъ основной принципъ, на которомъ должна быть построена классификація экономическихъ школъ. Именно, для того чтобы оріентироваться въ массѣ экономическихъ системъ, мы должны прежде всего опредѣлить какую категорію задачъ экономическаго знанія рѣшаетъ или имѣетъ въ виду рѣшить каждая данная экономическая система т. е. относится ли она къ вопросамъ теоріи, хозяйственной политики, или исторіи хозяйства. По отношенію къ задачамъ изслѣдованія экономическія школы можно подраздѣлить, или, по системамъ хозяйственной теоріи, или, по системамъ хозяйственной политики, при чемъ окажется, что болѣе разработанныя экономическія системы (какъ напр. школы классическая, историческая и соціалистическая) слагаются изъ двухъ паралельныхъ системъ т. е. одною частью своихъ ученій относятся къ хозяйственной политикѣ, а другою къ теоріи, а потому при оцѣнкѣ экономическихъ системъ въ этихъ двухъ различныхъ отношеніяхъ требуется примѣнять радикально противоположные критеріи. Но другія экономическія системы являются, въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ, системами хозяйственной политики (какъ напр. система меркантилистовъ и протекціонистическое ученіе Фридриха Листа), или чистой теоріи, какъ напр. теоретическія ученія Менгера

о цѣнности и Бемъ-Баверка о капиталѣ,—такихъ ученыхъ, которые никогда не занимались вопросами хозяйственной политики и умѣли точно отдѣлять отъ этихъ послѣднихъ—чисто теоретическіе проблеммы. Далѣе, окажется, что каждая система теоретическихъ воззрѣній имѣетъ своимъ предметомъ объясненіе явленій опредѣленной исторической формаціи хозяйственной жизни. Большинство экономическихъ системъ расчитано на объясненіе хозяйственнаго быта современныхъ намъ культурныхъ народовъ, но существуютъ системы теоретическихъ воззрѣній, имѣющихъ своими предметомъ объясненіе явленій хозяйственнаго состоянія народовъ прошлаго времени. Таковы напр. теоретическія изслѣдованія Родбертуса въ области классической экономіи Греціи и Рима (теорія ойкоснаго хозяйства). Изслѣдованія Арнольда и Эндемана относительно феодальнаго хозяйства. Очевидно, что различія въ воззрѣніяхъ школъ относящихся къ различнымъ историческимъ эпохамъ вытекаютъ изъ того, что школы эти занимаются объясненіями не однихъ и тѣхъ же, а различныхъ фактовъ и формъ хозяйственнаго быта. Но и системы экономическихъ теорій разныхъ школъ, относящихся къ одной и той же исторической эпохѣ и къ одной и той же серіи хозяйственныхъ явленій и преслѣдующихъ одну и туже задачу—теоретическаго объясненія явленій – представляютъ коренныя различія, не меньшія тѣхъ, которыя вытекаютъ изъ различія въ самыхъ задачахъ экономическаго изслѣдованія (хозяйственная политика, или теорія). Основаніе этого различія коренится въ особенностяхъ метода и пріемовъ научнаго изслѣдованія. Таковы напр. различія въ воззрѣніяхъ между чисто теоретическими системами соціалистовъ (Родбертусъ, Марксъ) и индивидуалистовъ (Бастіа). Классифицируя экономическія школы по предложенному здѣсь основанію, мы должны будемъ одни и тѣже школы относить къ совершенно различнымъ группамъ въ хозяйственной политикѣ и теоретической

экономіи. Школы—классическая и соціалистическая по своимъ теоретическимъ воззрѣніямъ окажутся въ одной группѣ, но, по защищаемымъ ими принципамъ хозяйственной политики, они будутъ отнесены къ двумъ противоположнымъ практическимъ системамъ: „хозяйственной свободы“ и — „всесторонняго вмѣшательства“ въ частнохозяйственныя отношенія.

КОНЕЦЪ.



ОПЕЧАТКИ:

Стран.	*Строка.*		*Напечатано:*	*Должно быть:*
Предисл. I	4	сверху	insbesendere	insbesondere
3	6	—	особой логики въ концѣ	особой логики, въ концѣ
4	5	—	компроментировать	компрометировать
20	32	—	Custov Cohn	Gustav Cohn
22	20	—	преувеличенными авторитетами	преувеличеннымъ авторитетомъ
25	25	—	concensus	consensus
27	29	—	универсальная	универсальная
28	1	—	изученіе	изученія
30	7	—	основываются	основывается
30	21	—	движенія связи ихъ	движенія, связи ихъ
33	3	—	eficiens	efficiens
34	26	—	пунктамъ.... обстракція	пунктомъ.... абстракція
37	10	—	экономію,—противъ	экономію противъ
37	11	—	исторической	исторической,
37	15	—	время	времени
37	20	—	оно	онъ
38	21—22	—	второсте- пѣнныя	второсте- пенныя
40	27	—	тоже	также
41	3	—	ничѣмъ	ничѣмъ
42	5	—	всѣвозможныя	всевозможныя
44	9	—	квитъ эссенцію	квинтъ-эссенцію
45	17	—	производствами	производства
45	17	—	опредѣлятьси	опредѣляться
46	4	—	людя	люди
47	10	—	врямени	времени
48	28	—	Bageh t	Bagehot
50	6	—	лицъ	лицѣ
50	11	—	время	времени
52	7	—	трѣмя	тремя
53	10	—	составляло	составляла
54	22	—	ва	въ
55		—	дѣлающихся	дѣлающимся
63	5	—	объэктомъ	объектомъ
68	12	—	хозяиства	хозяйствѣ
70	20	—	но въ тоже, время	но въ тоже время
71	21	—	посвѣщенное	посвященное
86	32	—	въ литографированныхъ курсахъ	въ литографированномъ курсѣ
93	28	—	непримѣнимымъ	непримѣнимъ
93	31	—	актамъ	актомъ
94	29	—	стесненной	стѣсненной
105	16	—	ею	его
117	19	—	осно- ванныхъ	осно- вныхъ
123	18	—	приведеніе	проведеніе
123	21	—	ученію капиталѣ	ученію о капиталѣ
124	3	—	на производство благъ	на удовлетвореніе хозяйственныхъ потребностей

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть:*
125	16 сверху	большею	большою
125	23 —	послѣ слова „дѣйствительность“ пропущ.:	по методологическимъ основаніямъ“
126	16 —	пользующуюся	пользующеюся
127	4 —	не этого	ни этого
132	8 —	камбинируетъ	комбинируетъ
133	28 —	состояніемъ	состояніямъ
145 (209)	15 —	lessez	laissez
146	27 —	мѣлкій	мелкій
147	6 —	замѣтять	замѣтить
152	— —	„физіолого-теропія“	физіолого-терапія
156	8 —	точки	точкѣ
156	19 —	выражаются	выражается
157	22 —	непримѣряющееся	не примиряющееся
158	19 —	темнымъ	темными
160	2 —	сходятся	сходится
161	13 —	ими	имъ
164	6—7 —	предпола- ютъ рефермировать	предпола- гаютъ реформировать
173	18 —	относемъ	отнесемъ
174	19 —	вовсе занималась	вовсе не занималась
174	27 —	сторонникъ	сторонники
176	17 —	примѣренъ	примиренъ
176	22 —	пріувеличивали	преувеличивали
177	19 —	кажущіееся	кажущееся
179	13 —	преоставленій	представленій
179	19 —	навсегда	не всегда
180	27 —	изъ за океона,	изъ-за океана
180	33 —	акъ какъ	такъ какъ
181	12 —	готовымъ	готовыми
182	26 —	вориантами	варіантами
183	19 —	Брентана	Брентано
184	27 —	связаннаи	связанная
185	6 —	ее	ея
191	2 —	часности	частности
191	13 —	не опровергнуть	не опровергнуты
205	19 —	формы	формѣ
210	13 - 14 —	эгоисторическомъ	эгоистическомъ
210	20 —	индивидуумъ	индивидуумовъ
218	13 —	не включено	не включала
224	10 —	договорыя	договоры
232	24 —	ничемъ	ничѣмъ
233	14 -	поселенія	населенія
238	16 —	обезпечиванія	обезпеченія
242	2 —	Das Kina	Das Kind
244	21 —	обоими системами	обѣими системами
245	3 —	проведенныхъ	приведенныхъ
245	11 —	методологическимъ	методологическихъ
245	16 —	придметомъ	предметомъ
248	18 —	народу	народа
253	10 —	своими	своимъ